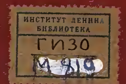
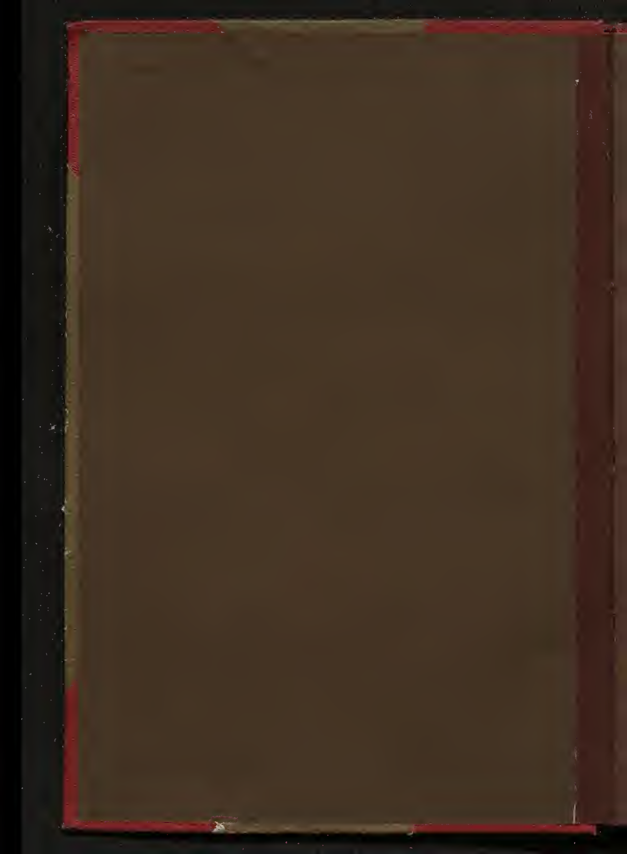
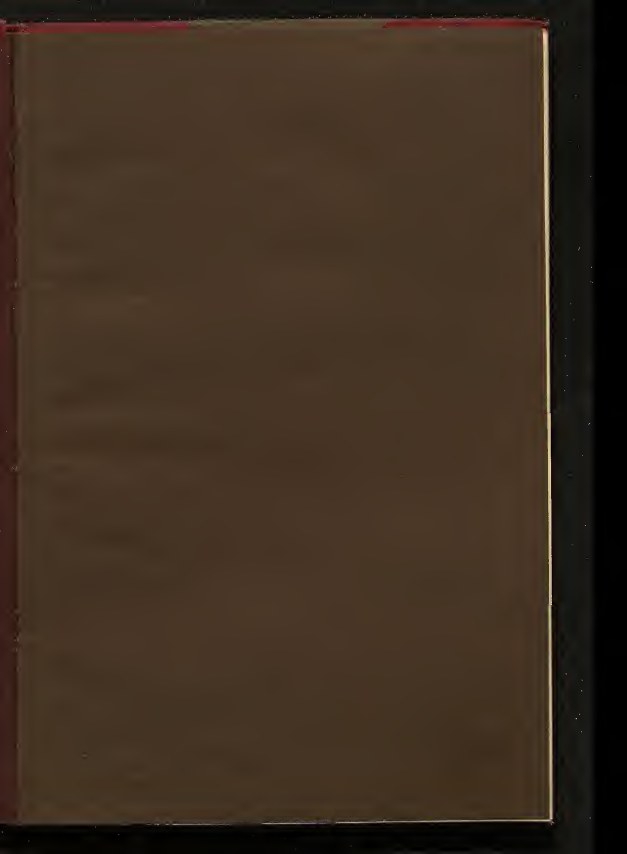
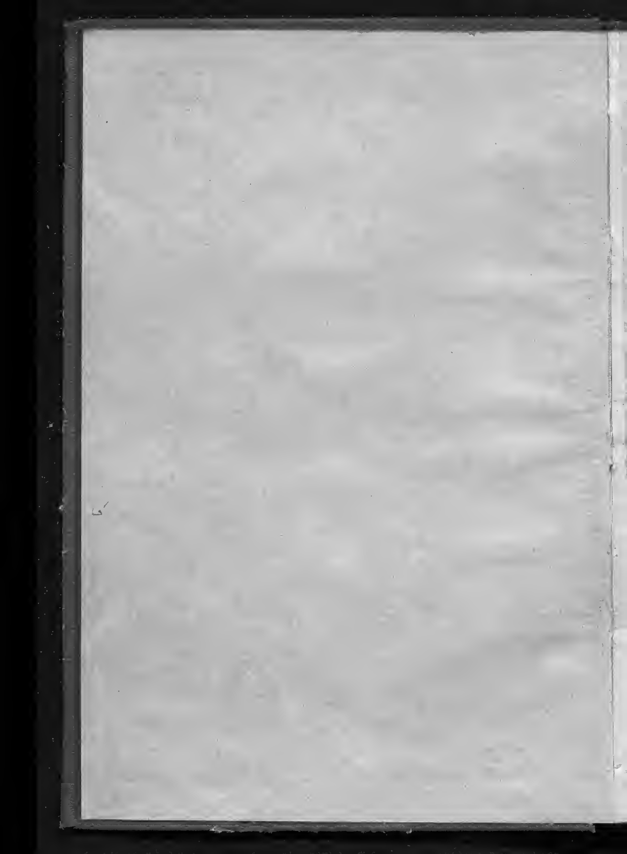

Попова
Московская
Провинция
в
Семнадцатом
году

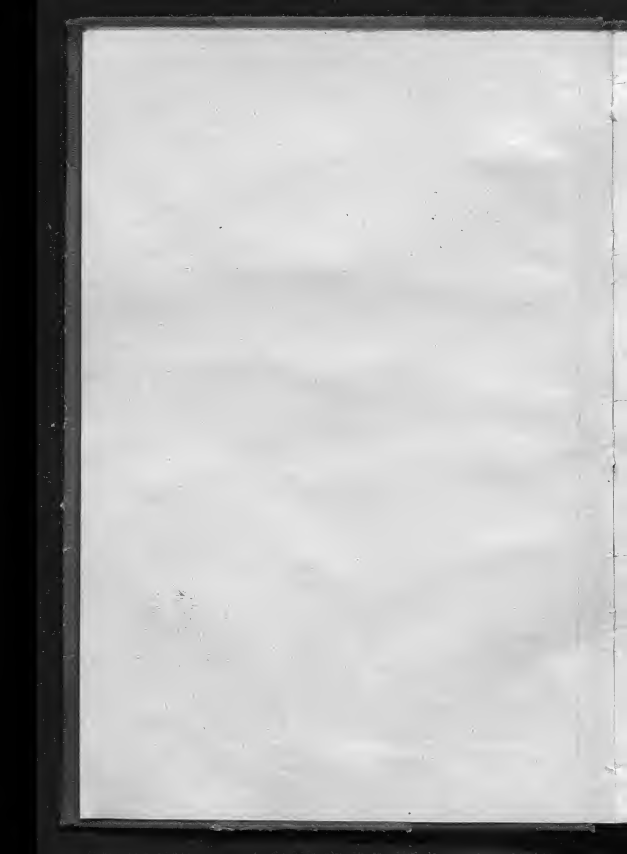
МОСКОВСКИЙ ИСТПАРТ

Е. ПОПОВА

МОСКОВСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"

Московский ИСТПАРТ

МОСКОВСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ

СБОРНИК

составила Е. ПОПОВА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

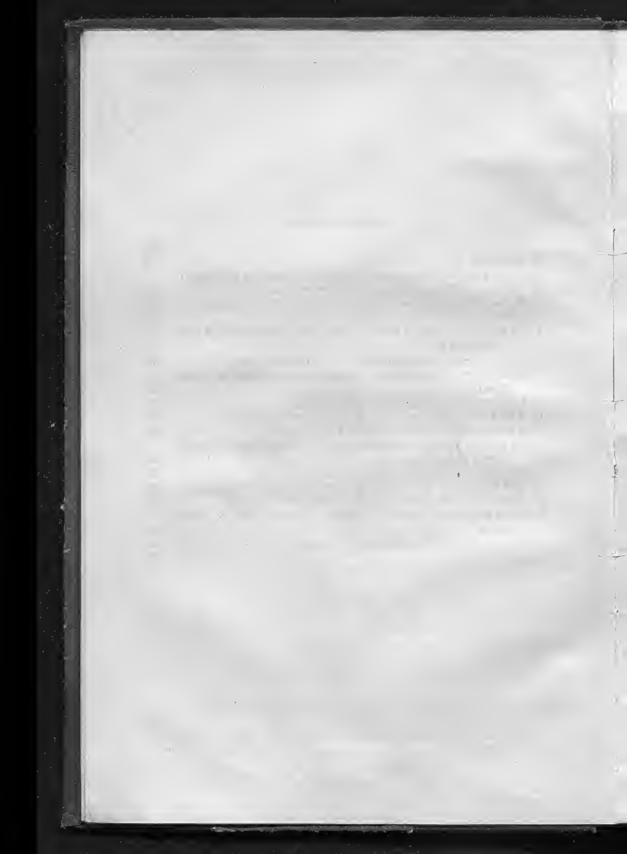

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
(3-я Мосполиграф)
М. Грузинская,
Столярный п.,
дом 5-7.

Мосгублит № 34818

Тираж 2.500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИСТПАРТА

Московская губерния, с ее обширными фабрично-заводскими районами, с многотысячным пролетариатом, насчитывающим десятки лет революционной борьбы, с ее богатым революционным прошлым заслуживает внимательного изучения, в особенности со стороны поколения, не успевшего пройти на опыте прошлого тяжелой школы революционной борьбы.

Изучая ход революционных событий 1917 г. по Московской губ., молодежь может почерпнуть для себя много интересного и поучительного.

Здесь она узнает, как рабочие отдаленных фабрик и заводов, заброшенные за десятки верст от Москвы и лишенные подчас необходимых газет, чутко прислушивались к биению революционного пульса в столицах и безоговорочно шли за большевиками, решительно отметая назойливых соглашателей.

Современная и подрастающая молодежь должна полностью узнать, с какими трудностями и усилиями, уже после свержения самодержавия, пролетариат Московской губернии добивался шаг за шагом улучшения своего положения и с каким яростным остервенением бросался на него капитал, заставляя его голодать и переносить жестокие мучения только за то, что в ту пору требовал права не управлять даже, а только контролировать то производство, где он работал.

Дальше идет борьба с открытым выступлением контрреволюции в дни корниловщины. Повсеместная организация Красной гвардии по губернии для защиты революции.

Стихийный рост рабочих большевистских организаций по фабрикам и заводам, отход крестьянских масс от соглашателей и признание ими так же, как и рабочими, последовательно революционной тактики большевиков.

А там Октябрь, давший героев, сражавшихся вместе с передовыми отрядами пролетариата на улицах Москвы.

Октябрьский переворот по губернии на местах явился лишь официальным признанием советской власти, которая еще задолго до Октября стала в фабричных центрах совершившимся фактом.

Моменты напряженной борьбы, собранные в этом сборнике, в громадном большинстве описаны рабочими с подмосковных фабрик и из уездов. Они сами, авторы этих статей, творили революцию на местах. Они сами арестовывали во время Февральской революции представителей старой власти, сами останавливали машины и звали рабочих на улицу, где устраивали демонстрации.

Это они, авторы этих статей, организовывали советы рабочих депутатов, завкомы и профсоюзы и работали в них, не покладая рук.

Это они, вернувшись из ссылок и тюрем, с восторгом и горячностью хватались за новую работу, заражая товарищей своим энтузиазмом и своей неимоверной энергией.

Их путь длинен и разнообразен—от ткацких станков и кузнечных мехов, через тюремные стены и глухую тайгу, до председателей советов, организаторов Красной гвардии, членов ревкомов и смелых бойцов с винтовками в руках на улицах Красной Москвы в страдные дни Великого Октября.

Полидоров

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В „ОКРУЖКЕ“ В 1917 ГОДУ

В Москву я приехал числа 10 марта (по старому стилю), освободившись из каторжной тюрьмы в г. Ярославле. Девятилетнее тюремное заключение, при полной оторванности от того, что делается на «воле», давало себя знать. Отношение к войне у меня было правильное, и вся политика большевиков мною разделялась вполне. Потребовалось освежить себя новым материалом, накопившимся за последний десяток лет. Я почти каждый день заходил в МК РСДРП, где секретарем был мой старый знакомый тов. Влас (Лихачев). Беседовал с ним, с другой публикой. Заходил иногда и в комнату областного бюро. К окружному комитету я не имел никакого отношения. Правда, еще в 1908 г. я привлекался по делу окружного комитета, но это была путаница со стороны жандармов, так как я в то время работал в Московской городской организации.

Отдохнув от каторги, привыкнув к потоку впечатлений, почитав кое-что из брошюрочной литературы и газет всех социалистических партий (большевиков, меньшевиков, эсеров), я счел возможным для себя заняться партийной работой. К ней меня уже неудержимо тянуло.

Об этом я разговаривал как-то с тов. Ведерниковым, также сидевшим в ярославской каторжной тюрьме, но потом ушедшим на поселение.

Он за меня ухватился и привел в окружной комитет, где он работал, выезжая, как агитатор, в уезды.

Я с радостью взялся быть раз'ездным агитатором.

На меня и МК, и окружной комитет производили впечатление чего-то очень знакомого, родного.

Московский комитет занимал целую комнату в Капцовском училище. Окружной комитет, областное бюро и железнодорожная организация занимали втроем другую комнату, по-соседству. В широкой, длинной комнате, куда выходили двери нескольких комнат, занимаемых различными социалистическими организациями, продавали и распространяли литературу: газеты, листки, брошюрки. Сначала газетами

торговали на площадке лестницы, а потом поместились в указанном полутемном зале.

Большевистские газеты трудно было достать у газетчиков, приходилось за ними заходить в Капцовку. На работу в «окружку» я поступил 14 мая. Что собой средставлял тогда аппарат окружного комитета? В комнате стоял стол, за которым с утра до вечера сидел секретарь. Это была явка. За другим столиком сидел техник, заведывающий распределением литературы. За третьим столом сидел секретарь или член областного бюро. Не помню, был ли стол распределения литературы областного бюро.

За четвертым столом сидел секретарь железнодорожной организации. Впечатление получалось такое, как будто работали в нелегальной организации. Только квартира организации была открыта всем, была «легальна».

Легально выходили газеты и выступали агитаторы, но сами комитеты были по существу полулегальными организациями. Они были своего рода легальными островками среди широкого житейского моря. На явки приходили представители местных организаций, рассказывали, как обстоит дело у них, говорили о выступлениях меньшевиков, эсеров. Приходили не только представители уездных комитетов, но и отдельных фабричных ячеек. Требовали докладчиков, спрашивали раз'яснений по различным вопросам текущей политики.

Таким образом секретарь окружного комитета вместе со своим техническим сотрудником был и справочным бюро, и распределителем литературы, и отыскивателем докладчиков. Последнее было трудным делом. Найти нужно было такого товарища, который сумел бы и удовлетворить аудиторию, и разбить своих противников—эсеров и меньшевиков. Кое-где в уездах у последних были недурные ораторы. Затем самые раз'езды требовали затраты массы времени. Приходилось в большинстве случаев оставаться на ночь и возвращаться только на следующий день утром. Деньги обыкновенно давались только на железнодорожный билет. На местах агитатора окружного комитета местные ячейки встречали очень тепло и полностью обслуживали: давали фабричных лошадей, помещали в фабричные дома для приезжих, кормили за счет тех культфондов, которые прежде, до революции, фабричные управления тратили на приглашение артистов и их содержание. Приедешь на станцию—там или ждет лошадь, или вышел специально присланный товарищ встретить и проводить оратора; иногда приходилось самим итти по указанному адресу на фабрику, часто за 2—3 версты.

Отношение к приезжим было такое же, как и в нелегальное время. Были явки в советах, в партийных поме-

щениях, ячейках. Приходишь и ни о чем не заботишься. Напоят чаем, накормят и спать уложат. Очень охотно члены комитетов и ячеек брали приехавших ораторов к себе на ночовку. Если что иногда случалось—собрание не состоялось почему-нибудь—устроители чувствовали себя виноватыми и старались в следующий раз во что бы то ни стало его устроить. Они чувствовали себя виноватыми за бесполезную растрату сил,—а сил было очень мало в то время, а вопросы были очень важны.

Заседания бюро и комитета происходили за тем же секретарским столом. Обсядут его кругом члены бюро и комитета, агитаторы и все товарищи с мест, приехавшие в это время по делам, и начнут обсуждать различные вопросы.

Всякий товарищ с мест, случайно присутствующий на заседании, имел право высказаться по поднятому вопросу. Литература в скудном количестве продавалась за деньги.

Трудные условия работы сильно сплачивали в одну дружную семью работников окружного комитета.

В первой половине 1917 г. были секретарями сначала Надежда Николаевна Колесникова, затем Цецилия Самойловна Бобровская.

Постоянным их помощником, исполнявшим всю «черную» техническую работу, была тов. Георгиева. Ей помогали молоденький паренек Дугачев и тов. Николаев. Работниками, выезжавшими на места и работавшими в самом комитете, были Василий Иванович Соловьев, Николай Николаевич Овсянников, Н. М. Мещеряков, тов. Зевин, зверски убитый англичанами в Баку, как один из «26 комиссаров», Ведерников и я. Позднее присоединились тов. Миньков, тов. Сапронов, тов. Иванов. Тов. Мещеряков редко выезжал в уезды, Соловьев и Овсянников—немного чаще в первые месяцы 1917 г., затем тоже редко. Много раз'езжал тов. Ведерников, недурной оратор, от которого так и веяло энергией.

Часто ездили Зевин и я. Приходилось выезжать четыре—пять раз в неделю. При этом раза три обязательно случалось оставаться на ночь.

После каждой поездки делался устный, а иногда и письменный отчет секретарю.

Выезжали не во все места губернии одинаково часто, а в определенные места, более интенсивно требовавшие такого приезда.

В Богородском уезде обслуживали всего чаще Глуховскую мануфактуру; бывали в Затишье на б. Второвском заводе и строившемся заводе Электростали, на Истоминской мануфактуре, Саввинской фабрике. Я привожу прежние названия фабрик и заводов. Павловский Посад чувствовал себя в то время довольно самостоятельно. Там ораторы

окружного комитета бывали на Французской фабрике, Лабзинской, Корневской.

Щелково тогда принадлежало к Богородскому уезду, но с Богородском было мало связано, и держало связь непосредственно с Москвой.

Орехово-зуевские морозовские фабрики, Дрезненская фабрика, Ликинская и Дулевская, хотя юридически числились за Богородским уездом, тяготели к Орехову, который еще не был уездным центром.

Коломенский машиностроительный завод и Озерские фабрики, Коншинские фабрики в Серпухове, Зингерский завод в Подольске и механический завод в Гривне, Подольского уезда; фабрики на Подсолнечной и Высоковская мануфактура в Клину; Нара-Фоминская фабрика, Дедовская мануфактура, фабрики Попова, завод «Проводник», Звенигородского уезда, Высоковская мануфактура, Кузнецовская фабрика в Вербинках, Дмитровского уезда, Раменская и Старо-Горкинская фабрика, Бронницкого уезда, Старшиновская фабрика, Волоколамского уезда,—вот почти все связи окружного комитета в уездах, кроме Московского.

В Московском уезде обслуживалось много фабрик: в Мытищах—вагоностроительный завод, в Пушкине—фабрика Арманд, Ивантеевская фабрика в Кунцеве, пороховой завод и несколько текстильных фабрик, фабрика при ст. Лобня, Люберецкий завод, Перовские мастерские, Реутовская мануфактура. Балашихинская мануфактура, Большевская мануфактура. Ездили и в уездные города: Рузу, Звенигород, Воскресенск, Верею, Можайск, Сергиев-посад, в которых не было фабрик, и там ставили доклады. Устраивали публичные митинги и в других уездных городах. На всех этих фабриках за 1917 год агитаторы окружного комитета выступали по нескольку раз, а на некоторых фабриках, как Глуховская, Коншинская, Мытищи, Щелково, Люберцы, Перово,—по нескольку десятков раз. Посылались агитаторы и в воинские части, например, в Павловскую слободу, Можайск, Серпухов. Далеко не одинаковы были уездные центры и фабричные поселки,—не равны были там силы большевиков, их влияние, силы их противников. С этим приходилось очень и очень считаться окружному комитету.

В некоторых центрах, как Орехово-Зуево, наше влияние было безраздельным, противники были слабы, наши силы—велики: Бумажный, Киров, Барышников, Бугров, Муранов, Муравьев, Хазов, очень молодой Каравай и пр.

Фактически в Орехово-Зуеве уже после Февральской революции местный совет имел полную власть.

Труднее было в Богородске: исключительное влияние большевики имели на Глуховской мануфактуре, но в Бого-

родске были сильные эсеры: Чудинов (ныне коммунист) и пр.: меньшевики: Будрин, Новиков (ныне коммунист); об'единенцы: Литкенс (позднее коммунист). С ними приходилось считаться. В Богородске даже председателем совета в первые месяцы 1917 г. был не большевик, а об'единенец, человек-болото [1]).

Еще хуже наши дела обстояли в Серпухове и Коломне. Там наши противники долго имели за собой большинство.

В Нара-Фоминске большевиков вначале было всего два—три человека. Борьба особенно разгорелась после июльских дней. На целом ряде фабрик ораторов-большевиков встречали криками: «Долой!», «Немецкие шпионы!»

В Нара-Фоминске на общем митинге комиссар эсер назвал Ленина немецким шпионом. Мне не сразу дали говорить, но все-таки выслушали. Когда я уходил, то кое-кто из расходившихся рабочих говорил: «Больше к нам не приезжай». Когда я опять приехал, несколько рабочих, встретившихся по дороге и узнавших меня, заявили: «Ты опять приехал, мы же говорили, чтобы ты не приезжал». Останавливался я в то время в каморке у одного рабочего. Фабричный дом для приезжих был тогда недоступен большевикам.

Но ко времени октябрьского переворота положение дел коренным образом изменилось. За нас шло большинство, и в Нара-Фоминской не хотели уже слушать эсеров.

В Дмитровском уезде, на Ляминской фабрике [2]), мне целый час не давали говорить. Набитый до-отказа большой зал не вмещал собравшуюся толпу. Наиболее рьяные головы хотели тащить меня топить в речке. А после шума и крика слушали $1^1/_2$ часа и аплодировали.

В Вербилках, на Кузнецовской фабрике, раз сорвала митинг группа рабочих, науськанная управляющим фабрикой.

Это было общим явлением. Против нас, вместе с эсерами и меньшевиками, вели работу, нашептывали, пускали всякие сплетни управляющие, директора и мастера, старались вызвать подозрение, не пренебрегая никакими средствами. Особенно те из них, которые были правой рукой хозяев, которые привыкли и умели очень ловко влиять на настроение рабочих.

Сюда же примыкали те из высших служащих фабрик, которые принадлежали к кадетской партии.

Они старались науськивать на нас наименее сознательные группы рабочих.

---

[1]) Болото, или центр,—парламентское выражение, характеризующее группу, занимающую примиренческую, колеблющуюся позицию.

[2]) Фабрика б. Лямина находится при ст. Яхрома.

Был даже—один, правда—случай в Богородске, на постройках Электростали, когда двух работников окружного комитета, присланных на постоянную работу—Гришу Беленького и Васю—даже стали бить, и, не подоспей подмога из Богородска, дело могло бы кончиться плохо.

Были и другие случаи.

В Орехово-Зуеве, Глухове и на заводе «Проводник»—наших твердынях того времени—не хотели слушать меньшевиков и эсеров. Доходило до того, что на торфоразработках в Богородске тов. Ведерникову пришлось спасать эсеровского оратора.

В общем наблюдалась по губернии такая картина. В первые месяцы 1917 года мы были очень слабы, кроме Орехова, Глухова, «Проводника», но резких выступлений против нас наблюдалось мало. С июня нам становится трудно выступать на ряде фабрик и заводов. Наши силы растут, и к Октябрьским дням мы уже имели завоеванным большинство рабочих масс. Эсерам и меньшевикам нечего было и думать что-либо организовывать в эти дни против нас. Их песенка была спета—и навсегда.

В чем же состояла партийная работа на местах в эти дни? Почти исключительно в речах.

Бесконечная вереница митингов, на больших фабриках—по нескольку в неделю; частые выступления на собраниях советов с политическими докладами. Речи депутатов очень часто превращались в политические доклады по любому вопросу. И речи эти охотно слушались.

Масса мало читала газеты—меньше, чем сейчас. Она политически росла на митингах, на спорах представителей разных партий.

После митингов возникали большие споры и обыкновенно продолжались в казармах. Индивидуальная и групповая агитация в то время сильно процветала. Много внимания уделяли уездные партийные комитеты вопросам отношения фабрикантов и заводчиков к производству, их саботажу. Очень трудно было разрешать такие вопросы. Фабричная администрация чувствовала поддержку со стороны Временного правительства и временных правлений, заменивших городские думы и земские управы. Они надеялись, что большевики будут раздавлены, и понемногу установится настоящая, прежняя, буржуазная власть. Уездные комиссары, назначенные центром, состояли из эсеров, меньшевиков и об'единенцев и, распоряжаясь внутренней охраной, тормозили борьбу с капиталистами. Вспоминается мне такой случай: в Глухове на фабрике какие-то действия директора фабрики шли вразрез с нашими требованиями. Я потребовал

ареста его. Уездный комиссар г. Богородска тов. Киселев не решился сделать этого.

Буржуазные и мелкобуржуазные элементы по губернии к августу уже фактически сдали свои позиции и любили подчеркивать свою лойяльность по отношению к советам.

Уже начинал остро вставать продовольственный вопрос. Приходилось и советам, и комитетам много заниматься этим вопросом. Массы рабочих чувствовали в большевиках своих настоящих защитников и выразителей своих интересов. Ясная постановка вопросов о войне и хлебе, о защите интересов рабочих, энергичная работа большевиков, имевших горячих, преданных представителей на всех фабриках, рассеяли туман лжи и клеветы, напускаемый эсерами, меньшевиками и буржуазией. Масса начала глубоко верить, что только большевики смогут покончить с войной, хлебным вопросом и создать новую жизнь.

Интересной иллюстрацией к этому является следующий факт из жизни Глуховской фабрики. Там сотни старух требовали, чтобы их записали в партию большевиков, «нашу» партию, неграмотных старух, которые с большим рвением посещали митинги и внимательно слушали ораторов.

Пришлось окружному комитету и уездным комитетам заняться с осени 1917 г. вопросом городского и земского самоуправления. Были произведены везде перевыборы.

Обсуждены, намечены и проведены председатели и работники дум и управ. Мне пришлось осесть в Богородске, как члену городской думы и члену земской управы, в качестве заведующего народным образованием. Тов. Иванов был послан в Звенигород председателем земской управы. Можно сказать, что тогда регулярного руководства деятельностью советов со стороны комитетов не было. Комитеты намечали руководящих товарищей, усиливали ими совет, и все. А советы и большевики, работавшие в них, сами по своему разумению вели политику. Так же обстояло дело и с городским и земским самоуправлением. Была сделана попытка использовать фракцию городской московской думы для образования комиссии с представителями губернии (входил я), чтобы изучать и прорабатывать муниципальные вопросы, но большого толку из этого не получилось. Работали там Владимирский, Афонин, Кузовков и др.

К осени окружной комитет окреп. В нем стали постоянно работать Сапронов, Барышников, Инесса Арманд, Столяров, Крюков.

Октябрьская революция прошла в губернии без сучка и задоринки. В некоторых центрах, как Орехово, Богородск, Подольск, Серпухов, власть уже фактически принадлежала советам.

В таких глухих уголках, как Верея, Волоколамск, слабенькие советы взяли власть, но фактически уничтожить влияние эсеровских и меньшевистских элементов в городском и земском самоуправлении смогли лишь позднее.

Во всяком случае в 1917 г. никто в губернии не осмеливался оспаривать у совета права взять власть в свои руки, и никто не решался делать попытки помешать этому или помогать эсерам и меньшевикам во время Октябрьской недели в Москве.

В губернии не только все было спокойно, но ряд мест, как Орехово, Коломна, Серпухов, Подольск, «Проводник» и целый ряд фабрик Московского уезда, выслали отряды и много одиночек на поддержку московского восстания.

Окружной комитет, как таковой, в самые дни восстания растворился и играл в событиях небольшую роль.

Его работники были на местах или принимали непосредственное участие в боях. Секретарь его, тов. Бобровская, была больна. Место, где находился окружной комитет, некоторое время было отрезано от Московского совета.

Гладко прошел и переход городского и земского хозяйства в руки советов. Вздыхали и просили этого не делать меньшевики и об'единенцы (например, тов. Литкенс в Богородске), боясь за руководство хозяйством, но уступали без больших споров. Они чувствовали свое полное бессилие и изоляцию.

Говоря о 1917 г. в Московской губернии, т.-е. о Февральской и Октябрьской революциях, следует указать, что самый октябрьский переворот в Московской губернии прошел легко, без сопротивления, что борьба с советской властью была поднята в 1918 г. Мелкобуржуазные и буржуазные элементы—эсеры, меньшевики, торговцы, кулаки, офицеры, попы, монахи, кустари-хозяйчики—пытались сопротивляться. В 1918 г. они произвели несколько попыток восстания.

Осаждали Верею, захватили Звенигород, убив там члена совета и арестовав его председателя тов. Иванова, но не решились покончить с ним. Сожгли здание совета в Павловском Посаде, убив несколько членов совета, поднимали беспорядки в Волоколамском уезде, Рогачевской волости Дмитровского уезда, в Бронницком уезде.

Но все эти восстания были явно обречены на неудачу. Большие фабрики, могучие пролетарские центры и разрозненность и слабость буржуазии—причина того, что Октябрь в губернии прошел легко, незаметно.

И. Бугров

1917 ГОД В ОРЕХОВО-ЗУЕВСКОМ РАЙОНЕ

К началу 1916 года в связи с войной продовольственное положение на фабриках Орехово-Зуева, а особенно Викулы Морозова, настолько ухудшилось, что на почве недостатка необходимых продуктов питания и снятия неработающих членов семьи с пайка, в марте там снова возникла забастовка и пред'явлены требования:

«1) Чтобы были для рабочих и их семейств все продукты в достаточном количестве, как-то: мука, мыло, масло, крупа, в хорошем качестве, но не как сейчас тухлая, сахар, картофель, капуста и мясо.

2) Рабочим прибавить в процентном отношении до 80 коп. на рабочий рубль. Прибавить в расценках на военные и прочие товары до 40 коп. на кусок.

3) Рабочие, желающие вписывать детей, родителей, сестер и братьев, которые находятся на их иждивении, чтобы харчи писались и на этих людей. Ткачам ниточного корпуса писать харчи в ниточном корпусе отдельно».

Забастовка была непродолжительной. Правление фабрик Викулы Морозова скоро пошло на уступки, о чем поставило рабочих в известность своим об'явлением 14 марта 1916 года за подписью правления. Об'явление по своему содержанию заслуживает внимания, поэтому приводится полностью:

«В переживаемое ныне тяжелое время правление товарищества, заботясь о нуждах рабочих, решило с 1 марта 1916 года: 1) Прежнюю временную прибавку в пятнадцать процентов увеличить еще на десять процентов, так что с 1 марта 1916 года всем рабочим будет выдаваться, впредь до отмены, двадцать пять процентов на их заработок.

2) Сверх того к пасхе 1916 г. всем рабочим, состоящим к тому времени на работе на фабриках товарищества, будет выдана награда—вместо выдаваемых до сего времени пяти процентов десять процентов каждому рабочему к его заработку, не считаясь с тем временем, когда кто поступил на работу. Правление вполне надеется, что рабочие наших фабрик всеми силами будут стремиться и в будущем дать возможность товариществу с честью провести тяжелое время войны в непрерывной и аккуратной работе. Правление».

Получив незначительную прибавку. хотя она была и неудовлетворительна, рабочие к работе приступили с тем, чтобы вновь забастовать. Передышка оказалась непродолжительной. После мартовской забастовки в апреле произошел ряд арестов, и несколько человек было выслано из Орехова административным порядком.

Несмотря на репрессии со стороны Морозовых и жандармов, в июне забастовка возобновилась с новой силой и была уже более организованной, хотя руководителей не было. Рабочие требовали увеличения расценок и выдачи в достаточном количестве продуктов первой необходимости из фабричных харчевых лавок. Забастовка приняла затяжной характер. Обе стороны не сдавались. Прошло уже около трех недель, а дым из труб еще не показывался. Наконец, Морозовы решили пойти на уступку и прибавить еще 10% в виде временной военной прибавки, т.-е. в общей сложности получилось с прежними 35%. После этой, хотя и незначительной, прибавки рабочие снова приступили к работе, чувствуя себя до некоторой степени победителями, хотя такая прибавка их далеко не удовлетворяла. Продовольственное положение в Орехове не улучшалось, поступление грузов с каждым днем становилось меньше, и цены все дорожали, а в сравнении с 1914 годом поднялись почти на 205%. Кроме того, вздорожали квартиры и отопление. Табличка сравнения цен, составленная фабричным инспектором Кудрявцевым и посланная им старшему фабричному инспектору Селивановскому, является иллюстрацией к только что сказанному.

Сравнительная таблица цен на продукты и предметы первой необходимости

	1914 г., июль	1916 г., август
Мука ржаная пуд	1 р. 30 к.	2 р. 40 к.
Мука пшеничная пуд	2 „ 40 „	4 „ 40 „
Крупа гречневая пуд	2 „ 10 „	4 „ 20 „
Мясо фунт	— „ 22 „	— „ 90 „
Масло фунт	— „ 40 „	1 „ 55 „
Рыба разная фунт	от 27 к. до 55 к.	от 1 р. 50 к. до 2 р. 75 к.
Цены на квартиру поднялись	до 50%	
Дрова погонная сажень	9 р. — к.	30 р. — к.

Поэтому рабочие успокоиться не могли, и недовольство, хотя и затаенное, осталось, и это хорошо учитывалось фабрикантами. Они стали принимать предупредительные меры, чтобы не допустить до новой забастовки и не лишиться

барышей на военных заказах. Правление фабрик Морозовых об'явлением 24 сентября извещает рабочих, что: «В виду вздорожания предметов первой необходимости оно решило с 1 октября 1916 года временную военную прибавку увеличить на 10% всем рабочим, кроме строительного отдела, которым будет выдаваться 45% на их заработок».

Кроме того, было заявлено, так же как и в 1915 году, что правление будет отпускать харчевые припасы по возможно удешевленным ценам, но если в виду военного времени будет недостаточно продуктов, то правление надеется на благоразумие рабочих, что они будут терпеливо ждать, и т. д.

Рабочие терпели, но всякому терпению наступает конец. Подвоз продовольствия все сокращался. Около фабричных харчевых лавок стали образовываться огромные очереди. Чтобы получить свою норму хлеба, в очереди простаивали всю ночь. А тут зима с 20-градусными морозами. Некоторые не выдерживали, падали в обморок и из очереди в карете скорой помощи отправлялись в больницу. Правление пишет срочные донесения губернатору, прося ускорить подвоз ржаной муки, так как фабрика работает на 75% на оборону и из-за недостатка продовольствия может остановиться. А 22 декабря правление пишет старшему фабричному инспектору в гор. Владимир отношение, которое приводится здесь в выдержках:

«Среди рабочего населения фабрик товарищества, достигающего 25 тысяч человек, в последнее время наблюдаются сильное волнение и недовольство, вследствие невыдачи им из фабричного амбара администрацией фабрик некоторых жизненных продуктов, как-то: крупы, пшена, сахара-рафинада, и недостаточной выдачи других—мяса, масла, черного хлеба и пр. Вместо рафинада, с августа месяца рабочим выдается сахарный песок в крайне ограниченном количестве, по 1 фунту в месяц на рабочего человека»... «Если продовольственное положение рабочих фабрик товарищества не улучшится, легко можно ожидать останова работ на фабриках и беспорядков, могущих принять самый неблагоприятный характер и охватить население и других фабрик». Но, несмотря даже на тревожные крики самих фабрикантов, рабочие продолжали оставаться без белой муки, мяса и других продуктов.

* * *

Дня за два до свержения Николая II перестали приходить в Орехово газеты; рабочие совершенно не знали, что делается на фронтах, в Петрограде и Москве, не узнали также своевременно и о падении царского самодержавия. Фабрики работали обычным порядком. Рабочие за время войны при-

выкли почитать газетку и потолковать о прочитанном. Как и обычно, они тянулись с пятачками туда, где стояг газетчики, но, не видя их на месте, расходились в недоумении.

— Что же это опять газеты не пришли?—задает вслух вопрос, ни к кому не обращаясь, рабочий.

— Да,—отвечает другой,—случилось что-нибудь. Надо на станцию сходить,—там нет ли, или что-нибудь услышим от пассажиров.

Некоторые любители новинок шли на станцию, но и там не могли удовлетворить своего любопытства. Пассажиры, выскакивая из вагонов, торопятся в разные стороны. Станционная платформа пуста. При встрече одного пассажирского поезда из Москвы среди жандармов определенно было заметно какое-то беспокойство, а пассажиры при встрече со своими знакомыми рассказывали, что видели в Москве демонстрации с красными флагами и не только рабочих, но и вооруженных солдат, и что самое главное—демонстрантов никто не разгоняет. Слухи скоро подтвердились.

1 или 3 марта с полуденным поездом из Москвы приехали 6—7 солдат с винтовками, на штыках развеваются красные ленточки. Такое явление привлекло внимание рабочих, многие останавливались посмотреть, что с ними будет делать городовой, стоящий на посту. Но городовой вместо того, чтобы, как бывало, задержать солдат, сделал вид, что не замечает их, хотя они от станции до главной конторы Саввы Морозова прошли по улице целую версту. Один из рабочих спросил солдата, что означает привязанная ленточка на штыке. Солдат, повидимому, того только и ждал. Начал охотно рассказывать о свержении самодержавия и образовании Временного правительства из состава членов Государственной Думы. Полиция и жандармы в Петрограде и Москве арестованы, и рабочие празднуют победу над самодержавием. Рабочих,—сказал он,—из фабрик необходимо вывести и рассказать им обо всем происшедшем. Во время разговора собралась значительная толпа рабочих, некоторые охотно согласились помочь устроить забастовку и тут же с солдатами разошлись по разным отделам. Рабочие, увидев солдат внутри фабрики и узнав, в чем дело, в ту же минуту остановили машины и вышли из фабрики, но, боясь, повидимому, казацких нагаек, многие разошлись по своим квартирам, рассказывая встречным о слышанном. На Никольской улице [1]) около конторы собралось огромное количество рабочих, и тут же был устроен летучий митинг. Выступали солдаты, выступали также и рабочие. Один из ораторов-рабочих предложил в знак победы над самодержавием об'явить трехдневный

[1]) Ныне Ленинская.

праздник. А оратор-солдат предложил сейчас же разоружить полицию и жандармов. Оба предложения были приняты единогласно, и сразу же с митинга под руководством приезжего солдата более 2.000 человек пошли к полицейскому участку местечка Никольского. Городовые были захвачены врасплох и разоружены без всякого сопротивления. Часть из них была арестована вместе с помощником пристава. Арестованных посадили на грузовые полки, туда же положили оружие и под конвоем вооруженных рабочих повезли на вокзал. По дороге арестовали жандармского подполковника и нескольких жандармов. Всех арестованных отправили на станцию Орехово. Другая часть солдат с рабочими произвела разоружение полиции в селе Зуеве и арестовала полицейского пристава. Все арестованные со следующим поездом из Орехова были отправлены в Москву вместе с отобранным оружием под конвоем приезжих солдат.

Как только рабочие Орехова узнали о свержении Николая, все работы на фабриках прекратились. На улице между фабриками и главной конторой был устроен митинг, на котором постановили об'явить трехдневный праздник в знак победы рабочих и крестьян над самодержавием. К Временному правительству рабочие не питали никакого доверия.

Рабочая масса вздохнула свободно широкой грудью, почувствовав, что царское самодержавие действительно пало. На улице не видно гарцующих наемных казаков, полиция и жандармы арестованы самими рабочими. Масса упивалась первыми победами революции.

Тем временем в противоположном лагере, как только полиция и жандармы были отправлены, бывшие царские чиновники, судебный следователь Альбицкий, А., фабричный инспектор Кудрявцев, некоторые лица из фабричной администрации, учителя и ореховские купцы—люди разных политических оттенков—тайно от рабочих собрались в гимназии и выбрали из своей среды орган под названием «Местный комитет общественной безопасности».

Вновь организовавшийся Местный комитет приступил к вербовке милиции из учащейся молодежи, служащих и детей купцов. Комиссаром милиции был выделен А. Н. Альбицкий, помощниками его—П. М. Кудрявцев, И. Г. Акимов и В. В. Яшин.

Отличительный знак милиции—белая повязка на рукаве. Комитетом был выпущен ряд обращений к населению о поддержке Временного правительства.

Дня через два Местный комитет общественной безопасности, при том же составе, переименовывается во Временный исполнительный комитет и выпускает обращение к населению о сдаче оружия в распоряжение комитета.

* *
*

Рабочие массы деятельностью Временного исполнительного комитета были недовольны и относились к нему с большим недоверием; поэтому среди рабочих стали распространяться всевозможные слухи по адресу комитета, тем более, что о выборах в комитет никто из рабочих не знал. Недовольство со стороны рабочих чувствовал и сам комитет.

Чтобы поднять свой авторитет и упрочить свое положение, числа 12 марта Временный исполнительный комитет об'явил о выборах совета рабочих депутатов.

Выборы происходили по отделам фабрик, от 500 рабочих—один депутат. Подготовку выборов и агитацию вели лица, занимавшие административные должности; поэтому в первый совет прошло большинство из фабричной администрации, конторские служащие, бывшие чиновники, ореховские купцы, рабочих же—меньшинство. Председателем СРД избран рабочий прядильного отдела Мочалин, Федор Дмитриевич, но руководство оставалось в руках инженеров Лоханько, Белавина и др.

Комиссаром милиции оставался Альбицкий, его помощниками—Кудрявцев, Акимов и Яшин. Исполнительный комитет совета выбран не был, и параллельно с СРД оставался прежний, так называемый Временный исполнительный комитет, который и вел работу.

Совет первого состава собирался всего два—три раза, и многие члены совета от рабочих не знали об этих собраниях так же как не знали и того, где находится совет, так как определенного помещения для работы совета не было. Такой совет не мог удовлетворить самых насущных нужд рабочих; поэтому 19 марта он был переизбран.

* *
*

Как упоминалось выше, организация РСДРП в конце апреля 1916 года была окончательно разгромлена жандармами. С начала Февральской революции оставшиеся товарищи не были об'единены между собой, поэтому работа их в рабочих массах была незаметна, но все-таки почва постепенно подготовлялась.

Во время существования первого совета тов. Липатов, А. И., по своей собственной инициативе поехал в Москву, в Замоскворецкий район, где у него были знакомые товарищи, просить оказать помощь Орехову своими силами. И после подробного об'яснения о положении дел в Орехове

замоскворецкие товарищи дали свое согласие прислать работника.

С приездом товарища стал в первую очередь вопрос о восстановлении организации. В ту же ночь, не медля ни одной минуты, были собраны все, кого только знали,—17 человек,—и тут же был выбран комитет, в который вошли Липатов, Генералов, Поликарпов и Королев. После всех обсуждений решили как можно скорее созвать собрание в рабочем театре и потребовать доклада о работе совета. После обмена мнений разошлись с тем, чтобы среди рабочих повести широкую агитацию с призывом на собрание.

В назначенное время театр был полон рабочими. Явились и члены совета. Собрание открыл тов. Бумажный (Ефимов). Собрание было очень бурное, требовали переизбрания совета в ближайшее время.

19 марта по всем фабрикам назначили выборы фабрично-заводских комитетов и нового совета рабочих депутатов. После выборов назначили общее собрание рабочих.

С приездом Бумажного стала развертываться партийная работа, и начался рост организации.

* * *

После переизбрания первого совета во второй совет прошли исключительно рабочие фабрик, конторские служащие и несколько учителей,—ни чиновники, ни фабричная администрация в совет не попали.

Вновь избранный совет на первом пленуме избрал Исполнительное бюро из 19 человек для повседневной работы. Исполнительное бюро в свою очередь избрало президиум из 3 человек,—тов. Липатова председателем, секретаря и одного члена президиума.

Перед Исполнительным бюро встал вопрос, где достать помещение для работы совета, так как помещения не было. Орехово-Зуево городом тогда еще не было, и соответствующих городских учреждений, которые можно было бы использовать, тоже не имелось. Не долго думая, решили занять квартиру арестованного жандармского подполковника. Помещение принадлежало правлению фабрик Саввы Морозова, и тут встал ряд серьезных препятствий. Во-первых, правление вновь избранному совету помещения не отдаст, и его придется брать силой, между тем это противоречило тактике Временного правительства, признающего частную собственность. Второе препятствие, не менее серьезное,—то, что квартира, которую предположено было занять под совет, охранялась солдатами Покровского гарнизона под

непосредственным распоряжением уездного коменданта Зябрикова, который строго придерживался указаний Временного правительства. Столкновение с солдатами было очень нежелательно и рискованно. Но действовать было нужно решительно, проявляя в то же время большую предусмотрительность и осторожность.

* * *

Утром 20 марта тт. Бумажный, Липатов и третий—фамилии не помню—подошли к караулу, охраняющему помещение, и предложили пропустить их во внутрь.

— Нельзя,—ответил один из стоявших на посту.

— Согласно постановлению совета рабочих и солдатских депутатов это помещение должно быть занято для работы совета,—сказали представители совета и показали постановление.

Другой постовой прочитал бумажку и ответил:

— Против совета мы не пойдем, но нужно обратиться к коменданту Зябрикову, чтобы снял нас с поста и дал приказание, что нам делать.

Бумажный, видя настроение солдат, сказал:

— Комендант всецело подчинен совету и выполняет задание совета; старый совет переизбран народом, волю которого он исполнял, теперь выбран новый совет, и комендант будет подчиняться ему. Вы же не будете охранять пустую квартиру жандарма, а останетесь здесь, в Орехове, и будете охранять не здание, а совет рабочих и солдатских депутатов.

Слова, сказанные Бумажным, убедили солдат, они опустили винтовки и пропустили представителей новой власти в помещение, а сами последовали за ними, ожидая новых приказаний.

На первых порах захват частного помещения, принадлежащего миллионеру-фабриканту, произошел без всяких инцидентов. Но дело на этом не окончилось. В конторе затрещали телефонные звонки в Москву—в правление и Покровский уисполком о нашествии варваров.

Из Покрова не замедлил явиться Зябриков с группой солдат на защиту морозовской собственности.

Назначено было собрание Временного исполнительного комитета с представителями администрации фабрик для суда над смельчаками. Были приглашены тт. Бумажный, Липатов и другие.

Обвинительную речь сказал Зябриков, доказывая перед присутствующими незаконность поступка совета, выразившуюся в самочинном захвате помещения под руководством

лиц, неизвестно откуда прибывших. В заключение грозили Бумажному арестом. Весь этот суд происходил при солдатах.

Бумажному предложили слово для об'яснения, и он спокойно доказывал, что действия СР и СД выражали мнение рабочих масс, а те, которые были посланы, являлись только исполнителями. Действия совета вполне правильны, потому что правление фабрики предоставляло помещение правительству, которое свергнуто, под канцелярию и квартиру жандармов в бесплатное пользование. Совет, как новая власть, взял это помещение для своей работы.

— Вы хотите арестовать председателя и членов президиума СР и СД, но как на это посмотрят рабочие массы, которые ждут вашего решения.

Рабочие, узнав о происшедшем конфликте, собрались в количестве до 1.000 человек около помещения, где происходило заседание, и даже начали входить во внутрь самого помещения.

Выступали некоторые солдаты, заявляя, что они будут поддерживать и защищать совет. Дело кончилось тем, что администрация фабрики дала свое согласие, чтобы дом, бывший квартирой и канцелярией жандармского подполковника, оставить для работы совета. Так закончилось первое столкновение совета с защитниками собственности.

Совет получил помещение, где заниматься, но у него не было никаких канцелярских принадлежностей, даже клочка бумаги. Денег также не было. Работу нужно было все-таки вести. Началась горячая организационная работа в области партийной и профессиональной. Эти организации также поместились в одном доме с советом.

Желающих записаться членами РСДРП и профсоюза текстильщиков было так много, что они не вмещались в доме, и по улице тянулись их длинные очереди. Организации быстро росли.

* * *

На одном из заседаний Исполнительного бюро совета совместно с районным комитетом РСДРП были выработаны следующие требования и 10 апреля пред'явлены правлениям фабрик Саввы и Викулы Морозовых:

1) введение 8-часового рабочего дня с сохранением прежнего заработка;

2) за сверхурочную работу платить в двойном размере, и

3) заработную плату увеличить на 100%.

15 апреля Исполнительным бюро совета от правлений фабрик был получен ответ, в котором говорилось, что с первым и вторым пунктом требований правления согласны, а по третьему пункту делают надбавку 25% к прибавленным ранее 55% на военное время, а всего 80%.

Хотя требования, выработанные советом, не были удовлетворены полностью, но среди широких рабочих масс совет завоевал авторитет и доверие. Его работа развивалась.

В совет рабочие шли со своими нуждами и жалобами, даже и для разбора семейных недоразумений.

Вскоре недостаток помещения стал ощущаться снова. Негде стало устраивать заседания пленума совета и общие партийные собрания. 5 апреля по постановлению президиума совета для партийных органов был отведен клуб служащих, а позднее взята приемная Викулы Морозова на больничном дворе под союз текстильщиков.

В этом так называемом клубе служащих в действительности хозяевами положения были высший и средний административный персонал со своими семьями. Мелкая конторская сошка туда доступа не имела. Это-то помещение и было взято советом для работы отделов, пленарных заседаний и общих партийных собраний.

От имени союза служащих посылались пространные жалобы владимирскому губернскому комиссару на захватнические действия совета и на его недемократичность, но оттуда получился ответ, что город Орехово имеет тяготение к Москве, туда и следует обратиться.

Исполнительное бюро совета рабочих депутатов Орехово-Зуевского района, получив 15 апреля от правлений фабрик Саввы и Викулы Морозовых на пред'явленные требования приведенный выше уклончивый ответ, снова поставило вопрос о повышении расценок, так как повышение цен на продукты питания и предметы широкого потребления к этому времени достигло 400%. Оно также выработало новые требования, в которых увеличение заработной платы превышало 200%, установило минимум в 2 руб. 50 к. в день и выработало норму прибавки в процентном отношении на получаемую плату.

Рабочие, получ.	от 35 к.	до 50 к.	Увеличение	2 р. 10 к.	до 3 р. — к.	500%
„ „	„ 51 „	„ 70 „	„	3 „ 00 „	„ 3 „ 50	„ 400%
„ „	„ 71 „	„ 100 „	„	4 „ 00 „	„ 4 „ 50	„ 350%
„ „	„ 101 „	„ 150 „	„	4 „ 51 „	„ 6 „ 00	„ 300%
„ „	„ 151 „	„ 200 „	„	6 „ 01 „	„ 7 „ 50	„ 275%
„ „	„ 201 „	„ 250 „	„	7 „ 51 „	„ 8 „ 12	„ 225%
„ „	„ 251 „	„ 400 „	„	8 „ 13 „	„ 11 „ 00	„ 175%
„ „	„ 401 „	„ 600 „	„	11 „ 01 „	„ 12 „ 00	„ 100%

Общее собрание рабочих санкционировало требования, предложенные Исполнительным бюро совета, и они были пред'явлены правлениям фабрик.

Те в свою очередь решили с Ореховским советом по данному вопросу никакого дела не иметь, а попробовать

счастья—разрешить конфликт с рабочими в Москве. 1 мая они подали на имя председателя Военного совета при Исполнительном комитете московских общественных организаций заявление, в котором выразили свою готовность передать на обсуждение конфликтной комиссии все требования рабочих о прибавках при условии, что комиссия эта будет состоять из 24 человек, поровну от рабочих и фабрикантов, под председательством лица, совершенно не заинтересованного и пользующегося авторитетом у обеих сторон.

Рабочие организации хорошо понимали, почему фабриканты желали выбрать авторитетного председателя и почему конфликтную комиссию не пожелали создать при Ореховском совете рабочих депутатов. Фабриканты боялись, что Ореховский совет станет на классовую точку зрения, так как он работал под руководством большевистской организации, а это для господ Морозовых было невыгодно. В паритетную же комиссию от фабрикантов, конечно, были бы посланы люди с хорошим образованием, умеющие говорить, которые своими цифровыми выкладками могли бы забить представителей рабочих.

Орехово-Зуевский районный комитет РСДРП(б) совместно с СРД и профсоюзом текстильщиков, обсудив положение и учитывая бодрое настроение рабочих на фабриках, решил повести широкую агитацию среди рабочих других фабрик за повышение зарплаты и предложить им присоединиться к пред'явленным требованиям. Таким путем об'единилось большое число рабочих текстильных предприятий на совместную борьбу против капитала. Присоединились рабочие с фабрик: Зимина—в Зуеве и Дрезне, Зимина—на Подгорной, Смирнова—в Ликине, Рунова—на Новинской, Французского Анонимного О-ва—в Павловом-посаде и Морозова—Богородско-Глуховской мануфактуры, а всего об'единилось около 50 тысяч рабочих.

Считаю необходимым привести состав представителей обеих сторон персонально.

Представители от предпринимателей:

1. Т-ва Зуевской м-ры—Н. Л. Зимин и А. М. Нюрнберг.

2. Т-ва Подгорной мануфактуры Зиминых—Я. Зимин и Крюков.

3. Т-ва Богородско-Глуховской мануфактуры Морозова (подпись неразборчива).

4. Т-ва мануфактур А. В. Смирнова—Смирнов.

5 Т-ва мануфактур В. Морозова—Морозов, Свешников и Воронов.

6. Т-ва мануфактур С. Морозова—Морозов, Карпов и Былинкин.

7. Русск.-Франц. Анон. О-ва (подпись неразборчива).

Представители рабочих:
Ф-к С. Морозова—Токарев, Киров, Ажнов, Рафалович.
Из Ликина—А. Цибиков.
Ф-к В. Морозова—Карманов, Шмакин, С. Сташенд.
Ф-ки Зимина—Г. Филатьев, Н. Харитонов.
Т-ва Зимина—М. Пашкаров.
Богородско-Глуховской м-ры—И. Колесников, Лавров, А. Безгрешнов, И. Гришин, Демьянов.
Франц. Анон. О-ва—Белик, М. Тимофеев.
Подгорной—С. Журин, Д. Алексеев и от совета рабочих депутатов—В. Ногин, В. Соловьев, от солдатских депутатов—Левин, И. Пастушков. Председателем избран В. П. Ногин.

Первое совещание состоялось 11 мая, и представителями от фабрикантов было подано письменное заявление, что требование о прибавке полностью удовлетворено быть не может, но вместо всех существующих прибавок они согласны на общую прибавку в 180%, а следующие требования рассматривались по пунктам в отдельности.

Конфликт разрешить не удалось, и дело было 1 июня перенесено, с согласия обеих сторон, в третейский суд, который происходил под председательством С. Н. Прокоповича и закончился в конце июня с решением о прибавке к мартовской зарплате 110%, или к довоенной—323%.

* * *

Как было сказано выше, большевистская организация в Орехове возобновилась после многолетнего перерыва только в начале марта, но на первое время она еще не обладала достаточными силами, чтобы широко развить свою работу. Например, демонстрации 12 марта с лозунгами: «8-часовой рабочий день», «Да здравствует Учредительное собрание» и т. д., в Орехове не было, так как раз'яснить широким рабочим массам о значении 12 марта было некому. О демонстрации в Москве и других местах узнали в Орехове только из газет. Также не было демонстрации 1 мая по новому стилю, так как сама организация РСДРП(б) находилась пока еще в процессе своего начального развития и укрепления [1]). Но зато 1 мая по старому стилю демонстрация вышла поистине грандиозной, в ней участвовало не менее 20.000 рабочих со множеством красных знамен. Сборным пунктом демонстрантов была назначена площадь около рабочего

[1]) По отчету тов. Бумажного, работавшего в тот период в Орехово-Зуеве, первомайская демонстрация, устроенная по новому стилю, т.-е. 18 апреля, прошла торжественно. (См. Архив МК ВКП (б), дело 1, т. 1—1917 г.).

театра, откуда после краткого митинга в 12 часов двинулись на Крутое [1]); с Крутого демонстрация пошла по Никольской улице в Орехово, потом в Зуево и на Исаковское озеро. Везде выступали с речами приезжие из Москвы и местные ораторы. Настроение демонстрантов было очень хорошее и боевое, и лишь только к вечеру стали расходиться по домам.

Несколько демонстраций было и в июне—июле. Были даже две демонстрации с привлечением вооруженных сил милиции и солдат, где были также и вооруженные партийцы. Такая демонстрация показалась местному купечеству и мещанству весьма внушительной, и многие из них, а также администрация фабрик из боязни не выходили в это время из своих домов. Окна их квартир были закрыты, и лишь редко кто-нибудь приподнимал уголок занавески, чтобы незаметно посмотреть на ненавистное зрелище.

Совет рабочих депутатов относился к выступлениям рабочих, конечно, всегда благожелательно, иначе и быть не могло. В совете в то время было абсолютное большинство рабочих, несколько конторских служащих и два—три учителя. Руководителями совета, профсоюза текстильщиков и большевистской организации были одни и те же лица, и всякое выступление рабочих велось совместно всеми организациями под руководством районного комитета РСДРП(б).

* * *

Орехово-Зуево уже за несколько лет до 1917 года неоднократно возбуждало ходатайства перед правительством о преобразовании Орехово-Зуева в город со своим самоуправлением. Это дело под различными предлогами откладывалось, а между тем в такой реорганизации крупного промышленного центра с населением более 100 тысяч человек чувствовалась настоятельная необходимость.

Местный совет после ряда собраний рабочих и прочих граждан, также заинтересованных в самоуправлении, в июне вновь возбудил ходатайство перед Временным правительством.

Временное правительство ходатайство Орехово-Зуевского совета утвердило, а вопрос о выборе, куда присоединиться: остаться ли во Владимирской губернии или перейти в Московскую, был передан на место.

У всех слоев населения как Орехова, так и Зуева, в том числе и у Ореховского совета, профсоюзов и организаций РСДРП(б), выявилось ясное желание присоединить вновь утвержденный город к Москве.

---

[1]) Крутое—рабочий район вблизи Орехово-Зуева.

Приступили к подготовке выборов в городскую думу, по всем правилам демократии. Из Московской губернской управы инструктором по выборам был прислан Василий Иванович Орлов.

Борьба на выборах велась по пяти спискам: № 1—от Орехово-Зуевской организации РСДРП(б), профсоюза и Орехово-Зуевского совета рабочих депутатов, № 2—от об'единенного демократического союза (цензовики), № 3—от социалистов-революционеров, № 4—от Орехово-Зуевской организации РСДРП меньшевиков и № 5—от об'единенных интернационалистов РСДРП.

Выборы происходили 20 августа ст. ст., и 24 августа закончился подсчет голосов. Всего подано было 21.515 голосов. Распределение мест в думе получилось такое: большевики—56 мест, об'единенный демократический союз—5, социалисты-революционеры — 11, меньшевики—2 и об'единенные социал-демократы интернационалисты—ни одного места. В думе большевики получили огромный перевес против всех вместе, т.-е. 56 против 18; поэтому дума с первой же минуты своего существования работу повела по-большевистски.

Подготовка к выборам в Учредительное собрание по Орехово-Зуеву началась с начала сентября. Партией большевиков велась усиленная агитация в городе и по району за губернский список № 5, который везде по районам проходил абсолютным большинством.

* * *

Весть о корниловском восстании против правительства Керенского свалилась в Орехово неожиданно, как снег на голову. В Ореховской организации РСДРП(б) и совете было одинаковое мнение, что Керенский и Корнилов держатся одной мысли—как бы поскорее стереть с лица земли большевиков, которые для Временного правительства и контрреволюции представляли большую опасность.

О корниловском восстании узнали 26—27 августа следующим образом. Из Владимира в 12 час. дня позвонили по прямому проводу в Орехово и попросили кого-либо из членов президиума совета. В совете был только я, остальные товарищи находились в Москве на третейском суде, тов. Барышников тоже должен был уехать.

Тов. Токарев из Владимира спросил меня:—Что у вас нового и все ли спокойно, ведется ли подготовка?

Я ответил, что пока у нас все спокойно, ждем с нетерпением решения третейского суда и хотим знать, где находятся все остальные товарищи.

— Так, значит, вам ничего неизвестно?—переспросил тов. Токарев и сообщил о движении Корнилова на Петроград и т. д. Тов. Барышников в момент прихода поезда был предупрежден о начавшихся событиях нарочно посланным товарищем. Вернувшись в совет, он узнал от меня сущность дела, и, обменявшись мнениями, мы в срочном порядке решили созвать Исполнительное бюро совета совместно с районным комитетом РСДРП(б). Тут же был избран и революционный комитет из 7 человек, которому и даны были широкие полномочия для принятия мер к охране города и фабрик и подавления восстания, если таковое будет. С Москвой и Владимиром, кроме телеграфного и телефонного сообщения, установили регулярную живую связь.

В революционный комитет входили тт. Барышников, я, Киров, Ленков, эсер Каравай и еще один товарищ, фамилии которого не помню. Тов. Каравай был назначен начальником Красной гвардии и вооруженных сил, имеющихся в Орехове. К вечеру все вооруженные силы были стянуты в двух местах,—Красная гвардия—при совете, а милиция—при Никольском комиссариате,—и переведены на казарменное положение.

В этот же вечер на телефонную станцию, телеграф и в почтовую контору был введен вооруженный караул. Переговоры по телефону и подача телеграмм производились только с разрешения революционного комитета и в присутствии контроля. Фабрики, нефтяные и керосиновые баки, железная дорога и туннели охранялись вооруженными силами. Выезд из Орехова допускался только с разрешения революционного комитета.

В Орехове во время корниловского движения благодаря принятым мерам было тихо, даже притихли любители чужого добра — воришки. Никаких контр-революционных выступлений не было. Противники советов с затаенной злобой сидели по домам. Когда корниловщина оказалась подавленной, то милиция стала на свои места, в непосредственное подчинение начальнику милиции, а Красная гвардия была распущена, за исключением 12 человек, которые и несли дежурство. Распущен был и революционный комитет.

* * *

К организации Красной гвардии в Орехове было приступлено в начале июня 1917 г. Эта работа была поручена тов. Караваю в строго конспиративном порядке, так что знали об этом только члены президиума. Комитет же партии должен был выработать для Красной гвардии подробную инструкцию.

Рост Красной гвардии шел медленно, да и комитет не особенно нажимал на это, имея в виду в случае чего мобилизовать всех членов партии, способных носить оружие, в порядке партийной дисциплины. Первое время группы красногвардейцев откомандировывались в опасные или ненадежные места для охраны ораторов. Обучения стрельбе почти не производилось. Во время выступления Корнилова Красная гвардия сразу пополнилась добровольцами и выросла количественно и качественно. Некоторые товарищи вернулись к этому времени с фронта, понюхали пороху и могли хорошо владеть оружием; такие товарищи взяты были на учет комитетом.

В первых числах октября Красная гвардия была разбита на десятки по отделениям и взводам. Все красногвардейцы и коммунары находились на строгом учете районного комитета большевиков, где имелся точный адрес каждого, и им были запрещены отлучки из Орехова. За несколько дней до московского восстания партийной организацией был намечен состав революционного комитета и штаба Красной гвардии. Ревком состоял из 7 товарищей: В. Барышников, Хазов Авдей, Галкин В. А. (анархист), фамилии других товарищей не помню. Красногвардейский штаб состоял из 3—5 человек: Самейт, Зверев Н., Галкин В., Шатилов И. и др. Первые дни боевые органы были законспирированы, но скоро их пришлось выявить перед красногвардейцами и начать обучение.

Когда в Москве было об'явлено вооруженное восстание, все красногвардейцы были сняты с работ в производстве и переведены на казарменное положение. На первых порах вооружение состояло из берданок, оставшихся после полиции, но вскоре подошел случай через офицеров взять из Покровского арсенала около 300 винтовок новейшего образца и к ним патронов достаточное количество. Красногвардейцы настаивали, чтобы их отправили в Москву, на баррикады; им было обещано, что по первому требованию МОК желание их будет исполнено. Вести из Москвы получились не очень утешительные, и неправильные слухи, доходившие до красногвардейцев, возмущали их,—почему их задерживают в Орехове, где другого дела, кроме охраны, не было.

Какая была цель штаба,—сказать не могу, но действия его в конце концов вылились в контр-революционное выступление против местного совета, о чем скажу ниже.

Видя бодрое, боевое настроение красногвардейцев, рвущихся грудь с грудью столкнуться с белогвардейцами, штаб начал среди них распространять слух, что местный совет трусит, поэтому не посылает отрядов в Москву, а только

обещает. Запрещает производить реквизицию продуктов у местных купцов и денег, имеющихся в банке, которые могли бы быть использованы на содержание отрядов. Говорили, что совет и ревком в большинстве состоят из меньшевиков и т. п.

Не помню, какого числа, но хорошо помню, что это происходило часов в 9 вечера, когда с вечерним поездом приехал из Москвы посланный для связи товарищ с последними новостями,—что происходит и какоео соотношение сил. Сообщение сводилось к тому, что ночью должно быть заключено перемирие. Силы в боевом отношении почти равны, и если в Москву успеет притти подкрепление контрреволюционных сил, то положение для восставших окажется очень тяжелым. Контр-революционные силы необходимо в дороге задержать и закончить восстание в Москве как можно скорее. Если это удастся, то встанет вопрос об артиллерии, которая держит нейтралитет; необходимо часть артиллерийского отряда завербовать на свою сторону, и тогда победа рабочих в Москве в 2—3 дня будет обеспечена. От посылки отрядов пока воздержаться, но держать их в боевом порядке, наготове.

Получив такую информацию, ревком собрал расширенное совещание с приглашением отдельных товарищей. Я, как председатель совета, входил в ревком свободно, хотя и не был его членом. Совещание носило конспиративный характер.

Информацию о событиях делал тов. Барышников; при обмене мнений кем-то был поставлен вопрос: если в Москве рабочие будут подавлены, и, конечно, будут пущены в ход карательные экспедиции, которые не обойдут и Орехова, что мы должны будем предпринять на этот случай?

Высказывались, кто как мог. Одни говорили, что нужно будет отступать в порядке и вести партизанскую борьбу, делать вылазки и итти на сообщение с Владимирским гарнизоном,—стоящая в г. Покрове команда у нас считалась неблагонадежной. Другие предлагали ревком, штаб и Красную гвардию распустить, оружие спрятать и приступить к работе в производстве. Тов. Галкин высказал свое соображение, что нужно будет вооруженным отрядом пойти вперед, соединиться с отрядом Богородска, Павловского Посада, Дрезны и вести открытую борьбу. Мною было предложено, не предрешая результатов боевых действий, поручить комитету партии подобрать небольшую группу надежных товарищей, но неизвестных своим участием в массах, и через них установить связь для дальнейшей работы, если наступит господство контр-революции. Большинство товарищей с этим согласилось.

* * *

По распоряжению штаба у местных купцов и зажиточных граждан производились обыски и реквизиция продуктов. Исполнителем являлся начальник Красной гвардии И. Шатилов. Ревкому и президиуму совета известно об этом не было. Реквизированные продукты—изюм, конфеты и печенье—расхищались. Это возмущало более добросовестных красногвардейцев, и они обо всем довели до сведения президиума совета. Президиум совета, чтобы положить конец самочинным действиям, запретил производить обыски, аресты, а также и реквизицию или выемку чего-либо без его разрешения. Эта мера большинству членов штаба пришлась не по душе.

Для улажения взаимоотношений штаба с ревкомом, штаба и ревкома с советом срочно было созвано Исполнительное бюро совета с приглашением лиц, причастных к конфликту.

Опишу несколько подробнее это заседание, как председатель совета.

После доклада о ненормальных взаимоотношениях, создавшихся между указанными выше организациями, Шатилов, стоявший с самого начала прений у двери, неожиданно для всех сорвался со своего места и бросился с револьвером в руках на Куликова [1]. Последний встал в оборонительное положение. В силу необходимости заседание было прервано и возобновило только тогда, когда страсти Шатилова улеглись, и все успокоилось. Мне в это время пришлось ненадолго пойти по делу в комиссариат.

Во время заседания Исполнительного бюро совета, у здания совета во всех входах уже стояли вооруженные красногвардейцы, входить и выходить приходилось через двойную охрану. Ни президиум, ни Исполнительное бюро вызова охраны не требовало. Заинтересовавшись таким явлением, я спросил стоявшего на посту внутри помещения красногвардейца:

— Зачем вы здесь находитесь, и кто вас послал?

— Штаб,—ответил он,—послал нас охранять совет. Привел и расставил на посты начальник Красной гвардии Шатилов; какие к тому причины,—нам неизвестно, но мы, как члены партии, должны подчиняться дисциплине.

---

[1] И. П. Куликов был начальником милиции. По происхождению—местный рабочий-ткач, с 1904 г. вступил в партию большевиков. За революционную работу в 1905—06 гг. в Московском окружном комитете был арестован и до 1909 г. находился сначала во владимирской тюрьме, а потом в Бутырках, в Москве. По суду сослан на вечное поселение в Енисейскую губ., откуда вернулся после февраля 1917 г. В 1918 г. пошел добровольцем в Красную армию, был взят в плен бандами генерала Краснова и убит („Братская могила“, вып. I).

«Наверное, последовало распоряжение от ревкома»,— подумал я и пошел к комиссариату. Пройдя несколько десятков саженей, встречаю группу красногвардейцев, человек 12.

Спросил на ходу:—Куда, товарищи?—К совету,—последовал ответ.

Опять ничего не подозревая, пошел в своем направлении. В городе было все спокойно, фабрики работали обычным порядком. Меня удивило, что и у входа в комиссариат также стояли вооруженные красногвардейцы. При входе один красногвардеец загородил мне дорогу штыком и сказал:

— Нельзя, не приказано никого пускать.

Стоявший рядом другой постовой стал уговаривать первого:

— Это тов. Бугров, ему всегда и куда угодно можно. Мы его хорошо знаем. Иди, товарищ, там собрание какое-то идет, а нас поставили здесь, чтобы никого не пускали.

— Кто вас поставил?—спросил я.

— Самейт,—ответили оба.—Ведь он член штаба, а штабу мы должны подчиняться.

После таких об'яснений я влетел, как бомба, в канцелярию комиссариата, и мне представилась следующая картина: канцелярия битком набита вооруженными красногвардейцами. Несколько милиционеров сидели без оружия. Помощников начальника милиции, Буханова и Образцова, на местах не было. Делопроизводитель испуганно сидел за своим столом и ничего не делал. Самейт стоял среди красногвардейцев и что-то тихо говорил. Тут я понял, что творится что-то неладное, но что—сообразить не мог. Чтобы узнать, что здесь происходит, почему не занимаются, и зачем здесь красногвардейцы, я направился к делопроизводителю Алимову. На заданные мною вопросы он ответил не сразу. Робко, озираясь по сторонам, боясь, как бы кто не услышал его слова, тихо, волнуясь, начал об'яснять:

— Самейт ввел красногвардейцев, и всех, кто здесь присутствовал, в том числе и милиционеров, арестовали и разоружили. Буханов и Образцов тоже арестованы, вон стоят около телефона. У меня требовали ключи от вещественных доказательств, где хранилась самогонка, также и от кассы, но я их не дал, ссылаясь на то, что с испугу потерял.

Во время моего разговора с Алимовым, Самейт подошел ближе к дверям. Я подошел к нему и взволнованно спросил:

— Что сие значит? Почему здесь красногвардейцы, и почему не дают заниматься канцелярии?

— Совет арестован. Начальник милиции Куликов—тоже, поэтому арестована и милиция,—последовал его ответ.

Эти слова сказаны были им с каким-то пафосом, с сильным ударением и довольно повышенным тоном, чтобы слышали все присутствующие. «Вот, дескать, мы какие,—сила. Нам и совет нипочем». Сказанное в таком тоне страшно меня возмутило, и я обратился к присутствующим с речью, как на митинге:

— Товарищи красногвардейцы! Будьте покойны, не пускайте в ход оружия против своих товарищей. Не делайте междоусобицы. Я только-что из совета, там идет заседание, никто из членов совета не арестован, и что здесь произошло, совет не знает. Выйдите из канцелярии и дайте товарищам заниматься.

Здесь в помещении находилось несколько солдат, стоявших на советской платформе. Некоторые из них были в чине унтеров и откомандированы были Владимирским военным исполнительным комитетом по просьбе Ореховского совета и районного комитета для занятий с красногвардейцами. Один из них, повидимому, был возмущен происшедшим, но понять ничего не мог и, наконец, сказал:

— Чорт знает, что здесь творится! Нас прислали защищать совет, а тут не разберешь, кто за совет, а кто против совета.

Пришлось вторично обратиться к красногвардейцам и солдатам с просьбой оставить помещение канцелярии, и они стали тихо выходить.

Я обратился к ним также с просьбой никаких собраний не устраивать до прихода районного комитета и Исполнительного бюро совета. «Собрание, несомненно, будет сегодня и разберется во всем, что произошло. Этого оставить так нельзя».

После сказанного я пошел в совет сообщить о происшедшем, но товарищи уже шли к красногвардейцам, чтобы устроить собрание. Они обо всем узнали по телефону от Буханова или Образцова во время моего разговора с Самейтом.

На собрании присутствовали все свободные от постов красногвардейцы, штаб, ревком, президиум комитета партии, президиум совета и представители от городской управы. После долгих обсуждений выяснилось, что во всем виновато большинство членов штаба. Чтобы осветить подробно массам происшедшие события, на следующий день было назначено общее собрание рабочих.

* * *

Уже за несколько дней до октябрьских событий комитетом было решено на место Шатилова подыскать другого, и за день до описываемых событий партийный комитет

и ревком окончательно решили Шатилова отозвать, а его преемником назначили тов. Сальникова, который занимался с красногвардейцами. Сальникову же было поручено привести всех красногвардейцев с оружием к совету, оружие отобрать. Красную гвардию считать распущенной и тут же об'явить новый набор. Принимать только надежных товарищей, членов РСДРП, а прием беспартийных ограничить, но вести регистрацию желающих.

На другой день, после утреннего занятия под видом прогулки Сальников привел всех красногвардейцев к совету, где им было предложено старое оружие сдать и обещано выдать новые винтовки. Сдача началась. В этот момент заявился Шатилов и, как начальник, обратился к красногвардейцам: «Зачем вы сюда пришли? Зачем сдаете винтовки? Вас обманули» и пр. Видя свое бессилие что-либо сделать, Шатилов вынул из кобуры револьвер и намеревался застрелиться, но тут же был обезоружен.

Вечером этого же дня состоялось общее собрание рабочих, ночью Шатилов, Самейт и Зверев были арестованы и после Октябрьского переворота отправлены в Москву.

* * *

В день возобновления военных действий в Москве, после перемирия, в Орехово сообщили, что Москва требует присылки подкрепления—надежных товарищей человек 30, в полном вооружении. Отряд уже был наготове и с условленным поездом был отправлен под руководством тов. Сальникова.

Отряд на Курском вокзале был встречен посланным от Московского окружного комитета и приведен в распоряжение Хамовнического совета. По пути участвовал в ряде вооруженных столкновений с белогвардейцами и получил трофеи.

После подавления юнкеров и контр-революционных сил отряд почти целиком был оставлен в охране Московского совета, и только в декабре или уже в январе 1918 года, по настоянию самого отряда, он был отправлен против Каледина.

Рабочие и крестьяне в громадном большинстве к перевороту относились сочувственно, но были и такие, которые задавались вопросом, кто же теперь без царя будет управлять государством,—наверное, другого поставят или президента. Но такие лица были безопасны, они искали ответа на свои вопросы и впоследствии получили его, наблюдая в течение 10 лет работу рабоче-крестьянской власти советов без царя и президента.

Местное купечество и большинство интеллигенции к перевороту и советской власти относились отрицательно, но открыто против советов не выступали ни в городе, ни по району. Были из интеллигенции и такие, которые с первых дней революции стали с рабочими в одних рядах, но это были лишь отдельные единицы.

* * *

После Февральской революции управление производством находилось всецело в руках старых хозяев. Администрация фабрик оставалась на своих местах, и дело шло по-старому. Так продолжалось до конца марта.

В марте, в день перевыборов первого совета, впервые произведены были выборы и фабрично-заводских комитетов. Совет, находясь под непосредственным руководством РСДРП(б), через фабкомы и сам непосредственно вмешивался в дела фабрик. Во время конфликтов с рабочими совет делал разного рода запросы, например, о выработке товаров, наличии сырья, стоимости того и другого и пр. Дошло даже до того, что директор или заведующий фабрикой не мог выписать рабочему денег, перевести рабочего на другую работу или уволить без разрешения совета. В половине мая директор фабрики Саввы Морозова Оглоблин уехал из Орехова в Москву, некоторые заведующие и мастера—тоже. Сами хозяева вовсе не стали приезжать в Орехово, и распоряжения давались письменно или устно, когда администраторы приезжали в Москву. Что управление фабриками находилось под контролем совета, подтверждается также отношением от 24 мая фабричного инспектора Кудрявцева на имя старшего фабричного инспектора по Владимирской губернии, где он писал: «Некоторые ответственные администраторы фабрик из опасения уехали из Орехова. Фактически по фабрикам все распоряжения исходят от совета рабочих депутатов. Фабрики работают нормально. Эксцессов никаких не произошло, и никаких насилий над личностями не было. Терпеливо будем ждать конца исхода». Какие-либо комментарии к этому излишни.

* * *

Партийная работа, несмотря на короткий срок, усилиями местных партработников развертывалась с неимоверной быстротой. Работа оказалась очень трудной, потому что приходилось вести жесточайшую борьбу с меньшевиками и эсероанархистскими элементами, вырывать из-под их влияния

целые фабрики не с одной тысячей рабочих. Такая борьба велась в Зуеве, Подгорной, Дрезне, Ликине, Дулеве и прочих местах. В половине 1917 года организация раскинула свою сеть до деревни Костино, Ильинской волости, не считаясь с тем, что их должен был обслуживать Богородский комитет. Сократить работу пришлось в виду отдаленности места, а главное—из-за недостатка работников и средств передвижения. Ореховская организация, имеющая большое революционное прошлое, теряющее свое начало в половине 60-х годов, пользовалась и в революцию 1917 г. громадным авторитетом.

Например, совет, шедший целиком за большевиками, был не раз приглашен на с'езды по Владимирской губ., как уездный Покровский, так и губернский с'езд, несмотря на то, что Орехово уже отошло к Московской губернии.

На губернском с'езде даже один из делегатов—с.-д. большевик был избран во Владимирский губернский исполнительный комитет. При возникновении конфликта у ореховских рабочих с предпринимателями, когда дело было передано на решение третейского суда, в Орехово являлись представители рабочих других отдаленных местностей, как Кострома, Ярославль, Егорьевск, Смоленск и др., с заявлениями о своем желании поддержать требования ореховцев.

В области профсоюзной работы рабочие тянулись к ореховскому союзу, не считаясь с расстоянием и гранью уездов и губерний.

В ореховском союзе текстильщиков состояли рабочие из Владимирской губернии: Гусь, Мальцев, Гороховец; из Богородского уезда—Дрезна, Куровская, Ильинский погост и других фабрик, и всех их приходилось обслуживать, и только с 1918 года, за недостатком сил, пришлось свой размах несколько уменьшить.

* * *

Заканчивая свои воспоминания, считаю необходимым остановиться на одном событии, происшедшем 26 января 1918 года.

Мною упоминалось выше, что в Орехове и в его районе в течение 1917 г. явных выступлений контр-революционных сил не было. Ими лишь велась борьба за влияние среди крестьянских, а главное—рабочих масс. Но нельзя сказать, чтобы контр-революционных элементов в Орехове не было. Они были, но держали себя очень осторожно и вели свою гнусную работу через несознательных рабочих. Ведь не случайно приезжали гастролеры всех политических партий в Орехово, и однажды даже был устроен на открытом воздухе, около рабочего театра, якобы случайный диспут. Выступил с двухчасовым докладом на тему «Война до побед-

ного конца» некто Марченко, оправдывавший точку зрения меньшевиков. После него на ту же тему говорили ораторы толстовцы, эсеры, анархисты-индивидуалисты и другие. С нашей стороны оппонентами выступали наши доморощенные ораторы: Хазов [1]), Барышников [2]), Киров С., Борисов и другие. Несмотря на явный перевес сил той стороны, после диспута была вынесена резолюция, сводившаяся по существу к нескольким словам: «Доверие большевикам, конец империалистической войне». Несмотря на неудачу контрреволюция не переставала искать случая, чтобы, пользуясь тяжелым моментом, натравить рабочие массы против созданных ими же самими революционных советов и других рабочих организаций. И если такого случая они не могли использовать в течение 1917 г., они это сделали в самое тяжелое для совета время, в начале 1918 г.

К концу 1917 г. и, в особенности, началу 1918 г. продовольственный кризис в Орехове настолько обострился, что хлеба рабочим совершенно не выдавали, хотя они не прекращали работ. Представители совета, партии и других организаций употребляли все усилия, чтобы доставать продовольствие, но это ни к чему не приводило. Хлеба нет. Больницы, рабочие электрических станций и водоснабжения переведены на ½ фунта хлеба и то с суррогатами, других продуктов не было. Детская столовая получала по ¼ фунта на человека. Таким тяжелым положением воспользовались контр-революционные элементы, взбудоражили рабочих в Зуеве, часть—с Подгорной [3]) и других фабрик. Толпа тысячи в две подошла к совету и настойчиво потребовала немедленной выдачи хлеба. Члены исполкома заявили, что хлеб придет вечером и будет выдан завтра, но в ответ послышались выкрики: «Созвать общее собрание рабочих немедленно». А это значило—остановить фабрики, и сам совет помог бы осуществить забастовку и выступление против совета и рабочих организаций.

Присутствующая масса вела себя пассивно. Кто-то из толпы предложил итти к театру и устроить собрание, после чего двор совета скоро опустел.

---

[1]) Хазов, Авдей Афанасьевич — ореховский ткач. Принимал участие в рабочем движении с 1905 г. Умер в г. Уфе в 1921 г. от тифа („Братская могила", вып. II, стр. 244).

[2]) Барышников, Владимир Архипович, в РСДРП вступил в Орехово-Зуеве в 1905 г. Был два раза в ссылке в Енисейской губ. После Февральской революции, до которой работал в разных местах, возвращается в Орехово. Был председателем городской управы, членом исполкома, был на нескольких всероссийских с'ездах советов, выбран членом ВЦИК. Во время Мамонтовского прорыва попал в плен к белым и повешен ими. Тов. Барышникову в Орехове поставлен рабочими памятник („Братская могила", вып. I и II).

[3]) Фабричный центр близ Орехово-Зуева.

План, повидимому, был задуман раньше. Толпа колоннами пошла не к театру, а к гражданскому комиссариату. Ворвавшись в комиссариат, она разоружила милицию, захватила телефон, выпустила уголовных арестантов, среди которых были бандиты. Взяв запасное оружие и патроны, вооружились сами и вооружили желающих из толпы. Группа человек в 7—8, вооруженных винтовками, пошла на станцию с целью задержать приезжих. Остальная толпа вооруженных в сопровождении любопытных пошла к совету с криком: «Идемте просить хлеба!» Пройдя полпути до совета, вооруженная банда остановилась, разделилась на-двое, и одна толпа продолжала свой путь к совету, а другая—пошла в Зуевский комиссариат, где сделала тщательный обыск у начальника милиции И. П. Куликова, ища его самого, но его не было. Первая партия подошла к совету. Барышников пытался-было успокоить толпу, намереваясь оттянуть время до прихода вооруженной помощи, но, получив несколько ударов кулаками, скрылся в здании совета.

Банда начала настоящую атаку совета. Часть развернулась цепью и окружила совет с трех сторон. Ползком приблизившись шагов на пятьдесят от стен, залегла в канаве. Другая, незначительная группа, ворвалась в совет, искала склад оружия и кассу городской управы. Однако, не найдя ничего, ушла из помещения. В это время группа, находившаяся в канаве, стала стрелять по зданию совета из винтовок. После трех залпов несколько товарищей—Муранов, Куликов, Гессе и другие, всего не более 10 человек—залпом ответили на выстрелы. Толпа любопытных побежала со двора, а после второго залпа побежали и нападавшие, побросав оружие. Двор был очищен, и более 20 винтовок подобраны товарищами, защищавшими совет.

Вскоре было созвано общее собрание рабочих, где после подробного освещения происшедшего вынесено постановление: арестовать и предать суду всех лиц, причастных к нападению на совет, и в особенности руководителей погрома.

Всего было арестовано около 60 человек, в том числе несколько уголовных, освобожденных из арестного помещения.

В срочном порядке советом и комиссариатом была составлена следственная комиссия, и по расследовании все дело вместе с арестованными передано в Москву.

Погром внес дезорганизацию в работу совета и городской управы. Три дня был невольный перерыв в работе, пока не были исправлены разбитые выстрелами стекла в окнах.

После ликвидации погрома и усмирения разгулявшейся белогвардейщины работа совета опять закипела при дружной поддержке ореховского пролетариата.

С. Морозкин

САБОТАЖ И ЛОКАУТ НА ЛИКИНСКОЙ МАНУФАКТУРЕ

Положение рабочих, в особенности прядильщиков, во время войны на фабрике Смирнова в Ликине было таково, что они с самого начала войны не раз обращались к фабриканту с просьбой о прибавке жалованья, тем более, что на соседних ореховских фабриках Саввы и Викулы Морозовых оплата труда была лучше, и это толкало ликинских рабочих добиваться и для себя таких же условий. Смирнов шел на уступки очень туго, и все время оплата труда у него отставала от Орехова.

Наконец, в начале 1916 года сошлись ткачи и прядильщики и договорились,—на работу притти, но не начинать работать. Так и устроили.

Паровые машины ходили, но рабочие не работали. Одну смену простояли, на другую администрация распорядилась прядильщики стали работать, а во вторую смену этого же дня замок. Тем самым рабочих раз'единили. На другой день прядильщики стали работать, а во вторую смену этого же дня открыли и ткацкую. В результате одного ткача разочли, а в прядильной одного послали гулять на две недели. Тем и окончилось.

В марте 1917 г., тут же после свержения самодержавия, ткачи и прядильщики снова пошли к хозяину с просьбой о прибавке жалованья в виду того, что на харчи стали делать прибавку, а расценки оставались старые. Хозяин Смирнов в прибавке сначала отказал, но после настойчивых просьб рабочих согласился дать 5%. В это время у Саввы Морозова рабочим прибавили вместо 7½ 10%. Ликинские рабочие опять пошли к хозяину, стали просить увеличения, как у Саввы Морозова, но Смирнов едва согласился на 7%.

В результате требований фабрикант об'явил, что всем рабочим к пасхе будет дан расчет; фабрика будет остановлена на месяц, и рабочие будут набираться вновь, харчи до пуска фабрики из фабричной лавки будут отпускаться за наличные деньги только тем, которые вновь будут приняты на работу.

Положение сделалось очень напряженным, потребовалось вмешательство местного совета рабочих депутатов, которому пришлось сыграть огромную роль в борьбе рабочих Ликинской мануфактуры с фабрикантом Смирновым.

Когда было вывешено об'явление о расчете, Ликинский совет обратился в Покровский[1]) совет рабочих и солдатских депутатов, чтобы тот в свою очередь оказал давление на фабриканта Смирнова и расследовал, имеются ли какие причины к закрытию фабрики и расчету рабочих, тем более, что фабрика работала на оборону. Покровским советом немедленно была выслана комиссия, которая и выяснила, что никаких причин закрывать фабрику и рассчитывать рабочих нет. Покровской комиссией в протоколе было указано, что здесь имеют место просто злой умысел фабриканта и саботаж, и было постановлено, что фабрика должна быть пущена в первый же понедельник после пасхального перерыва. Копия протокола была сдана под расписку заведующему фабрикой Воробьеву.

Только-что комиссия уехала, было вывешено другое об'явление, что с фоминой недели[2]) фабрика будет пущена, но вследствие недостачи вигоньевого утка, который вырабатывается на других фабриках, 280 станков придется остановить, а рабочих уволить, и чтобы тем рабочим, которым будет выдан расчет, харчи из фабричной лавки не отпускать.

Об'явление было вывешено за три дня до пасхи. В Покров ехать было некогда. Созвали общее собрание рабочих и решили, прежде всего, добиться выдачи харчей из фабричной лавки тем рабочим, которые будут уволены. И тут же избрали двух делегатов, меня и Цыбина, ехать в Москву в совет рабочих депутатов и просить содействия в борьбе против фабриканта, чтобы отбить у него охоту издеваться над рабочими.

Тем временем нас вызвали на пленум Ореховского совета. Поехали мы опять с Цыбиным. Перед от'ездом из Орехова случайно встретили коменданта г. Покрова, рассказали ему обо всем происшедшем на Ликинской фабрике после от'езда комиссии. Комендант обещал нам выслать еще комиссию, которая выяснит, правда ли, что нет вигоньевой пряжи, а нам посоветовал прямо ехать в Москву и обратиться в Московский совет.

27 марта Московский совет выслал двух представителей на фабрику для улажения конфликта, но к нашему приезду из Москвы с членами Московского совета конфликт был улажен, потому что покровский комендант нагнал такого

[1]) В тот момент г. Покров, Владимирской губ., являлся для Ликина уездным центром. *(Ред.)*

[2]) Первая неделя после пасхального перерыва. *(Ред.)*

холоду на фабриканта, что он заявил, что вигоньевого утка хватит до августа, 280 станков будут пущены после пасхи, и рабочие не будут уволены. Члены Московского совета устроили 28 марта митинг, предложили рабочим организованно вести борьбу и держаться за свой местный совет рабочих депутатов.

В понедельник на фоминой была пущена вся фабрика, и рабочие из всех отделов стали подавать требования о прибавке расценков, так как Смирнов говорил раньше, что после пасхи на всех фабриках будет прибавка. Требования подавали в Ликинский совет рабочих депутатов. Совету пришлось собрать общее собрание рабочих и предложить им избрать фабричный комитет, который бы и выработал новые расценки для пред'явления их фабриканту.

Смирнов ответил, что будет руководствоваться примером Морозовских фабрик. Очевидно, фабриканты уже сорганизовались для борьбы с рабочими. А так как на всех фабриках рабочие подавали требования о прибавке расценков, а фабриканты на эти требования не соглашались, то при Московском совете была сорганизована конфликтная комиссия в составе представителей от фабрикантов, рабочих и Московского совета.

Конфликтная комиссия ни к чему не пришла по нашему делу, и было решено сорганизовать третейский суд. Фабрикант Смирнов отказался принимать участие в третейском суде. Нашему Ликинскому совету рабочих депутатов и фабзавкому пришлось обратиться в Московский совет, чтобы он оказал давление на Смирнова. Президиум Московского совета постановил, что хотя Смирнов не принимает участия в третейском суде, но так как он участвовал в конфликтной комиссии при Московском совете, то обязан подчиниться решению суда, а поэтому предложил Ликинскому фабзавкому избрать двух представителей с совещательным голосом на заседание третейского суда и все постановления последнего проводить в жизнь на фабрике.

Нужно было добиться, чтобы Смирнов подчинился постановлению третейского суда. Здесь было необходимо содействие Московского совета. Мы с Охалиным поехали в Москву, и секретарь президиума Московского совета обещал нам на другой день переговорить со Смирновым.

Пришлось остаться ночевать в Москве. На утро пошли пить чай. Сидя за столом, надумали позвонить из чайной по телефону в правление и спросили:

— Василий Алексеевич Смирнов занимается?—Время было 11 часов утра:

Нам ответили:

— Занимается у себя в кабинете. Кто спрашивает?

Мы сказали:

— Секретарь Московского совета.

Тут же подошел Смирнов к трубке:

— С кем имею честь разговаривать?

Охалин выдал себя за секретаря Московского совета. Фабрикант ответил:

— Очень приятно, чем могу служить?

— Вот что, Василий Алексеевич,—продолжал Охалин,— к нам в совет приехали ваши делегаты с фабрики и просят нашего содействия заставить вас признать третейский суд, так как вы принимали участие со всеми фабрикантами в конфликтной комиссии, а потому вам следовало бы принять участие и в третейском суде. Ваше же поведение есть дезорганизация рабочих и провокация и может вызвать их на забастовку, что будет очень неприятно для Московского совета, а также и для вас. Так вот, скажите, что вы признаете третейский суд, и сейчас же пришлите в Московский совет бумажку о вашем согласии. В случае же вашего отказа для вас будет большая неприятность.

Смирнов тут же обещал прислать отношение, и действительно, только-что мы пришли в совет и стали разговаривать с секретарем, курьер приносит пакет от Смирнова. Секретарь распечатал, прочитал и засмеялся.

— Ну, вот и ваш хозяин признал третейский суд,—сказал он.

В его отношении на имя Московского совета было написано, что он признает третейский суд и просит передать в фабзавком Ликинской мануфактуры о том, чтобы он выработал новые расценки и послал на утверждение правления. С этим отношением мы вернулись на фабрику. Фабзавком занялся выработкой скалы расценок согласно постановления третейского суда.

Местный совет в это время повел агитацию за вступление рабочих в профессиональный союз. Когда записалось достаточное количество членов, выбрали правление.

В половине июля 1917 г. фабрикант присылает нового заведующего, С. А. Горожанского, заядлого контр-революционера, очевидно, с целью сломить сопротивление рабочих. Горожанский, пред'явив фабкому свои широкие полномочия, передал отношение от хозяина, где говорилось, что механик Иванов, поставленный в заведующие рабочими, должен сдать все дела новому заведующему и занять свое место механика. Горожанский обещал работать в контакте с рабочими при условии, чтобы фабзавком не вмешивался в его административные распоряжения.

Стали работать с новым заведующим. Приходилось приглашать его раза два на заседания фабзавкома. Всех инте-

ресовал вопрос о топливе, так как его было очень мало. Заведующий уверял, что хозяин хлопочет о нарядах, есть надежда на получение, и нам заботиться не о чем.

Между тем на красильной начался злостный саботаж,—заведующий велел вытаскивать машины, выламывать потолок; балки якобы гнилые, рабочим грозит опасность, и потому хозяин хочет устроить бетонный потолок на сводах.

С 1 августа фабрика остановилась из-за недостачи топлива. На прядильной был начат капитальный ремонт, о котором слесаря заявили фабзавкому, что новый заведующий затеял такой ремонт, что вряд ли можно закончить его до весны. Фабзавком потребовал из г. Владимира инженера для обследования фабрики, и он в своем акте указал, что хотя и желательно, чтобы потолок был бетонный, но и старый нисколько не представляет опасности для рабочих, а на прядильной никакого капитального ремонта не требуется, нужен только текущий.

Саботаж самый злостный, полное нежелание работать под рабочим контролем были налицо. После обследования совет рабочих депутатов и фабзавком приостановили капитальный ремонт. Но этого мало, 29 августа из правления фабрики пришло распоряжение выдать за июль жалованье по ставкам, установленным третейским судом, а за август в виду простоя фабрики выдать в размере двух третей «под отчет».

Туманное выражение «под отчет» поставило втупик фабзавком,—он не знал, что нужно подразумевать под этим понятием. У некоторых явилась даже мысль, не есть ли это намек на расчет рабочих. Заведующий уверял, что этого не может быть. Он ездил три дня назад в Москву в правление, и там о расчете ничего не говорилось. Тогда фабзавком заявил ему:

— Так как вы являетесь ответственным лицом, вы должны знать это, а если не знаете, то поезжайте в Москву и привезите резонный ответ.

Заведующий обещал через два дня дать ответ. Но ответа никакого не было. Наконец, приезжает он из Москвы 2 сентября и вывешивает об'явление за своей подписью, без согласования с фабзавкомом, что фабрика закрывается на неопределенное время в виду капитального ремонта и недостачи топлива. Рабочим выдать расчет в десятидневный срок. В примечании было сказано, что если кто из рабочих не возьмет в указанный срок расчета, то деньги будут переданы в депозит суда, а паспорта будут отосланы на родину.

Рабочие, узнав об этом об'явлении, заволновались, и через каких-нибудь 15 минут помещение завкома было полно рабочими. Тотчас же вызвали заведующего. Он был в это

время в прядильной фабрике, его ожидала лошадь—он собирался куда-то ехать, но по нашему настоянию начальник милиции Медведев задержал его и привел в фабзавком. На наши вопросы, на каких основаниях, без ведома завкома, вывешено об'явление о закрытии фабрики и расчете рабочих, он сослался на отношение хозяина и в подтверждение этого показал бумагу о закрытии фабрики и расчете рабочих. Такой злостный саботаж в то время, когда была возможность фабрику не закрывать, возмутил рабочих до крайности, толпа закричала на заведующего, на него бросилось несколько человек, стараясь схватить его за глотку, хотели даже разорвать его, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не вмешался фабзавком. Пришлось под конвоем отвести его до квартиры и подвергнуть домашнему аресту. Снова мы позвонили в Покровский исполком, чтобы оттуда прислали комиссию уладить конфликт.

На утро созвали общее собрание рабочих и служащих, на которое прибыли два члена Покровского исполкома и начальник гражданской милиции. Было поставлено два вопроса—о закрытии фабрики и о конфликте с новым заведующим. По первому вопросу решили избрать делегацию в Московский совет; выбрали меня и Охалина; по второму—постановили просить членов Покровского исполкома выслать Горожанского, как злостного саботажника, туда, откуда он приехал. Члены исполкома и начальник милиции дали обещание, что завтра же его не будет.

На-утро поехали в Москву, захватив с собой об'явление о закрытии фабрики. Московский совет направил нас к комиссару труда в Московское заводское совещание, заводское совещание—в отдел снабжения. Отдел снабжения делегировал члена коллегии и инженера Топоркова в правление Ликинской мануфактуры. Пришли в правление, фабрикант Смирнов сидел в кабинете, принял нас и стал спрашивать:

— Зачем пожаловали?

Представители отдела снабжения задали Смирнову вопрос:

— Почему закрыли фабрику?

Он ответил:

— Нет топлива.

— А давали ли вы сведения в отдел снабжения, что у вас не имеется топлива?—спросили у Смирнова.

— Не давал,—ответил он.

В процессе дальнейших, довольно длительных, переговоров со Смирновым для нас стало совершенно ясно, что вопрос о топливе является отводом, но что по существу

фабрикант искал причины закрыть фабрику, чтобы не допустить над собой рабочего контроля.

Самое главное—это то, что, несмотря на наши неустанные хлопоты перед Московским, Покровским и Владимирским советами, дело не двигалось. Мы выбирали делегатов, посылали их по всем направлениям, устраивали собрания рабочих, к нам приезжали комиссии, обследовали, делали заключения, но Смирнов оставался непоколебимым. Фабрика стояла.

Когда после долгих мытарств нас вдвоем послали делегатами на Владимирский губернский с'езд советов, я сделал там подробный доклад о безвыходном положении рабочих Ликинской фабрики, рассказал с'езду, что 4.000 человек начинают голодать, не считая 500 солдаток с детьми, положение которых еще хуже. Руководящие организации содействия никакого не оказывают. Злой саботажник, фабрикант Смирнов надел глухую петлю на рабочих. И в добавление к этому Владимирский губпродком прислал отношение, что рабочим Ликинской фабрики продовольствие отпускаться не будет.

У меня без всякого стыда брызнули слезы из глаз, к горлу подступило что-то, точно кто меня схватил за горло, и я больше не мог продолжать говорить. Не забыть мне этих минут до гроба!

Наступила минутная пауза, а потом как будто взрыв какой произошел. Одни кричат: «Отобрать фабрику!», другие советуют ехать в Москву, третьи—в Петроград. Наконец, решили поручить вновь избранному исполкому послать делегации в Москву и Петроград для выяснения вопроса и еще постановили—продовольствие для ликинских рабочих отпускать.

Рабочие немного воспрянули духом, но фабрика продолжала стоять. Снова выбирали делегатов, ездили в Московский совет, заводское совещание, снова и снова к нам присылались комиссии, делались обследования, но дело не двигалось, и конца этому не предвиделось.

Наконец, решили итти всем рабочим демонстрацией в г. Орехово, как к старшим братьям, за помощью. Написали на знаменах лозунги: «Мы голодаем, наши дети голодают», «Требуем организации общественных работ».

Ореховские организации по приходе нас в Орехово остановили все фабрики в 2 часа дня. Созвали митинг всех рабочих, приняли нас с хлебом и солью, несмотря на то, что сами жили впроголодь. Рабочих было не менее 30.000 человек. С речами выступали представители ореховских организаций, указывалось, что только организованной борьбой может сломить рабочий класс локаутчиков-фабрикантов,

а в заключение было предложено ореховцам оказать ликинским рабочим материальную помощь, и было постановлено отчислить полдневный заработок. Помимо этого, с фабрики Зимина от рабочих передали 500 р., и был сделан кружечный сбор, а после митинга ореховские рабочие пригласили ликинцев, каждый в отдельности, к себе попить чаю и поесть. Поистине это была братская помощь в тяжелую минуту.

После вновь созванного митинга, где ликинские организации благодарили ореховцев за теплый прием и помощь, ореховские рабочие пошли с революционными песнями провожать ликинцев, и получилась таким образом внушительная демонстрация.

Многие фабрики, узнав из газет о борьбе ликинских рабочих с фабрикантом Смирновым, отчисляли однодневный заработок в пользу ликинцев, например, Кольчугинский завод, чаеразвесочная Губкина-Кузнецова, даже с фронта писались Владимирскому исполкому письма, чтобы он принял решительные меры против фабриканта Смирнова.

Начались новые ходатайства и поездки, продолжавшиеся уже около трех месяцев, и снова дело кончилось тем, что мы должны были избрать паритетную комиссию. Горько было ликинским рабочим приступать к этим вопросам. Столько вынесли борьбы в продолжение трех месяцев! Никто из сознательных рабочих не верил, что эта паритетная комиссия что-нибудь даст, но делать было нечего, надо было подчиниться, скрепя сердце, и избрать в паритетную комиссию трех представителей. Избрали тт. Гордеева, Селина и Коржавина.

Через полторы недели было назначено заседание комиссии и намечено три вопроса: 1) об уплате рабочим за три месяца (время простоя фабрики не по вине рабочих) в размере $^2/_3$ жалованья, 2) об отпуске харчей из харчевой лавки в кредит до момента пуска фабрики и 3) о времени, когда будет пущена фабрика. Решение паритетной комиссии было следующее: за три месяца платы не выдавать, харчи отпускать только за наличный расчет, фабрика будет пущена, когда будет в достаточном количестве подвезено топливо.

На другой день из Владимира от губернского совета рабочих и солдатских депутатов приехали два эмиссара для пуска фабрики, а мы вдвоем с Лобановым отправились в Москву хлопотать о нарядах на нефть и антрацит. С большим усилием удалось выхлопотать наряд в виду того, что наша фабрика стояла в третьем разряде, а давали только второму разряду.

В Нижний за топливом мы поехали накануне Октябрьской революции. Но и здесь, с нарядами в руках, мы никак

не могли добиться получения топлива. Сначала не давали потому, что фабрика третьего разряда, а не второго, потом не соглашались дать все 30 тысяч, па которые имелся наряд, и за которые деньги фабрикой были уплачены. Пришлось обратиться в Нижегородский революционный комитет и просить его о содействии. Было получено отношение в нефтяной отдел о срочной погрузке, и в продолжение 10 дней все 30 тысяч пудов нефти были отправлены в Ликино. Тем временем другие товарищи с разных станций грузили на Ликино дрова.

Когда навезли в достаточном количестве топлива, местный Ликинский совет и фабзавком послали трех представителей—Гордеева, Охалина и Лобанова—в Москву хлопотать о пуске фабрики. Это было уже при советской власти.

Экономический комитет при Московском совете постановил, что фабрику нужно передать в собственность Советской Республики, и послал свое постановление в Петроград на утверждение Совнаркома, и Совнарком утвердил национализацию. Это была первая национализированная фабрика. На ряду с постановлением о национализации фабкому вменялось в обязанность все мелкие долговые обязательства фабриканта уплатить. Рабочим за три месяца, время простоя фабрики, уплатить в размере двух третей жалованья. На этом же заседании было утверждено первое рабочее правление: от Моссовета—помощник комиссара труда тов. Азарх, Борис Абрамович, от ВЦСПС—тов. Кутузов, Иван Иванович, от фабкома Ликинской мануфактуры—тт. Гордеев, Федор Гордеевич, Охалин, Николай Васильевич, и Селин, Сергей Александрович.

Эта пятерка—первое рабочее правление—начала управлять нашей фабрикой с 24 ноября 1917 г. При пуске фабрики встретились большие трудности, денег в кассе не было,—после фабриканта осталось только 42 рубля. Технический персонал весь сбежал, старшие конторщики, во главе с бухгалтером, тоже сбежали, даже некоторая часть из рабочих ближайших деревень тоже не пошла работать,—были агитированы прислужниками фабриканта Смирнова, что фабрика больше двух недель не проработает—станет, а тогда фабрикант не возьмет тех рабочих и служащих, которые пойдут на работу к большевикам.

Но Октябрьская революция не для того завоевала власть рабочему классу, чтобы отдавать фабрики назад капиталистам. Фабрика продолжала работать, хотя и с большими трудностями. Через две недели работы фабрики рабочим был выдан аванс по 30 рублей. Деньги на это (200 тысяч) были заняты у Моссовета на две недели. В продолжение этих двух недель запродали мануфактуру Владимирскому

губпродкому на 1 млн. 300 тысяч рублей и отдали долг Моссовету. Заплатили рабочим за простой фабрики за три месяца в размере двух третей.

Ликинские рабочие воспрянули духом, работа пошла продуктивно. Ближние деревенские, а также и служащие стали проситься на работу. Бухгалтера подыскали нового. Само рабочее правление часто приезжало из Москвы, созывало общие собрания рабочих, делало производственные доклады. Ничего не скрывали от рабочих.

Год проработали—справили годовщину национализации фабрики. На торжественное заседание были приглашены представители от Высшего Совета Народного Хозяйства, ЦК текстильщиков, от Владимирского совета, одним словом, от всех высших организаций, а также были приглашены представители и от тех фабрик, которые оказывали нам помощь во время борьбы с фабрикантом. Была об'явлена амнистия рабочим, уволенным с фабрики за разные проступки.

Всем рабочим выдали подарки—по 5 аршин мануфактуры на каждого. Много было высказано всяких добрых пожеланий, которые, однако же, во время общей разрухи не пришлось осуществить. За год работы фабрика покрыла свои расходы и даже дала государству прибыль.

Ошиблись капиталисты Смирновы, предсказавшие, что ликинским рабочим не справиться с фабрикой, что через две недели она остановится.

Нет, ликинцы не ударили лицом в грязь и совместно со своим рабочим правлением прекрасно выполнили первейшую задачу рабочего класса—управление национализированным предприятием.

Б. Азарх

ПЕРВАЯ НАЦИОНАЛИЗИРОВАННАЯ ФАБРИКА

Получил просьбу Истпартотдела МК ВКП(б) написать воспоминания о Ликинской фабрике, и сразу перед моими глазами развернулась яркая картина героической, упорной борьбы рабочих-ликинцев. Борьба эта велась за мало-мальски человеческое существование, за право существования рабочих организаций фабрики и, наконец, за освобождение предприятия от хозяина, упорно саботировавшего все требования рабочих, приостановившего работу фабрики и этим самым обрекшего на голодную смерть своих бывших рабов—рабочих, целые поколения которых были заняты обогащением своего «благодетеля»-хозяина.

В дальнейшем изложении своих воспоминаний я не буду останавливаться на ходе этой борьбы до национализации фабрики, ибо в этой борьбе непосредственного участия я не принимал, а знаю о ней только со слов тт. Морозкина, Гордеева и др., а постараюсь описать лишь первый период работы рабочего правления первой национализированной фабрики «без хозяина» и установить исторические даты главнейших моментов самой борьбы.

Национализация Ликинской мануфактуры

В первых числах ноября 1917 года в Московский совет рабочих и солдатских депутатов, членом Исполнительного Комитета которого я в то время состоял, явилась делегация от рабочих Ликинской мануфактуры во главе с тов. Гордеевым, Ф. Г., с настоятельным требованием принять меры к пуску фабрики. В тот же день вопрос о Ликинской мануфактуре был передан на рассмотрение в Московский районный экономический комитет [1]) при Московском совете рабочих и солдатских депутатов, который на следующий же день

[1]) Московский районный экономический комитет являлся организацией, на обязанности которой лежало разбирать конфликты, возникающие на фабриках и заводах между рабочими и предпринимателями *(Б. Аз.)*

вынес постановление о национализации фабрики, поручив мне через Совет Народных Комиссаров в Петрограде провести это постановление в жизнь, но, так как я был загружен в то время другой работой, вместо меня в Петроград поехал тов. Шкловский.

10 ноября 1917 г. народный комиссар труда тов. Шляпников сделал в Совете Народных Комиссаров доклад, где указал, что так как все мирные способы для разрешения конфликта, создавшегося на Ликинской мануфактуре, разбились об упорное сопротивление владельцев фабрики, то он выдвигает на утверждение Совнаркома предложение о конфискации предприятия в пользу государства.

17/30 ноября 1917 года Совнарком рассмотрел это дело и постановил:

1) Закрытие фабрики, выполняющей заказы на армию и обслуживающей нужды беднейшего потребителя, недопустимо.

2) Материалы по обследованию положения дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих, саботировать производство.

3) В интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4.000 рабочих и их семей Совет находит необходимым пустить указанную фабрику в ход, а посему постановляет:

4) Фабрика товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова при поселке Ликино, Владимирской губ., со всеми находящимися при ней материалами, сырьем и прочим об'является собственностью Российской Республики.

5) Организация управления ее поручается народному комиссару А. Шляпникову.

От представителей рабочих народный комиссар труда взял письменное обязательство, что они обязуются:

1) Принять все меры к поднятию производства до уровня, превышающего производительность при старом правлении.

2) Охранять все здания, машины, станки и материалы фабрики.

3) В вопросах заработной платы держаться соответствующих тарифных норм, выработанных областными об'единениями профессиональных союзов.

4) Все изделия Ликинской мануфактуры распределяются согласно общему продовольственному плану.

Делегация рабочих-ликинцев получила на руки копию постановления Совнаркома о конфискации фабрики (национализации), а также отношение Наркомтруда на имя комиссара труда Московской области, которому и предлагалось провести постановление Совнаркома в жизнь.

18 ноября комиссар труда Московской области тов. Ногин, В. П., обратился в большевистскую фракцию исполкома Моссовета рабочих и солдатских депутатов с просьбой выделить кандидата в члены правления фабрики, как представителя Наркомтруда. Выбор пал на меня, как инженера-текстильщика.

24 ноября было утверждено правление Ликинской мануфактуры в составе:

1) трех представителей фабрично-заводского комитета: Федора Гордеевича Гордеева (рабочий-шорник), Николая Васильевича Охалина и Сергея Васильевича Селина (служащие);

2) одного представителя Московского областного профессионального союза текстильщиков—Ивана Ивановича Кутузова (рабочий-красильщик);

3) одного представителя комиссариата труда Московской области—меня.

В тот же день состоялось первое организационное заседание вновь избранного правления, на котором я был единогласно выбран председателем этого правления, и, таким образом, на меня выпала задача стать во главе первого отряда, выдвинутого Октябрьской революцией в Московской области на борьбу с капитализмом на экономическом фронте.

Первые шаги нового правления и развитие его работы

25 ноября правление приступило к выполнению возложенных на него задач. Того же числа нами было послано приглашение владельцам фабрики явиться для сдачи дел предприятия и ключей от помещения правления. Когда к означенному часу никто из приглашенных не явился, мы вынуждены были вскрыть помещение в присутствии приглашенных представителей милиции, которые составили подробный акт этого вскрытия.

После снятия дверных замков, мы обнаружили в помещении правления печальную картину. Все важнейшие книги и документы были вывезены, и мы не могли найти никаких следов того, в каком положении находилось предприятие, какие материалы были закуплены, какие лица и организации являются контрагентами бывшего правления, что за кем числится и кому предприятие должно. Правда, о последнем мы меньше всего в то время думали, ибо были вполне уверены, что кредиторы явятся сами, и они действительно не замедлили явиться. Кроме того, ни один из старых служащих правления на занятие не явился, несмотря на наше приглашение через газету. Впоследствии мы узна-

ли, что прежнее правление продолжает платить им жалованье. Таким образом, мы себя чувствовали в первые дни в правлении, как в лесу. Правда, впоследствии мы были даже довольны, что старые служащие не откликнулись на наш призыв, так как это избавило нас от необходимости преодолевать саботаж внутри самого правления, но первые дни это нас в значительной степени обескураживало.

Главнейшие задачи, которые стали перед нами—новым рабочим правлением, заключались в следующем:

1. Изыскание финансовых средств, дабы иметь возможность произвести хотя какую-нибудь выплату рабочим.
2. Снабжение фабрики топливом, сырьем и вспомогательными материалами.
3. Разрешение продовольственного вопроса, так как тогда уже продовольственный кризис давал себя чувствовать во-всю.

Изыскание средств

При вскрытии кассы правления, в ней оказалось 42 руб. 60 коп. и в фабричной кассе 505 руб. 72 коп., а всего в распоряжении нового правления оказалось 548 руб. 32 коп.

Положение осложнялось тем, что рабочие в течение четырех месяцев не получали заработной платы, которая им причиталась в размере $^2/_3$ за все время простоя фабрики.

Изыскивая необходимые суммы на покрытие неотложных расходов, правление обратилось в президиум Московского совета рабочих и солдатских депутатов и получило от него в виде краткосрочной ссуды 200.000 руб. На тех же условиях были отпущены Московским областным профессиональным союзом текстильщиков 65.000 руб. (через месяц обе ссуды были возвращены). Получение этих сумм позволило новому правлению через три—четыре дня после того, как оно приступило к выполнению своих обязанностей, выдать рабочим по 30 руб. Это были первые деньги, полученные рабочими от своего правления после 4-месячной голодовки.

Удовлетворив насущную нужду рабочих, мы приступили к реализации имевшихся в нашем распоряжении готовых тканей.

Здесь нам пришлось преодолеть целый ряд препятствий. Дело в том, что все существовавшие тогда организации, созданные Временным правительством, ни в коей мере не хотели нас признавать за законное правление и не хотели входить с нами в деловые сношения, обзывая нас «захватчиками». Так, например, когда мы обратились в существо-

вавшую тогда организацию «Центроткань» [1]) с предложением принять к распределению наши ткани, руководители этого учреждения нам заявили, что ткани они у нас могут принять, но деньги за них они нам не заплатят, а внесут их в Государственный банк на текущий счет бывших владельцев бр. Смирновых. Конечно, такая «сделка» нас ни в коей мере не устраивала, и мы вынуждены были от нее отказаться.

После этого мы обратились в Московский продовольственный комитет, где нам было сделано почти дословно одинаковое заявление. Тогда мы обратились в рабочую группу этого учреждения, которая возглавлялась большевиком тов. Шефлером. После долгих усилий с его стороны нам удалось заключить запродажную сделку на имеющуюся в нашем распоряжении готовую мануфактуру на сумму около одного миллиона рублей, с получением аванса в размере 400.000 рублей.

Снабжение фабрик

После того как финансовая сторона была улажена, мы получили возможность приняться за приобретение топлива и прочих материалов. Из того, что было сказано выше, видно, что вопрос топлива был основной причиной, которую выставляли хозяева фабрики, когда они останавливали ее работу, а потому естественно, что топлива на фабриках не имелось ни одного полена, и рабочие вынуждены были, для отопления кухонных печей и казарм, собирать каждую щепку и все прочее, годное для отопления.

Здесь необходимо отдать должную дань стойкости и организованности рабочих-ликинцев, которые несмотря на столь острый топливный кризис, сохранили все деревянные строения в неприкосновенности и полной сохранности.

Топливный кризис остро ощущался во все время работы нашего правления. С топливом мы перебивались, что называется, со дня на день. В получении топлива нам чинили самый бешеный саботаж почти все учреждения, с которыми нам приходилось сталкиваться. Помню, как однажды меня совместно с тов. Морозкиным выгнал из своего кабинета чрезвычайный уполномоченный по топливу, некто Ланин, угрожая применить к нам вооруженную силу. Выйдя от него, тов. Морозкин не выдержал, схватился за голову и сказал:

---

1) „Центроткань" являлась организацией, созданной Временным правительством для распределения и наблюдения за правильной реализацией продукции текстильных фабрик. *(Б. Аз.)*

«Жаль, что со мной нет моего нагана, я бы его застрелил».

Впоследствии нам передавали, что этот самый Ланин был расстрелян за взяточничество.

Нужда в топливе иногда доходила до того, что приходилось останавливать на 2—3 недели фабрику, и часть правления, совместно с остальными рабочими, выходила на заготовку в близлежащие делянки. Нужно сказать, что в этих случаях рабочие-ликинцы проявляли образец выдержанности и организованности, и, несмотря на их неприспособленность к заготовкам топлива, работа эта кипела, и мы вновь выходили из затруднительного положения.

Особенно сильный саботаж проявляли начальники железнодорожных станций, при которых нами покупалось топливо. Для нас никогда не оказывалось вагонов, и в то же самое время для частновладельческих фабрик, имевших годовые запасы топлива, вагоны всегда имелись в изобилии. Нам приходилось, в буквальном смысле слова, брать силой каждый вагон под погрузку дров.

Однако, несмотря на все трудности, совместными усилиями правления и всех фабричных организаций нам удалось разрешить топливный вопрос настолько удачно, что 11 декабря 1917 года, т.-е. меньше, чем через три недели после того, как новое правление приступило к работе, была пущена в ход красильно-отделочная фабрика, а 19 декабря были также пущены прядильная и ткацкая фабрики, и предприятие заработало полным ходом.

Трудно описать тот энтузиазм и воодушевление, которые были проявлены рабочими и работницами при пуске фабрики в ход.

Снабжение фабрик сырьем и вспомогательными материалами давалось новому правлению с меньшими затруднениями, чем топливо, но все-таки и здесь встречались большие трудности.

В части основного сырья — хлопка — фабрика была обеспечена свыше чем на три месяца, но уже в первые дни нашей работы нам стало известно, что 23 ноября, т.-е. за один день до образования нового правления, прежние владельцы фабрики аннулировали через Хлопковый комитет все сделки на хлопок, заключенные ими с хлопковыми фирмами. Таким образом, перед нами стояла угроза после двух—трехмесячной работы остаться без хлопка.

Когда мы обратились к хлопковым фирмам с предложением заключить с нами сделку на поставку хлопка, мы никакого ответа от них не получили. И здесь также проводился вполне организованный бойкот нового правления. Однако, впоследствии нам удалось закупить у одной из хлоп-

ковых фирм вначале 13, а затем и еще 75 вагонов хлопка. В дальнейшем руководство работой Хлопкового комитета было взято в руки рабочей группы, во главе с тов. Назаровым, и сделки на хлопок, аннулированные прежними владельцами Ликинской мануфактуры, были восстановлены, прежняя руководящая головка Хлопкового комитета была предана суду за незаконное расторжение сделок, и впоследствии мы начали снабжаться хлопком в плановом порядке.

Снабжение вспомогательными материалами также налаживалось очень туго, нас бойкотировали, нам не хотели вначале продавать даже за деньги, нас сторонились и боялись иметь с нами деловые сношения. Мало-по-малу нам удалось, однако, наладить снабжение фабрик всем необходимым, и работа пошла более гладко.

Продовольственный вопрос

«Костлявая рука голода поставит на колени взбунговавшийся рабочий класс». Этими знаменательными словами Рябушинского руководились бр. Смирновы, владельцы Ликинской мануфактуры, в своей борьбе против существования рабочих организаций и против других требований своих рабочих. Вполне естественно поэтому, что в харчевой лавке фабрики к моменту нашего прихода не оказалось ни одного фунта муки и других продовольственных запасов.

Несмотря на кажущуюся неразрешимость при том положении, которое тогда существовало, продовольственного вопроса, нам, однако, удалось и это затруднение благополучно изжить. Главная тяжесть в этой работе падала на самих рабочих. Они выбирали на общих собраниях из своей среды доверенных лиц, которые выезжали по указанию правления в «те места, где можно было достать продовольствие, снабженные правлением необходимыми средствами. Благодаря проявленной рабочими самодеятельности, нам удалось изжить этот грозный вопрос настолько удачно, что в то время как на соседних фабриках ощущался острый продовольственный кризис, нам удалось выдавать почти весь год по одному пуду муки на каждого едока в месяц. В первые недели после национализации мы получили 8 вагонов подсолнечного масла в обмен на мануфактуру. Затем нами были очень удачно закуплены 2 вагона сахару, и ликинцы получали весь первый год необходимое количество масла. Сахару выдавали по 2 фунта на едока в месяц.

Все прочие продукты также удалось закупить своевременно,—сельди, рыба, мясо, солонина, капуста и пр. имелись у нас в достаточном количестве.

Чтобы поставить в лучшие условия питание детского населения фабрик, нами была организована детская столовая, в которой отпускалось около 800 обедов ежедневно. Средства на существование этой столовой частью отпускались правлением, частью получались путем отчисления рабочими процента от зарплаты.

Трудовая дисциплина и производительность труда

Правильное функционирование предприятия определяется существующий на нем трудовой дисциплиной. Для осуществления этой дисциплины на наших фабриках, фабричными организациями был выработан целый ряд правил и определены меры взысканий за нарушение их. Так например, за опоздание на работу до 15 минут виновный подвергался в первый раз товарищескому выговору и при повторных случаях увольнялся с фабрики; опоздавшие свыше 15 минут карались отчислением полудневного заработка в кассу безработных; уход с работы допускался лишь с разрешения администрации; отпуска санкционировались фабрично-заводским комитетом лишь в том случае, когда уходящий в отпуск представлял удостоверение от заведующего соответствующего отдела в том, что отсутствие этого рабочего не нарушит правильного хода работы данного отдела.

Хищения карались безусловным увольнением с фабрики. Мне лично пришлось присутствовать на заседании фабкома при разборе одного дела о хищении. Раньше, чем описать этот случай, скажу несколько слов о характере заседаний фабкома—центра фабричной жизни. Заседания фабкома были всегда открытые, на них решались важнейшие моменты жизни фабрик. На этих заседаниях присутствовало всегда очень много рабочих и работниц. Иногда по количеству присутствующих эти заседания были многолюдней теперешних общих собраний. Вот на одном из таких собраний разбирался случай о хищении одним рабочим картофельного крахмала, который он пытался унести в чайнике, был уличен самими же рабочими и представлен в фабком. Надо было видеть гнев присутствующих рабочих, чтобы понять, насколько ликинцы научились ценить, что фабрики являются их общим достоянием, и всякого, виновного в хищении, они рассматривали, как своего врага, позорящего весь их коллектив. В таком именно смысле и высказывались присутствующие рабочие и работницы. Ни одного слова сочувствия виновный не встретил и был с позором изгнан с предприятия.

Надо ли говорить, что при этих условиях дисциплины и классового самосознания рабочих фабрики работали образ-

цово, и производительность труда значительно превысила производительность 1916 г., что видно из цифр.

Выпрядено пряжи в один рабочий день на сто веретен пудо-номеров:

в августе 1916 г. 20,67
„ „ 1918 г. 25,38

Выработано фунтов товара одного ткацкого станка в 1 час:

в августе 1916 г. 0,93
„ „ 1918 г. 0,94

Отделано и окрашено кусков разных сортов товара в один рабочий день:

в августе 1916 г. 924
„ „ 1918 г. 1717

Такое чрезмерное поднятие производительности красильно-отделочной фабрики отчасти произошло по причине того, что в 1918 году товар вырабатывался более легкий, требовавший меньше времени для обработки.

Поток делегаций и ходоков с других фабрик и заводов

Огненная пятиконечная звезда и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», светившиеся с вершин фабричных труб Ликинской мануфактуры и прорезавшие ночную тьму глухого уголка Владимирской губернии, видны были издалека и замечались не только жителями окружных деревень. Молва о работе нового правления и рабочих Ликинской мануфактуры распространилась далеко за пределы Владимирской губернии.

Блестящий результат работы и состояние фабрики не могли остаться незамеченными для значительной части рабочих других предприятий, и наша фабрика стала местом паломничества делегаций и ходоков целого ряда фабрик и заводов различных отраслей промышленности. Они приходили посмотреть, как мы работаем «без хозяина».

Как в настоящее время к нам в СССР приезжает целый ряд иностранных делегаций, желающих воочию убедиться, что мы действительно смогли справиться и налаживаем наше хозяйство без царя, помещиков и фабрикантов, так и тогда в 1917—18 гг., к нам и в правление и на фабрику приезжали делегации рабочих, стараясь познакомиться со всеми деталями работы. Они тщательно знакомились с состоянием продовольственного вопроса, расспрашивали рабочих о том,

как им живется, знакомились с ходом производства, осматривали склады сырья и вспомогательных материалов, школу, больницу и все прочее, что могло их убедить в том, что мы благополучно обходимся «без хозяина». В правлении в Москве делегации тщательно изучали ведение дела и приемы руководства предприятием.

Уезжая, делегации почти неизменно заявляли, что они убедились в том, что мы очень хорошо обходимся без фабриканта, и они, по приезде домой, расскажут пославшим их товарищам обо всем, что они видели, и уже не будут бояться взять фабрики и заводы в свои руки.

Помощь профсоюзу в проведении новых тарифов

В декабре 1917 года между Московским областным профессиональным союзом текстильщиков и текстильными фабрикантами разгорелась ожесточенная борьба, заключавшаяся в том, что предприниматели не соглашались признать минимум заработной платы, установленный профсоюзом.

Принимая во внимание, что профсоюз тогда никакой реальной силы и значения не имел, происходящая борьба принимала для профсоюза безнадежный характер. Фабриканты ни в коем случае не соглашались выплачивать получку по новым ставкам, а рабочие, боясь остаться без денег перед наступавшими рождественскими праздниками, начали в некоторых случаях неорганизованно итти на уступки фабрикантам и получать получку по старым ставкам. В некоторых случаях они стали получать себе заработную плату готовым товаром, что вызвало понижение цен этих товаров в районах фабрики, ибо в этих случаях товар выбрасывался на спекулятивный рынок, что опять-таки понижало заработную плату рабочих и носило чрезвычайно нездоровый характер, внося сильное разложение в рабочую среду.

В этот критический момент и пришло на помощь профсоюзу наше правление. По моему предложению, которое было санкционировано правлением, были приняты следующие меры: когда в профсоюз обращались рабочие каких-либо текстильных фабрик с жалобой на то, что предприниматель не соглашается на выплату зарплаты по новым ставкам, эти рабочие направлялись к нам в правление. Здесь мы давали им письменное распоряжение, согласно которому они должны были вывезти весь имеющийся у них на фабрике готовый товар на наши склады, а мы обязывались выплачивать им получку по новым ставкам. Эти наши письменные распоряжения производили магическое действие на фабрикантов, и они в большинстве случаев не только соглаша-

лись немедленно на выплату получки по новым ставкам, но и возмещали стоимость подвод, нанятых для перевозки товаров, лишь бы не допустить вывоза.

Вывоз товаров с фабрик был допущен весьма незначительным числом фабрикантов, как, например, фабрикой тонких сукон бр. Хутаревых, платочной фабрикой Гусакова, хлопчатобумажно-прядильной фабрикой Франц Рабенек и др. В этих случаях мы мобилизовали все наши и профсоюзные средства и общими усилиями действительно выплачивали рабочим получку. После этого наши письменные распоряжения о вывозе товара получили еще большую силу, и сопротивление фабрикантов введению новых ставок было таким образом сломлено.

После этого правление Ликинской мануфактуры начало пользоваться еще большей популярностью, и рабочие-текстильщики при столкновении со своими фабрикантами категорически им заявляли, что они поступят с ними так же как ликинцы поступили со своими хозяевами, а в некоторых случаях они эту угрозу приводили в исполнение, как, например, рабочие фабрик Франц Рабенек, Бажанова и др.

Были случаи, когда к нам обращались рабочие и других областей промышленности. Припоминаю случай, когда мы, по просьбе президиума Московского совета, проделали аналогичную операцию с рабочими пуговичной фабрики Ронталера. Случай этот совпал с временным нашим финансовым затруднением, когда мы должны были выдавать получку нашим рабочим. Вопрос стоял тогда так: или дать получку нашим рабочим, или же, отложив эту получку, притти на помощь рабочим фабрики Ронталера. За разрешением этого вопроса мы обратились к ликинцам. Поехали на фабрику, созвали общее собрание рабочих, доложили им о бедственном положении рабочих фабрики Ронталера и спросили у них, согласны ли они протерпеть с получкой некоторое время и помочь своим товарищам. Все выступавшие товарищи высказывались за оказание помощи рабочим Ронталера, и при голосовании не было ни одного голоса против оказания этой помощи.

Само собой разумеется, что наше существование после всего этого не вызывало восторга со стороны промышленного мира; враждебное его отношение к нам выявлялось все более и более настойчиво, нас пытались дискредитировать путем печати, в большой своей части находившейся тогда в его руках. Наконец, к нам начали поступать сведения, что на нас готовится вооруженное нападение, и мы вынуждены были обратиться за охраной, и первые несколько месяцев мы работали в помещении правления на Ильинке под охраной красногвардейцев.

Стремление меньшевиков сорвать работу

Меньшевистская братия делала все возможное, чтобы сорвать нашу работу.

Проведя секвестр[1]) фабрики в тот же день, когда Совнарком издал постановление о ее национализации, и горя желанием во что бы что ни стало спасти для министра Временного правительства Смирнова принадлежащее ему предприятие, меньшевики, в лице зампредседателя Московского заводского совещания гр. С. Е. Вейцмана, внесли в президиум Московского совета рабочих и солдатских депутатов срочное предложение о том, чтобы президиум Моссовета поднял вопрос перед Совнаркомом об отмене постановления о конфискации Ликинской мануфактуры и о замене национализации фабрик секвестром.

Постановление это было размножено и распространено по фабрикам в громадном количестве. К этому прибавились подкуп и спаивание отдельных групп и лиц, и все это вместе взятое привело к открытому выступлению, главным образом прежних служащих фабриканта Смирнова, с требованием аннулирования национализации и проведения секвестра фабрики. Было созвано, без установленного разрешения фабрично-заводского комитета, общее собрание, где попытались провести подтверждение этого требования. Однако, этого им получить не удалось, но они добились постановления общего собрания о необходимости немедленного раздела всех имеющихся запасов продовольствия.

Наши ребята не растерялись,—тов. Морозкин, председатель Ликинского совета рабочих и солдатских депутатов, срочно снесся с местными властями, на фабриках было введено военное положение, и конфликт еще до приезда правления на фабрику был почти полностью ликвидирован.

Служащие фабрик вообще были весьма настроены против нашей работы, и нам приходилось преодолевать благодаря этому много затруднений. Привожу здесь документ, который с достаточной яркостью выявит существовавшее положение.

Заявление в фабрично-заводской комитет.

«Мы, нижеподписавшиеся, медицинский и педагогический персонал фабрики, не принимающие активного участия в политической борьбе страны, не желая оставить местное

[1]) Секвестр предприятия означает передачу такового под контроль государства, т.-е. создание управления этим предприятием из представителей государства и владельцев предприятия, при чем предприятие продолжает оставаться собственностью владельца. *(Б. Аз.)*

население без медицинской помощи и школьного обучения, постановили остаться работать на фабрике Российской Республики, хотя и не сочувствуем акту конфискации фабрики в данный момент, когда близок день созыва Учредительного собрания. Ноября 23 дня 1917 г.».

Следуют подписи.

Жилищный вопрос

Всем известно, что жилищный вопрос на текстильных фабриках находился в очень плачевном положении. Вопрос этот и на Ликинской мануфактуре находился также в очень жалком состоянии. Правлением были приняты все возможные меры для изжития квартирного кризиса. Нами было приступлено к приспособлению для жилья старого пустующего корпуса и других пустующих помещений, чем, хотя отчасти, ослабили остроту вопроса.

Стремясь вырвать из тяжелой жилищной обстановки детей, мы приступили к сооружению детского дворца-яслей, который был рассчитан на все детское население до 3-летнего возраста. Стоимость этого здания определялась в 1918 году в один миллион рублей.

Санитария и медицина

Нами было также уделено серьезное внимание улучшению санитарного и медицинского дела на фабриках. Штаты медицинского персонала больницы были значительно расширены. Обслуживающая население фабрик баня была коренным образом переоборудована и расширена до размеров пропускной способности всего населения.

Восстановлена и отремонтирована канализация фабрик. Были изданы точные правила соблюдения чистоты и опрятности внутри жилых помещений и около них, а также установлен надлежащий надзор за выполнением этих правил.

Удовлетворение культурных запросов населения фабрик

Новое правление почти в первые дни своей работы отпустило необходимые средства для улучшения постановки школьного дела на фабриках. Программа занятий школы была переработана. Кабинеты школы были снабжены новейшими пособиями.

Правлением был приглашен специальный инструктор для руководства занятиями драматического кружка. Оборудован собственный театр. Устроена библиотека-читальня. Организованы курсы для поднятия квалификации рабочих.

Финансовые результаты работы правления

Несмотря на крупные расходы, финансовые результаты работы правления дают очень хорошую картину. Так, по отчету правления [1]) видно, что чистая прибыль за первые 7 месяцев работы выразилась в колоссальной сумме в 10.654.014 руб. 89 коп. В то же самое время правление выплатило $^2/_3$ заработной платы рабочим и служащим за 4 месяца простоя фабрик до их национализации.

В течение года нами было уплачено одной заработной платы рабочим и служащим свыше 13.000.000 руб. Все расходы по ведению предприятия (закупка сырья, вспомогательные материалы и пр.) исчисляются суммой 43.116.086 р. 17 коп.

К моменту первой годовщины национализации фабрик мы имели на текущем счету в Государственном банке около 5.000.000 руб. Топлива на фабриках, на торфяных болотах и заготовленного в лесных делянках имелось в размере годового запаса. Вспомогательных материалов имелся полугодовой запас. Хлопок получался в плановом порядке через Хлопковый комитет.

Празднование первой годовщины национализации Ликинской мануфактуры

Выше изложены мною те данные, которые правление имело возможность доложить общему собранию рабочих, собравшихся на торжественное заседание по случаю первой годовщины национализации фабрик.

На этом собрании присутствовали представители многих организаций, принимавших участие в национализации Ликинской мануфактуры, а также делегаты от некоторых фабрик и заводов, оказавших материальную поддержку ликинцам в период их борьбы с владельцами фабрик.

После приветствий и моего отчетного доклада о работе правления общее собрание единогласно постановило ходатайствовать перед соответствующими инстанциями об отчислении из полученной правлением прибыли в два миллиона

[1]) „Экономическая Жизнь“ № 6 от 11/I—1919 г. *(Б. Аз.)*

рублей одного миллиона в фонд создания Рабочего Дома, ста тысяч рублей на расширение библиотеки, семисот тысяч в фонд создания единой трудовой школы и по сто тысяч рублей на технические курсы и обучение взрослых.

В конце заседания член исполкома Ликинского совета тов. Лобанов об'являет, что об'единенным совещанием ликинских организаций решено предложить данному собранию провести амнистию рабочих и служащих, уволенных с фабрики со времени пуска последней за какие-либо проступки, кроме воров-рецидивистов, и принять их обратно на фабрику. Амнистию предлагается распространить и на тех рабочих и служащих, которые в данное время находятся под судом, и возбудить перед исполкомом ходатайство о смягчении их наказания, при этом в первую очередь должны приниматься те лица, которые будут прощены.

Собрание приветствует предложение об амнистии и единогласно утверждает его.

Ликинская мануфактура в первое время после образования Орехово-Ликинского группового правления

Выше мы описали работу Ликинской мануфактуры и ее правления в первый год после национализации.

Празднуя годовщину этой национализации, ликинцы не предчувствовали надвигавшейся беды, а она была не за горами.

Дело в том, что в то время как успешная работа Ликинской мануфактуры являлась путеводной звездой для многих десятков тысяч рабочих-текстильщиков, эта же самая работа являлась, что называется, «бельмом на глазу» у текстильных фабрикантов и у их главных помощников—инженеров-текстильщиков.

Первые признаки ненависти к национализированной Ликинской фабрике со стороны руководителей ассоциации инженеров сказались в том, что союз инженеров Орехово-Зуевского района предложил своему члену, инженеру К. В. Иванову, техническому директору Ликинской мануфактуры, покинуть службу на этой фабрике после ее национализации, и когда тот отказался выполнить это решение, он был 17 декабря 1917 года исключен из союза инженеров.

Второй признак этой ненависти заключался в том, что, когда запасы топлива и хлопка для всей текстильной промышленности начали уменьшаться, при Центротекстиле в конце 1918 года была образована комиссия, которой было поручено обследовать все хлопчатобумажные фабрики для

их подразделения на три категории, в зависимости от оборудования и успешности в работе. Надо ли говорить, что Ликинская мануфактура оказалась в третьей категории и подлежала немедленному закрытию.

После больших трудов и после того как, по настоянию ЦК союза текстильщиков, была создана специальная комиссия, которой удалось установить, что фабрика Ликинской мануфактура находится в блестящем состоянии, она была переведена в первую категорию и продолжала непрерывно работать.

Время шло. Ликинская мануфактура работала, и те, кому она была ненавистна, затаили до поры до времени свою злобу.

После того как распоряжением Главтекстиля было образовано Орехово-Зуевское групповое правление, и во главе его был поставлен в качестве председателя инженер А. А. Федотов, наши противники почувствовали, наконец, возможность расправиться с ненавистной им Ликинской мануфактурой, и не успело еще новое групповое правление принять дела у правления Ликинской мануфактуры, как было вынесено постановление о закрытии фабрик.

Привожу здесь полученную мною выписку из протокола этого постановления.

Р. С. Ф. С. Р.

Копия

ПРАВЛЕНИЕ
Орехово-Ликинской Группы текстильных предприятий

Марта 19 дня 1919 г.

В Фабрично-Заводский Комитет при Ликинской м-ре

Выписка из протокола заседания правления Орехово-Ликинской группы текстильных предприятий от 14 марта 1919 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Доклад А. А. Федотова о результатах обследования Ликинской мануфактуры технической комиссией, по назначению правления О.-Л. куста, о наличии на ней хлопка, сырья, красок и проч.	В виду отсутствия на Ликинской м-ре запасов топлива, подготовки к уже начавшейся торфяной кампании, недостатка хлопка, краски и наличия среди рабочих названной фабрики не чистого пролетариата (крестьян, владеющих землей), фабрику закрыть на неопределенное время, произвести в срочном порядке ликвидацию с рабочими и служащими, оставив на ней незначительное, необходимое количество тех и других, произвести опись всего имущества и назначить охрану такового и фабрик.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
	Оставшийся по ликвидации ф-ки „чистый пролетариат" использовать для нужд торфяной кампании и перевести на другие фабрики Об'единения; служащих же и технический персонал в виду ощущаемого в них в связи с мобилизацией недостатка перевести на другие фабрики Об'единения. О постановлении этом довести до сведения Главного Правления Национализированных Текстильных Предприятий, Районного Профессионального союза, Правления Ликинской мануфактуры и местного фабрично-заводского комитета, мотивируя невозможность пуска фабрик изложенными выше соображениями и общими, в виде расстройства транспорта, отсутствия подвоза нефти и проч. Проведение в жизнь этого постановления с его наибольшей безболезненностью возложить на местный профессиональный союз и Фаб.-Зав. К-т.

Член Правления (подпись).

Секретарь (подпись).

Копия верна (подпись).

Уже из этого документа виден весь трагизм положения, в котором вновь очутились ликинцы, но по ознакомлении с подлинным протоколом заседания, на котором было принято постановление о закрытии фабрики, оказалось, что действительность была во много раз хуже, так как выписка оказалась неправильной, и в подлиннике протокола говорилось не только о закрытии фабрик, а и о вывозе из них имеющихся запасов сырья, вспомогательных материалов и всего прочего, вплоть до снятия приводных ремней. Таким образом, цветущее и полное жизни и революционного энтузиазма предприятие превращалось этим постановлением в труп.

Не медля ни минуты, я совместно с представителями фабричных организаций, обратился в Центральный Комитет всероссийского союза текстильщиков с заявлением, в котором мы вкратце изложили историю вопроса и между прочим сообщили, что фабрики Ликинской мануфактуры оборудованы всеми необходимыми машинами почти самых новейших

систем, имеющихся в России[1]), тщательно заново отремонтированы, торфяные машины также заканчиваются ремонтом к предстоящим торфяным разработкам. Фабрика с вполне законченным производственным циклом снабжены всеми необходимыми материалами почти на шесть месяцев, в том числе и топливом, находящимся при станциях железных дорог; фабрики обслуживаются довольно сознательными и дисциплинированными рабочими, доказательством чему служит то, что в то время, как на всех фабриках производительность пала, на Ликинской мануфактуре она значительно повысилась.

Дальше в заявлении говорилось:

«Принимая во внимание все вышеизложенное, мы, нижеподписавшиеся, обращаемся от имени 4.500 рабочих и служащих, что составляет с семействами население около 9.000 человек, вновь обреченных на голод, с просьбой о содействии, чтобы фабрики Ликинской мануфактуры не были закрыты».

В ответ на наше заявление на следующий же день мы получили от ЦК всероссийского союза текстильщиков следующий ответ:

Бюро Всероссийского Совета профессиональных союзов рабочих и работниц по обработке волокнистых веществ

Москва,
Б. Дмитровка, 1. № 606.

Москва, 20 марта 1919 г.

В Фабричный Комитет

Ликинской М-ры.

Уважаемые Товарищи!

Заслушав заявление профессионального союза, Исполнительного Комитета Правительственного Правления Ликинской м-ры об угрожающей фабрике приостановке, Центральный Комитет всероссийского союза текстильщиков, учитывая ту огромную роль, какую сыграло ваше предприятие в деле нашего социалистического строительства, а также настоящее положение фабрики в техническом отношении, в области снабжения, постановил принять все меры к недопущению приостановки работ и к оказанию содействия к дальнейшей плодотворной работе фабрики.

Председатель (подпись).

Управделами (подпись).

Таким образом при помощи ЦК союза текстильщиков нам вновь удалось отвратить надвигающуюся беду.

[1]) Большинство машин были конструкции 1907—1908 г. *(Б. Аз.).*

Вот в кратких словах изложение борьбы рабочих Ликинской мануфактуры, первой национализированной фабрики, против саботажа ее хозяев, а также краткий очерк работы рабочего правления этой фабрики, быть председателем коего выпало на мою долю.

Должен сказать, что вся работа правления протекала в тесном контакте со всеми фабричными организациями. Не говоря о том, что, как правило, правление выезжало на фабрику каждые две недели, не было ни одного мало-мальски значительного факта в жизни и работе правления, которым оно не спешило бы поделиться с фабричными организациями и с широкими рабочими массами путем выезда на фабрики и созыва общих собраний. Вот чему главным образом, по моему мнению, обязано предприятие в достижении тех великолепных результатов, которые были получены в течение всего времени работы рабочего правления Ликинской мануфактуры.

17/XI—1926 г.

Т. Сапронов

КАНУН И НАЧАЛО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТУШИНО-ГУЧКОВСКОМ РАЙОНЕ

После долгого скитания я снова в Москве и прежде, чем встретиться со своими товарищами, встретился, как это бывало в те времена, со шпиками. Пришел к товарищу ночевать; оказалось, он сам не ночевал дома две ночи, и у его квартиры дежурили шпики. Конечно, в таком месте—не ночевка, пришлось удирать от филеров, которые дежурили у ворот, и отделаться от них удалось только после того, как два раза спрыгнул с трамвая на ходу, а затем удрал через проходной двор.

Прихожу в союз строительных рабочих. Та же заплесневелая небольшая каморка, тот же неказистый книжный шкаф, пара разбитых скамеек и несколько поломанных табуретов. Лишь исчезла койка тов. Курина. Думаю, союз разбогател, перестал сдавать койку. Оказалось, что не так. Товарищ исчез, как квартирант союза, не потому, что разбогател союз, а потому, что Курину пришлось перейти на нелегальное положение.

После некоторого обсуждения товарищи пришли к заключению, что мне в Москве оставаться невозможно: имевшиеся до того более или менее надежные квартиры к этому времени все уже были скомпрометированы. Мне посоветовали отправиться на завод «Проводник» в Тушино, где, по имевшимся в союзе сведениям, требовались маляры.

— Ах, да!—спохватились товарищи.—Туда, пожалуй, ехать не стоит,—там работает Жалков.

— Что сие значит?—задал я недоуменный вопрос.—Туда ехать нельзя потому, что там работает Жалков?

Они переглянулись и, немного замявшись, сообщили мне новость, что тов. Жалков подозревается в провокации.

Минутное раздумье.

А затем думаю: «Пустяки, не может этого быть», и отправился в Тушино.

Схожу с поезда на ст. Тушино, Виндавской ж. д., в 12 верстах от Москвы. Моросит дождик, под ногами голо-

ледица. Отправляюсь по указанному ближайшему пути, через поле, кустарник, на завод «Проводник».

Завод «Проводник» эвакуировался из Риги. Он еще не совсем был организован. Производились новые постройки. Громадный двор был забросан строительными материалами, дороги немощеные, грязь во дворе непролазная.

Долго ищу кровельщика Жалкова. Он на заводе занимался мелкими поделками, и меня в поисках его гоняли из одного отделения в другое. Очевидно, вследствие новизны завода нравы там были довольно-таки простые, и мне, постороннему человеку, свободно удалось пройти по всем отделениям и сразу же ознакомиться с отвратительными условиями труда в резиновом производстве, где легкие рабочих отравляются всякими химическими веществами.

Наконец, нахожу тов. Жалкова за клепаньем каких-то бадеек. Он почему-то смутился, растерялся и не сразу нашел слова для разговора. Из неловкого положения вывел раздавшийся обеденный звонок. За обедом разговор также не клеился. Тов. Жалков мялся и почему-то мешкал приниматься за еду.

— Как дела?—спросил я, имея в виду нелегальную работу на заводе.

— Материала много—мастера нет,—был ответ тов. Жалкова. И он как-то резко сорвался с места, вытащил из стола бутылку с жидкостью и со словами: «Ты меня извини» налил полный стакан и тут же залпом выпил, с горечью продолжая:

— Тень набросили, без материалов, без доказательств. Ложь, а работать не могу. Поступай ты здесь на работу. Хочешь, я тебя кой с кем познакомлю, а то и сам познакомишься. Организации здесь нет, люди же подходящие имеются. Настроение среди рабочих прекрасное. Почва хорошая, в несколько недель можно создать приличную организацию. Ты оставайся, а я уйду.

И тов. Жалков снова выпил чарку сивухи. Пытался я его уговаривать, рассеять сомнения, но это было бесполезно, так как чувствовалось, что решение его уйти с завода в случае моего поступления было бесповоротно. Да и вполне понятно его состояние: возможно, что как только начнется организация, и зашевелятся рабочие, недреманное око охранки заметит «крамолу», последуют провалы, и ничем не докажешь, что в них неповинен Жалков. Поэтому он решил лучше уйти. Я его убеждал, что уходить нецелесообразно, да и некуда, так как он тоже нелегальный, но он на это вполне резонно отвечал: «Мое положение такое, что я участвовать активно в организации теперь не смогу. Оставаясь здесь, воздержаться от этого будет

невозможно. Не поступить же тебе здесь на работу—это значит не строить организацию, что при такой благодатной обстановке преступно».

В этот же день (16 ноября 1916 г.) мы с тов. Жалковым отправились к десятнику строительных работ, и он меня принял на работу. На второй день отправляюсь к врачу на освидетельствование. Он меня встречает словом: «Оборонщик?» [1])

— Нет, белобилетник,— отвечаю я.

— Значит, болен, это не годится в нашем предприятии,— и тут же принимается выслушивать, не спрашивая о болезни.

Не без волнения, конечно, жду новых вопросов врача: если найдет несуществующую болезнь, не примет на работу, а самое худшее—если не найдет никакой болезни и задаст при посторонних вопрос:

— За что же вам дали белый билет? Вы совершенно здоровы.

Но такого вопроса не последовало; врач выпрямился и заявил: Принять не могу, у вас сильный порок сердца.

Это мне не улыбалось. Но раздумывать времени не было, и я ему начал доказывать, что он может меня принять потому, что я поступаю внештатным и не для работы в корпусе, где имеются вредные газы, а для работы на вольном воздухе, лазания по крышам и пр., так что предприятие ничем не страдает. Наконец, врача удалось убедить. Он пишет резолюцию: «Широков [2]) болен пороком сердца, но вследствие временного характера работ, производимых на вольном воздухе,—принять».

* * *

Жалков меня познакомил с двумя товарищами: из механической — тов. Гарбе и из автошинного отделения — тов. Урбан.

— На них можно положиться,—заявил тов. Жалков.—Они помогут распространять нелегальную рабочую литературу. Что же касается привлечения их в кружки, то сам их прощупай и тогда решишь,—да или нет. Я же теперь от «Проводника» ухожу,—заявил он решительно, и через несколько дней свое решение привел в исполнение.

Остановлюсь на некоторых из моих товарищей по работе. Среди них был один старикашка костромич, старший маляр,

---

[1]) Оборонщиками назывались рабочие и служащие, освобождаемые от военной службы в предприятиях, работавших на оборону.

[2]) Широков—нелегальная фамилия тов. Сапронова.

невероятно добродушный, вечно хлопотавший о том, чтобы десятник или инженер не упрекнули его в лености, нерадении и пр. Его стремлением было во что бы то ни стало начальству угодить; в то же время он не обладал свойством быть хорошим кнутом, погонялой рабочих. Свой принцип—угодить начальству—он старался примирить с принципом—не обижать рабочих. И всегда бывало своим подчиненным делал наказы: «Курите, курите, отдыхайте, но так, чтобы не заметил Кузьмич» [1]). Когда наш старикашка получал получку, он всегда вычислял, на сколько в неделю он с сыном с'ест хлеба, мяса, картошки и пр., и оставлял, сколько на это потребуется денег, а остальное все посылал в деревню. О своем Павлушке у него была одна забота: сделать его хорошим мастером-маляром, но у «Проводника» не было хороших работ, где бы можно было как следует научиться работать, и поэтому он мечтал весной Павлушку отдать к хорошему подрядчику. Павлушка был очень шустрым и исполнительным парнишкой. Он всегда охотно выполнял поручения, бегал по отделениям, относя тому или другому товарищу записку, журнал «Вопросы Страхования» и другую литературу. Павлушка быстро стал привыкать к чтению и очень хорошо воспринимал статьи и брошюры о рабочем движении.

Другой из товарищей по работе, Николаев, — лет тридцати, франтоватый маляр, на свою братию смотрел немного свысока. Чистенько одевался, мечтал быть подрядчиком и добавлял всегда, что он будет либерален, не будет эксплоатировать рабочих и пр. Любил заходить в гости и выпить с десятником, поговорить о том, нельзя ли на подряд взять хорошую работенку с тем, чтобы к весне сделаться подрядчиком.

Наконец, еще один,—совсем молодой, ко всему, за исключением, пожалуй, женщин, относившийся равнодушно. Предметом его рассуждений всегда было: как много солдаток, как они, бедняжки, живут без мужей, за какою можно «пристрельнуть». Но все эти разговоры у него оставались больше в области мечтаний.

Общие темы разговоров и стремлений моих сотоварищей, в том числе и старшего, были—как бы приписать побольше часовых и «подработать».

Подработать считалось—кому-нибудь сделать ведерко, выкрасить скамейку, нелегальным путем оклеить комнату, стянуть куски резины для подметок своим приятелям, паре-

---

[1]) Кузьмичом звали десятника строительных работ Кузьмина. Кузьмин иногда с рабочими либеральничал, непрочь был прихвастнуть, что он социалист, но в первые же дни революции был разоблачен как провокатор.

зать и пронести стекла, а потом вставить их крестьянам в деревне и пр.

Возможность «стянуть» использовал и я, а именно: заказал столяру два валика и маленький деревянный ящик, нашел среди «боя» кусок зеркального стекла, обрезал его по размеру ящика и вложил в последний с тем, чтобы этот ящик можно было употреблять для печатания прокламаций. Достал соответствующий кусок резины для оклейки валиков, и «техника» была готова, за исключением шрифта и типографской краски.

Из завода эту «технику» я решил не выносить, а убрал ее в свою мастерскую, где была возможность пустить ее в действие. Из отделений, откуда приходилось по кусочкам ее собирать, я сам ничего не выносил, а эксплоатировал Павлушку, который, бывало, что нужно положит в ведерко или в какую-нибудь корзину, засыплет мелом или еще чем-нибудь и добросовестно отнесет по указанию.

Работал я первое время главным образом в корпусе, делал мелкие поделки—где вставишь стекло, подкрасишь машину и пр. Работа была хороша тем, что я имел возможность совершенно беспрепятственно во всякое время пройти в любое отделение, поговорить с кем нужно и передать что-нибудь из литературы. Таким путем можно было быстрее знакомиться с людьми, изучать их и вылавливать подходящих людей для организации, а также собирать материалы для агитации и вооружаться для бесед с рабочими не теоретически-отвлеченными доводами или пользоваться фактами. взятыми из чужого производства, неведомого для рабочих данного завода, а из их собственной жизни и условий труда. А фактов, бьющих в глаза и служивших хорошим материалом для агитации, было—хоть отбавляй. Невероятно тяжелые условия труда, антисанитарное состояние всех отделений, почти полное отсутствие вентиляции и никаких предохранителей от отравления рабочих химическими составами.

Тяжелое положение рабочих в производстве усугублялось архитяжелыми квартирными условиями. Рабочие казармы находились рядом с заводом; поэтому весь смрад и пыль, имевшиеся на заводе, проникали и в рабочие каморки, отравляли не только самих рабочих, но и их детей. В маленьких клетушках иногда жило по два, по три семейства. Никаких удобств, как кладовок, погребов, не было, поэтому все помещалось в коридоре казармы. Здесь висели куски мяса, в ящиках хранилась картошка, в кадках—соленые огурцы и капуста. Все это пересыпалось резиновой пылью. Можно представить себе, какой там был запах. Но и этих клетушек хватало на каких-нибудь 500 человек

из трех с половиной тысяч работающих. Более тысячи человек ежедневно с поездом ездили в Москву, теряя по три часа на дорогу, остальные же рабочие были разбросаны по окружающим деревням. Деревни там небольшие, и такого громадного спроса на квартиры, какой был, даже и в сотой доле удовлетворить не могли, поэтому все крестьянские избы были набиты рабочими, как сельди в бочке. В большинстве случаев о постелях на нарах не могло быть и речи, и все валялись на грязном полу. На такой громадный завод имелась баня с пропускной способностью всего в несколько десятков человек. Поэтому рабочим приходилось жить попервобытному. А уж о квартирных условиях сартов и китайцев, которых было на заводе более 300 человек, и говорить не приходится. Они были, как стадо, загнаны в полуразвалившийся сарай с земляным полом.

Отношение некоторых мастеров к женщинам-работницам было подчас самое гнусное и оскорбительное. В особенности этим отличался мастер пагентного отделения. Он умышленно подбирал на работу в своем отделении девушек лет 17—18, позволял себе с ними всякого рода сальные шутки и недопустимые выходки. Были случаи, что он зазывал к себе в контору девиц и делал им гнусные предложения, несоглашавшихся—увольнял. На дому устраивал вечеринки, приглашал своих подчиненных и после окончания «бала» оставлял под тем или другим предлогом подпоенную девушку и делал свое грязное дело. Не пойти на такую вечеринку считалось непринятым, неудобным, а то и местом поплатишься. Об этом знали все рабочие. Многие из несознательных даже подшучивали и как будто особого значения этому не придавали. Нами эти факты широко были использованы в агитации, в особенности среди женщин, и давали возможность раскрывать им глаза на их тяжелое положение.

Через некоторое время моя работа была перенесена в рабочие каморки: вставка стекол, побелка рабочих каморок и нумерация рам и дверей. Эта работа давала еще большую возможность вести агитацию среди рабочих. Бывало, подолгу ведешь беседу с хозяйками каморок—женами рабочих, а иногда в обеденный перерыв и с рабочими, которые непременно усадят тебя за обед и начинают сперва осторожные, а затем более откровенные разговоры. Таким путем удавалось нащупывать подходящих товарищей для нелегальной организации.

Одно было плохо: нередко после окончания работы в каморке растроганная разговорами хозяйка считала своим долгом предложить на-чаек, и какова была ее обида, когда упорно отказываешься от чаевых и доказываешь вред и

унизительность для рабочего брать на-чаек. С доводами вообще хозяйка иногда соглашалась, но к данному случаю она их никак применить не могла и не хотела. «Если бы вам барыня давала на-чай, тогда бы это так, а то свой брат, работница», и, как веский аргумент, добавляла: «Все ведь берут. Почему вы не берете?»

Однажды по окончании работы в каморке одного рабочего хозяйка мне сует три рубля на-чай. Я решительно отказался и стал уходить. Она выбежала за мной в коридор и непременно хотела вручить мне трешницу. В коридоре поднялся такой шум, что вмешались соседки и начали меня упрекать. Не будешь же в коридоре открывать митинг (в те времена это было небезопасно) и доказывать нелепость и вредность чаевых. Пришлось взять и пополнить этими чаевыми партийную кассу.

* * *

После некоторого знакомства с положением на заводе я убедился, что там действительно нелегальной организации не имелось, не было также и никаких организаций легальных. Даже больничная касса, ликвидированная при эвакуации из Риги, здесь не была восстановлена.

Снабжение рабочих продовольствием в то время было из рук вон плохо. Продукты покупали у мелких торговцев на лотках или же у крестьян, приезжавших из ближайших деревень. Около них обыкновенно образовывались громадные очереди. Сильная и без того дороговизна усугублялась отсутствием хорошего снабжения рабочих.

На этой почве, а затем на почве недовольства войной, появления множества вдов и сирот и большого количества пришедших с фронта калек возбуждение росло и толкало рабочих к самоорганизации. Разговоры о предательстве и измене в штабе и даже в царской семье велись среди рабочих открыто, благодаря чему почва для нелегальной организации была очень хорошая. Рабочие с удовольствием вспоминали славные дни 1905 г., революционное движение в Риге и последующие годы нелегальной работы. Предложения о необходимости рабочим сплотиться и вести организованную борьбу против капитализма встречались сочувственно. Тем не менее начинать работу прямо с организации нелегальных групп за незнанием людей было трудновато, поэтому самое лучшее и удобное было—начать с легальных форм организации.

На заводе еще до моего приезда начали работу по восстановлению больничной кассы. Были уже уполномоченные по организации этой кассы. При поддержке администрации

возникла мысль о необходимости создания кооператива. Эти-то легальные возможности и пришлось использовать для нелегальной организации. Познакомиться с деятелями организующейся больничной кассы было нетрудно. Стоило только принести и предложить кому-либо журнал «Вопросы Страхования», как сейчас же собеседник интересовался тем, работаю ли я по организации больничной кассы, и как только получал ответ, что нет, удивлялся и делал предложение познакомить с кем-либо из уполномоченных.

Когда я работал однажды в корпусе, ко мне подошел небольшого роста, с черными, как смоль, всклокоченными кудрями, со вз'ерошенной бороденкой, покрытый с ног до головы резиновой пылью товарищ. Он держал в руках табакерку с нюхательным табаком и, усердно втягивая этот табак в нос, спросил: «Товарищ, не вы здесь распространяете журнал «Вопросы Страхования»? Такой нескромный вопрос, заданный мне вслух в присутствии всех, в том числе находившегося здесь мастера, немножко меня огорошил. В те времена даже легальную рабочую печать открыто распространять было небезопасно, и поэтому вслух задавать такие вопросы считалось неконспиративным. Но внешность этого неказистого и в то же время типичного пролетария подозрений мне не внушала. Я знаками отозвал его в сторонку, и у нас начался разговор.

Оказалось, что это был один из самых активных уполномоченных организуемой больничной кассы—тов. Филипп Калмыков. Он меня стал просить помочь ему своими советами, а также посодействовать достать страховой литературы, так как у него не было никакой связи со страховыми кассами и деятелями этих организаций. Я охотно согласился и обещал прийти на совещание уполномоченных.

Через несколько дней состоялось собрание уполномоченных. Здесь обсуждали правительственный устав, который мне пришлось раскритиковать, осветить, каких поправок удалось добиться питерским рабочим в процессе борьбы, и какими путями достигли они успеха. На этом собрании был намечен план действий, и в первую очередь решили добиваться от заводоуправления разрешения общего собрания для обсуждения вопросов, связанных с организацией больничной кассы. Не помню, по чьей инициативе на этом же собрании уполномоченных было решено начать организацию рабочего кооператива и этот вопрос также обсудить на общем собрании.

Управляющий заводом Коношенко говорил, что он не возражает против общего собрания, но это не в его власти, на это требуется разрешение московского градоначальника. После некоторого нажима со стороны уполномоченных, Коно-

шенко разрешил собрание с условием, что о нем на заводе не будет об'являтся во всеуслышание, а уполномоченные без шума пригласят по нескольку человек из своих отделений. Кроме того, Коношенко ставил условием не поднимать на собрании никаких политических вопросов.

Собрание было разрешено после занятий в субботу. Большинство рабочих жило не при заводе, а в Москве, откуда они ездили ежедневно на работу. Часть же рабочих была разбросана по ближайшим деревням. Москвичи после работы торопились попасть на поезд. Жители деревень также разбрелись по домам, да и живущие при фабрике в субботний день спешили сделать соответствующие предпраздничные приготовления. Если принять во внимание плохое оповещение об этом собрании и то, что общие собрания на заводах в те времена были необычным явлением, то станет понятным, что наше собрание было малочисленно. На нем из трех с половиной тысяч работающих на фабрике присутствовало менее ста человек. Пришли даже не все читатели журнала «Вопросы Страхования» (их насчитывалось до 200 человек).

На собрание явился понаблюсти за порядком сам заведующий заводом, благодаря чему рабочие чувствовали себя стесненными. Филипп довольно решительно взобрался на ящик и открыл собрание. Изложив цели данного собрания, он предложил избрать председателя, а затем сделал информацию о ходе работ по организации больничной кассы.

Я выступил с критикой страхового закона правительственного устава больничных касс и указал, каких необходимо добиваться поправок к этому уставу. Остановившись на трудностях, которые встретили рабочие, добиваясь разрешения собрания, следствием чего была его малочисленность, я указал на ненормальность положения рабочего класса вообще, в частности на то, что он лишен элементарных прав—собраться на общее собрание для обсуждения насущнейших вопросов. Такое положение нетерпимо, необходимо требовать от заводоуправления разрешения общего собрания рабочих, где во всей полноте обсудить стоящие в порядке дня вопросы. После меня выступил только что вышедший из тюрьмы, сидевший за убийство мастера тов. Артамонов и очень резко критиковал действия администрации, указывая на тяжелое положение рабочих и на необходимость организованных действий для улучшения своего положения. Затем осторожно, несмело на ту же тему выступило еще несколько товарищей.

Управляющий взял слово, оправдывался, уверял, что он лично против собрания ничего не имеет, но в дальнейшем необходимо разрешение градоначальника.

По вопросу о кооперации было указано, что никакая кооперативная организация не может устранить голод и разрешить те бедствия, которые постигли рабочий класс. Признавая кооперацию в качестве средства устранения голода паллиативом, мы решили ее использовать для самоорганизации и сплочения своих рядов.

Это сравнительно небольшое собрание имело свои хорошие последствия в дальнейшем развитии революционной борьбы в Тушино-Гучковском районе. В понедельник весь завод говорил об этом собрании и о необходимости организации.

Через пару дней было созвано собрание уполномоченных, которое на этот раз было более оживленным, чем происходившее до общего собрания. На нем уже, кроме обсуждения вопроса по организации больничной кассы и кооператива, был разговор о создании нелегальных групп. Эта мысль встретила большое сочувствие у присутствующих, и лишь со стороны одного, Дьячкова, были не то, чтобы возражения, а какие-то сомнения. Этот довольно-таки обрюзглый и внешностью мало похожий на рабочего суб'ект начал всех уверять, что он всячески приветствует создание такой организации, что в 1905 г. он чуть ли не боролся на баррикадах и в последующие годы работал в нелегальной организации, но считает, что теперь, во время войны, очень опасно создавать такие организации и поэтому лучше повременить.

На собрании уполномоченных по вопросу о нелегальной организации никаких решений вынесено не было. Важно было прощупать почву, как этого требовали соображения конспирации.

После этого собрания работа на заводе оживилась. В каждом отделении, цехе был центр, вокруг которого группировались рабочие, это—уполномоченный. Он распространял журнал «Вопросы Страхования» и другую рабочую печать, вел беседы с рабочими и делал нам информацию об их настроениях.

Быстро была налажена связь с Москвой. Она осуществлялась двумя путями: через союз строительных рабочих и через страховых деятелей Попка и Николаева, которые, как впоследствии выяснилось, оказались провокаторами. Из конспиративных соображений мне лично в союз показываться было невозможно, поэтому для легализации сношений с союзом строительных рабочих товарищи Калмыков и Шмидель записались членами этого союза и, имея на руках членские книжки (в которых они, кажется, записаны были плотниками), совершенно свободно могли посещать союз, а через него иметь связи и с Московским Комитетом большевиков. Через Попка была получена страховая и политическая литература, он же обещал дать связь с Московским

Комитетом, но этого сделать не мог, так как уже в это время его подозревали в провокации и от Московского Комитета держали на расстоянии. Эти подозрения были известны и мне, но так как прямых доказательств этому не имелось, и уверенности у нас в его предательстве не было, то связь с ним лишь только по вопросу о больничной кассе, т.-е. легальной организации, решили использовать. Приняли, однако, меры предосторожности, сговорившись, чтобы Калмыков и Шмидель, сообщая, что они работают у «Проводника», не называли своих фамилий. Впоследствии оказалось, что эта конспирация была излишней, так как в Февральскую революцию, когда был арестован местный урядник, у него было найдено отношение из охранки, где говорилось, что двое неизвестных посещали Симоновскую больничную кассу, брали литературу и пр., при чем описывались, очевидно, на предмет негласного надзора и слежки за ними внешность и приметы товарищей Калмыкова и Шмидель. Надо полагать, что, если бы не подоспела революция, они были бы открыты.

* * *

В конце декабря у нас была организована первая большевистская группа. С началом действий этой группы оживилась и легальная работа. Усилилось распространение журнала «Вопросы Страхования». Довольно значительное количество из проводниковцев были члены союза строительных рабочих. Группа маляров целиком входила тогда в союз, в том числе и старший маляр. Это облегчало мое положение,—я получил возможность иметь отлучки по общественным делам, не рискуя быть уволенным и даже не теряя заработка; не только в рабочее время, но и в сверхурочные часы, когда я отлучался, в табели я числился работающим. Последнее делалось не из денежных соображений, а потому, что сверхурочные работы были обязательны, и неисполнение их грозило увольнением.

В момент разгара нашей нелегальной работы произошел один небезынтересный случай. В начале января вследствие дороговизны строительные рабочие получили прибавку. Я же этой прибавки не получил. На мой вопрос, почему для меня такое исключение, инженер Генке цинично ответил: «Нам маляры не особенно нужны. Вы же военнообязанный, и, если будете настаивать на прибавке, мы вас уволим, и вы пойдете на фронт».

— Извините, я не военнообязанный, а белобилетник.

Услышав это, Генке глаза выпучил: «Как? Вы такой молодой и не военнообязанный?»

Вопрос инженера для меня, нелегального, был щекотливый, от него можно было всего ожидать. Кто мог поручиться, что сей господин не охранник? Но делать было нечего. Нужно было выдерживать до конца. Я ему в свою очередь заявляю: «Вот представьте,—молодой, а белобилетник. На мне вам заработать ничего не удастся. Или вы мне прибавите, как и всем, или я поищу себе другую работу».

Генке, покрасневший от злобы, как рак, пытался что-то сказать (он был заика), но, не выговорив ни слова, брызжа слюной, ушел из нашей мастерской.

Не без волнения пришлось ожидать последствий разговора, а они могли быть разные, вплоть до увольнения и даже ареста. Уходить от налаживающейся организации не хотелось, и вообще новую работу найти было трудно. Результатов пришлось ожидать несколько дней, до субботней получки, которую мне выдали в размере, одинаковом с другими. После получки, вздохнув с некоторым облегчением, я подумал, что хоть Генке и негодяй, но, очевидно, не охранник.

Начало января 1917 г. ознаменовалось новым под'емом в рабочем движении. 9 января в Москве и Петрограде были большие демонстрации. Отголоски этого движения не могли не дойти до завода «Проводник». Напряжение рабочих все больше и больше усиливалось. Наши хлопоты перед градоначальником о разрешении общего собрания успехом не увенчалось. Дело с кооперацией в силу всякого рода препятствий также с места не двигалось. Недовольство росло, и почва для организации все более и более улучшалась. Вслед за первой нелегальной партийной группой возникла вторая, а за ней и третья—женская группа.

Во втором номере (январском) журнала «Голос Печатного Труда» были помещены две мои статьи, в одной из них освещалось положение строительных рабочих вообще, в нескольких же строках указывалось на тяжелые условия труда рабочих-строителей в Тушине. Благодаря этим нескольким строкам привезенные нам 200 экземпляров журнала были распространены в один день. Рабочие с жадностью прочитывали журнал и передавали из рук в руки. На заседании partколлектива рассуждали о том, что «Забытый»—автор статей—очевидно, где-нибудь работает здесь, у нас на заводе, и его нужно отыскать. Я выразил удивление: «Как же это вы, товарищи, работаете столько времени на заводе и не знаете таких людей, которые пишут статьи в рабочую печать?» Филипп шепнул мне на ухо: «Это вы?» Таково было положение, что из конспиративных соображений приходилось от товарищей скрывать свое участие даже в легальном журнале.

Одновременно с этим появился издававшийся, кажется, в Кинешме кооперативный журнал с большевистской окра-

ской, и один из номеров этого журнала каким-то образом попал к нам в нескольких десятках экземпляров, и рабочие так же жадно набросились и на него.

Приблизительно к 15 января у нас был организован заводский комитет большевиков из представителей трех групп. К концу января или в начале февраля была организована четвертая группа. Такой быстрый по тогдашним временам рост нелегальных групп ставил нас в затруднительное положение в том смысле, что мы не успевали их обслуживать. Было правило, что каждая группа должна собираться еженедельно. Еженедельно собирался комитет, иногда происходило заседание уполномоченных больничной кассы, следовательно, в неделю должно было происходить пять—шесть собраний, при чем нужно принять во внимание, что эти собрания происходили в нерабочее время, т.-е. вечерами, после десятичасового дня физической работы, значит, в день можно было провести не больше одного собрания. Пропагандистов-интеллигентов не было. Из рабочих большую активность проявлял Филипп, но лишь только в организационном отношении, а обслуживать группы пропагандой приходилось мне одному. Будучи теоретически слаб и имея большое количество собраний, я не мог хорошо подготовляться к докладам, благодаря чему, конечно, удовлетворительно обслуживать группы было невозможно. Правда, дело облегчалось тем, что группы были все одного уровня—начинающие; приготовишь, бывало, один доклад и сделаешь его по очереди во всех группах. Кроме того, целый ряд собраний происходил по вопросам не теоретического характера, а злободневного, и к таким докладам особой подготовки не требовалось. Вскоре на помощь к нам пришел тов. Курин из союза строительных рабочих и значительно облегчил наше положение. Вообще он был человек малограмотный, с трудом писал свою фамилию, но очень много читал и за последний год настолько развился, что делал недурные доклады по политэкономии.

* * *

Революционное рабочее движение все больше и больше развивалось; в свою очередь реакция неистовствовала, стараясь задушить это движение. Наиболее дальновидные либеральные политические деятели предупреждали царское правительство о надвигающейся катастрофе и вымаливали у него реформы. Господа ликвидаторы из военно-промышленных комитетов добросовестно во все время войны делали свое контр-революционное дело, предавая интересы рабочего класса. Почувствовав надвигавшуюся грозу в начале 1917 г.,

они стали примазываться к рабочему движению. Но едва из их среды раздался робкий протест против реакции, и правительство заметило с их стороны заигрывание с рабочим классом, рабочая группа Военно-Промышленного комитета была арестована. Это не на шутку обеспокоило господ Гучковых, Милюковых и компанию, которые лили крокодиловы слезы, говоря, что если будет продолжаться такая политика, мы неизбежно придем к катастрофе.

Буржуазная пресса начала кампанию в защиту Государственной Думы, требуя ее созыва, который и был назначен на 14 февраля. Оборонцы призывали рабочий класс защитить эту Думу. Большевистские организации готовились к протесту 10 февраля, в день суда над рабочими депутатами Государственной Думы. В воздухе пахло больше, чем простыми стачками, это было видно даже из буржуазных газет. Все это революционное движение не могло не отражаться на проводниковских рабочих. Наша организация все больше и больше мечтала о том, как бы при случае испробовать свои силы и провести однодневную стачку; к этому нас толкало происходившее в Москве брожение. Проведение однодневной политической стачки было для нас вопросом политической чести. Мы узнали, что в Москве готовится стачка на 13—14 февраля. Числа 10-го пытались созвать свой комитет, на котором обсудить вопрос о стачке, но за отсутствием некоторых товарищей его заседание не состоялось. Тогда на частном совещании мы решили 14-го числа во что бы то ни стало провести однодневную стачку и заранее к ней подготовиться. Тов. Калмыков и я написали следующий листок:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие!

Сегодня открывается Государственная Дума. Господа из Военно-Промышленного комитета призывают вас защитить эту Думу от царя и его опричников.

Рабочие Москвы и Петрограда действительно сегодня выходят на улицу, но не по призыву господ оборонщиков, а по призыву РСДРП большевиков, не на защиту Государственной Думы, а на защиту своих прав. Вот уже третий год томятся в Сибири наши избранники, члены Государственной Думы. Что Дума сделала, что она сказала в защиту их? Она их предала. Дума дает деньги на войну. С благословения Думы льется рекой ваша рабочая кровь. При ее содействии устилаются поля трупами рабочих и крестьян. Миллионы убитых, десятки миллионов калек, вдов, сирот, холодных, голодных, разутых и раздетых.

Во всем этом повинна Дума, повинны господа оборонцы.
Рабочие, работницы, выходите на улицу, против царя, но и не за Думу.
За революцию, за Учредительное собрание, против войны—за мир, против голода—за хлеб!
Долой предателей из Военно-Промышленного комитета!
Долой войну, долой самодержавие!
Да здравствует РСДРП большевиков!
Да здравствует мировая революция!

Комитет РСДРП завода „Проводник“.

Этот листок было решено провести через комитет, но так как комитет раньше кануна стачки собраться не мог, то листок к началу стачки был уже отпечатан без санкции комитета. С печатанием произошел следующий эпизод. Ту «технику», о которой мы говорили выше, за отсутствием шрифта в ход пустить было нельзя. Поэтому я сварил в малярной мастерской гектограф и решил там отпечатать листок. Разложив на верстаке листы железа, я поставил на горящую железную печку ведерко клея и начал печатать. Работать приходилось нервничая, с частыми перерывами; запереться в мастерской было, конечно, невозможно, так как в нее маляры приходили за тем или иным делом, поэтому пришлось действовать так: нет никого в мастерской, начинаешь печатать, но, как только услышишь шаги по хрустящему снегу, сейчас же противешок с гектографом сунешь под листы железа и делаешь какое-нибудь невинное дело. Как только уходит пришедший, продолжаешь свою работу.

Увлекшись работой, я, очевидно, не уловил приближающихся шагов. Вдруг широко распахивается дверь мастерской, и на ее пороге показывается здоровенный детина—старший фабричный городовой. Схватываю ведерко с горячим клеем и выливаю его на противень с гектографом, который сразу же в горячем клее разошелся и разлился вместе с клеем по всему верстаку. Ругаясь, что нечаянно пролил клей, я схватил в то же время отпечатанные и облитые экземпляры листовки и бросил в горящую печку. Каково же было проклятье за испорченный гектограф и отпечатанную листовку, когда все дело кончилось тем, что городовой спросил, где старший маляр: «он, мол, мне обещал сделать ведерко и савок». Получив от меня соответствующий ответ, городовик ушел, я же ругал себя за невыдержанность и думал: «На кой чорт я все это сделал? Мог бы, как и раньше, совершенно спокойно сунуть противешок под листы железа и теперь бы спокойно продолжал работу».

Вечером этого неудачного дня происходило заседание комитета, на котором пришли к заключению, что наша организация еще недостаточно крепка для действий, и всякое неудачное выступление может повлечь за собой ликвидацию этой организации, и поэтому решили воздержаться от выступления. Таким образом, надобность в листке отпала.

В этот период не было ни одного дня, который прошел бы спокойно, без волнений. Больших выступлений в дни от 10 по 14 февраля ни в Москве, ни в Петрограде, как мы после узнали, не было, но слухи передавались самые фантастические, и они, очевидно, были не беспочвенны, так как недовольство в рабочих массах быстро накоплялось и ежедневно грозило вылиться наружу. В буржуазных газетах появилось милюковское воззвание, призывавшее рабочих к спокойствию и указывавшее на то, что якобы от его имени на фабриках и заводах Петрограда рабочим раздавали оружие. Такие сообщения буржуазных газет играли не ту роль, которой желали господа Милюковы и Гучковы, а обратную. Читая такие вещи, рабочие делали выводы, что происходит что-то неладное: вероятно, в самом деле петроградские рабочие вооружаются и готовятся к революционной борьбе. В сказки, что враги на немецкие деньги распространяют прокламации и оружие, конечно, никто не верил. Каждый знал, что злейшими врагами рабочего класса являются царь и его правительство, вся буржуазия и господа оборонцы, затемняющие своими действиями самосознание рабочего класса. Все думы и мечты рабочих сосредоточивались на том, какими путями и средствами покончить с этими врагами.

Вторично вопрос о политической стачке у нас, в Тушине, встал перед празднованием дня работницы. Но и на этот раз предложение об об'явлении стачки было отклонено. Ограничились тем, что 22-го вечером устроили вечеринку, на которую были приглашены все члены партии. Эта вечеринка происходила в крестьянской избе деревни Петрово. Здесь был сделан доклад о текущем моменте с выводом, что мы живем накануне революции не в предположительном, а буквальном смысле слова. На вопрос, где начнется революционное движение, тогда ответить было трудно, но что оно начнется, сомнений не было. Этот вопрос предрешался самим ходом исторических событий. Докладчик утверждал, что вопрос о начале революции есть вопрос месяцев, а то и дней. В такой обстановке собравшиеся загорелись желанием в день работницы провести стачку. Товарищ Курин развивал следующий план: с утра примем меры к тому, чтобы рабочие прекратили работу, в одном из отделений устроим митинг, на котором выступит тов. Александр с докладом о текущем моменте и войне. Члены партии на всякий случай должны

группироваться около трибуны, чтобы помочь оратору в случае нужды замешаться в толпе. Эта идея присутствующим понравилась, но после жарких прений все-таки была отклонена. Все чувствовали, что надвигаются громаднейшие события, что решающая роль в движении принадлежит проводниковцам в целом и никому в отдельности, но что действия рабочего класса должны быть согласованы, и выступления его должны быть максимально единодушны. Поэтому собравшиеся постановили во что бы то ни стало и как можно скорее получить связь с Московским Комитетом и впредь руководствоваться его директивами, для чего командировать в Москву своего представителя.

Кто-то из присутствующих высказал мысль, не являются ли наши опасения и чрезмерная осторожность излишними, а тактика—трусливой. Но это предположение настолько не соответствовало всеобщему настроению, царившему на собрании,—во что бы то ни стало поскорее в бой,—что на него никто не обратил внимания.

После горячих дебатов о стачке перешли к воспоминаниям и всякого рода предположениям. Вспоминали прекрасные времена борьбы 1905 г., последующие годы нелегальной работы, высказывали предположения о том, что теперь делается в Москве и Петрограде. Присутствующие говорили: «Мы-то сравнительно в безопасности. Наша организация только еще возникла и находится вне поля зрения охранки. У других это дело обстоит хуже. Сколько-то сегодня произойдет повсеместно провалов, арестов, и сколько товарищей по необ'ятной царской России за эту ночь будут лишены свободы? А сколько теперь томятся в тюрьмах и ссылках? Сколько замученных в царских застенках?».

Кто-то запел «Замучен тяжелой неволей». Появился аккомпанемент гитары, балалайки,—избенка оживилась. После заунывной песни памяти Чернышевского раздалось «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов», и хор весело, с боевым задором, подхватил: «Кипит наш разум возмущенный...» «Мы не одни»,—было у всех сознание,—нас много, наступает пора, когда рабочий класс тесными, сомкнутыми рядами сметет со своего пути все царские устои и рогатки соглашателей. Вперед, на борьбу!»

Революционные песни сменялись декламацией; поднимались стаканы с чаем и провозглашались тосты за работниц, за надвигающуюся революцию, за томящихся в тюрьмах и за их освобождение. Вечеринка затянулась. Лишь под утро стали расходиться, по дороге от деревни до фабрики беззаботно играли в снежки. Каждый думал, что наступают дни великих и решающих боев, к которым нужно быть готовым.

* * *

Тов. Курин отправился в поиски связей с Московским Комитетом, я—к тов. Ольминскому по вопросу о статьях «Голоса Печатного Труда». От него узнаю, что в Петрограде начинается серьезное рабочее движение. На улицах появились толпы демонстрирующих с красными флагами. Обеспокоенная либеральная буржуазия мечется по передним министров, выступая публично с речами, полными испуга, с уговором и мольбой к царскому правительству, предупреждает его о надвигающейся катастрофе и дает советы, какими подачками обмануть рабочий класс, без которого нельзя продолжать кровавую бойню.

От тов. Курина же я получил предложение принять участие в организации окружного комитета РСДРП большевиков, подготовительная работа по организации которого уже проделана. Но создавать окружной комитет нелегальным путем не пришлось. События развернулись скорее, чем все ожидали.

27 февраля вся группа маляров работала в машинном отделении. Чувствовали, что в воздухе чем-то пахнет, обменивались на этот счет мнениями, но никто не подозревал, что события в Питере развернулись и вылились в революцию. Беззаботно пели песни, как будто бы старались своим криком перекричать стук машин. После обеда к нам стали приходить из разных отделений члены партии, таинственно передавали слухи, что в Москве остановились фабрики и заводы, прекратилось трамвайное движение, на улицах валяются опрокинутые вагоны, рабочие демонстрируют. Из всех этих рассказов можно было заключить, что в Москве что-то такое происходит, но что именно,—толком никто сказать не мог.

Вечером собрали заводский партийный комитет. Информация о событиях в Москве подтверждалась только слухами и пересказами, но очевидцев не было. Все волнуются, горячатся. Кем-то выдвигается предложение об'явить завтра же стачку, но большинство высказывается против, решают дождаться директив из Москвы.

После заседания прихожу в квартиру. Там уже ждет меня Жалков и, к моему удивлению, на всю избу, не стесняясь, начинает рассказывать о том, что в Москве происходит революция, что выбран уже совет рабочих депутатов. В Петрограде арестовано царское правительство, царя еще не поймали, он куда-то сбежал, но, вероятно, скоро поймают. Организовано новое правительство якобы во главе с Чайковским. Свой рассказ тов. Жалков заключает вопросом: «Готовы ли вы завтра же остановить свою работу, произвести

выборы в заводский комитет и послать своих представителей в Московский совет рабочих депутатов?».

Стремглав бегу обратно на завод. Снова заседание комитета большевиков. Уже высказываются по вопросу—об'являть или не об'являть стачку. Этот вопрос решен не нами. Все интересуются информацией. Удивляются, почему во главе нового Временного правительства оказался эсер Чайковский. Неужели петроградский пролетариат, шедший всегда впереди рабочего движения и под знаменами партии большевиков, активно борющихся все время против войны, сверг самодержавие для того, чтобы во главе революционного правительства поставить лиц, которые явятся продолжателями империалистической бойни? А может быть, это не так,—утешали себя комитетчики. Может быть, это пока-что слухи? [1]). Ну, довольно догадок. Нужно действовать. Во всяком случае, борьба только начинается, и у власти окажется тот, кто будет наиболее организован, дисциплинирован и выдержан. За дело!

Тут же выработали план—в шесть часов утра собрать общее собрание членов партии, на котором предложить выработанные комитетом директивы; ровно в семь часов утра, т.-е. в момент начала работ, дать тревожный заводский гудок и остановить паровую. Члены партии должны быть на своих постах и принять меры к тому, чтобы одновременно во всех отделениях остановить работу. Сообщив об аресте царского правительства и о происходящих событиях, пригласить всех рабочих в рукавное отделение на общее собрание.

Ночь прошла в волнениях, ожиданиях, без сна. Рано утром в одну из рабочих каморок приходят на собрание члены партии, не сразу—поодиночке, таинственно, принимают все меры конспирации, не зная о происшедшем. Информацию о событиях слушают с затаенным дыханием, а через несколько минут гробовая тишина сменяется общим ликованием. То, что происходит в каморке, на собрание не похоже, никакого планомерного обсуждения вопроса не ведется. С трудом удается сдерживать шум, чтобы не привлечь постороннего внимания и преждевременно не выдать своих планов. Все вопросы считаются решенными, предложение комитета принимается без возражений. Члены партии получают директивы и уходят на свои посты.

Выходим с собрания. Со всех сторон к заводу тянутся рабочие, но уж нет среди них обычной утренней угрюмости. Все, приходя в мастерские, собираются маленькими кучками, о чем-то перешептываются, передают друг другу новости

---

[1]) Циркулировавшие в то время слухи о назначении Чайковского в дальнейшем не оправдались. *(Ред.)*

и быстро становятся к станкам. По заводу распространились провокационные слухи, что якобы несколько дней назад на завод привезли пулеметы. Фабричные городовые приготовлены к тому, чтобы принять решительные меры к прекращению каких бы то ни было попыток со стороны рабочих, поэтому на заводе создалась какая-то напряженность.

Семь часов утра. Зашумели машины, задвигались станки, заработали люди. Действия должны были начаться с машинного отделения. На группу маляров, как работающих в этом отделении, была возложена обязанность остановить машины. Решающая минута. Маляры с кистями и ведерками в руках подходят к старшему механику и именем восставших рабочих требуют остановить машину. Механик в грубой форме отказывается выполнить наше требование. Уговаривали добром, угрожали—ничего не помогло. Силу применить не могли, так как нас была слишком маленькая кучка, а рабочие машинного отделения оставались безучастными. Раздумывать было нечего. Куй железо, пока горячо. Вбегаем в корпус с криком: «Кончай работу! Царя больше нет, кровавое правительство арестовано! Все на собрание!» Партийцы, стоявшие на постах, к этому времени ничего не сделали. Они, очевидно, ожидали, когда будет остановлена машина, чтобы тогда начать свои действия, но машины продолжали работать. Услыхав наши крики, рабочие как будто опешили, останавливаясь у своих станков, смотрели по сторонам, главным образом, на двери, в ожидании, не появятся ли городовые. В это время все партийцы начали действовать. Бегая из отделения в отделение с криками: «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Все на собрание!», останавливали станки, на ходу сбрасывали ремни и увлекали всех на собрание.

Через несколько минут шум и грохот машин затихли. Их сменили крик, гам рабочих. Громадный фабричный корпус загудел, как растревоженный улей. Из всех отделений по лестницам потянулись вереницы рабочих в рукавное— на общее собрание. Среди рабочих чувствовалась какая-то несмелость, робость, всякий старался предупредить, чтобы наглухо заперли двери и не пускали полицию. Мастера и служащие на все происходящее смотрели с насмешливой улыбкой, держали себя на отлете от рабочих и как будто старались подчеркнуть, что в действиях рабочих они не принимают никакого участия и, в лучшем случае, являются простыми зрителями. Администрация же порицала «лодырей» и «буянов».

Посреди громадного рукавного отделения симпровизировали трибуну, с которой раздался резкий крик оратора: «Товарищи!». В зале все стихло, и рабочие стали тесниться

к трибуне. Оратор продолжал: «Наступил решительный момент беспощадной борьбы с царским самодержавием. Восставшие рабочие Петрограда посадили в Петропавловскую крепость правительство дворян и помещиков, сам царь сбежал, но карающая рука пролетариата настигнет его где бы он ни был». Дальше полились слова жестокой и горькой правды о кровавой бойне, о горах трупов, морях крови, о десятках миллионов сирот, искалеченных рабочих и крестьян, миллионах убитых. Рабочая масса осмелела, забыла о существовании городовых, забыла о пулеметах. Все, затаив дыхание, тесным кольцом окружили трибуну. Толпа наэлектризовалась, и, наконец, громовое «ура!», «смерть палачам!», «долой войну!» заглушили оратора. Слышатся всхлипывания женщин, а затем рыдания. Проклятия царскому самодержавию несутся со всех сторон. Каждый призыв и лозунг оратора покрывается криками «ура!», «смерть царю и его опричникам!» Все это сливается с рыданием женщин.

Чувствуется, что все тело как будто бы пронизывается булавками, по коже бегают мурашки, и как будто шевелятся на голове волосы. Экстаз в зале невероятный. Крики, рыдания шумной массы рабочих передаются и оратору; наболевшие обиды прошлого и новая буйная радость. Чувствуется, что он вместо горячих призывов готов разрыдаться вместе с другими. Но у него вырывается: «Смерть самодержавным палачам Николаю и Вильгельму!», «Да здравствует мировая революция!»—и соскакивает с трибуны. Зал оглашается криками: «Смерть! смерть! ура!»

Тов. Филипп от имени партийной организации предлагает список заводского комитета и представителей в Московский совет рабочих депутатов. Оглашенные списки покрываются криками: «Просим, ура!» Один из партийцев, находившийся в списке комитета, Дьячков, дергает тов. Филиппа за рукав и говорит: «Не называй мою фамилию, как члена организации, неизвестно еще, что будет». Кто-то из стоявших рядом с ним партийцев крикнул: «Дурак, замолчи!» [1]). Филипп же, не обращая на него внимания, предлагает: «Товарищи, все на демонстрацию, разоружать полицию и останавливать другие фабрики!»

Толпа двинулась, раздалось пение боевых революционных песен, но нескладно, неумело (большинство рабочих этих песен не знало), зато всех сильно воодушевляли крики: «Вперед, на борьбу!», «Смерть палачам!», «Да здравствует мировая революция!» Быстро весь двор покрылся массой рабочих.

---

[1]) После Октябрьской революции Дьячков уехал в Ригу и там сделался городовиком.

В толпе появилось не совсем красное, сшитое из подержанного материала знамя (в Тушине не было мануфактурной лавки, негде было достать красного материала, и поэтому мне пришлось снять со своего окна занавеску, которая перед этим была пологом в люльке умершего уже ребенка). В толпе крикнули: «Товарищи, кто солдаты,—вперед!». Кто-то подбежал ко мне с предложением сорганизовать старых солдат, поручить им окружить помещение городовых и взять его приступом, иначе они всех нас перестреляют,—у них пулеметы. Но это уже делал кто-то без меня. Демонстранты только-что направились к помещению городовых, а уже около него стояла небольшая кучка рабочих, требовавших сдачи оружия. Кто-то пытался демонстрацию остановить, уговорить: «Подождите, у городовых пулеметы!», но этого уговора никто не слушал, молодежь бросилась в атаку. Помещение городовых было окружено, и из помещения под руки выводили старшего городового. От имени восставших рабочих ему предлагается немедленно сдать оружие. Городовик просит пустить его к телефону, чтобы попросить разрешения у начальства. «Ради бога, десять минут срока»,—просит плачущим голосом когда-то грозный городовой. «Ни секунды не медля, сдать оружие!»,—раздается ему в ответ. «В случае добровольной сдачи будете отпущены, за сопротивление—арестованы и расстреляны». Испуганный городовой обещает сдать оружие, уходит в помещение, но оттуда не возвращается, медлит. Кто-то крикнул, что городовые пытаются задним ходом удрать. Наэлектризованная толпа зашумела: «Бей их! Расстрелять!» С трудом сдерживая толпу, ворвались в помещение. Городовые стояли кучками посредине комнаты, растерянные и перетрусившие, и стоило лишь товарищу взяться за кобуру револьвера старшего городового, все остальные сейчас же сняли с себя оружие.

Выходим с тов. Артамоновым с трофеями в виде револьверов и шашек (слухи о пулеметах оказались ложными) под крики: «ура!», «да здравствует революция!» С трибуны раздается приказ поручить тов. Шмиделю сорганизовать боевую дружину (он же был назначен и ее начальником), занять контору, взять под контроль телефон; ему же поручить охрану кассы и всего завода. Городовых арестовать и держать впредь до особого распоряжения. «Демонстрация, стройся! Вперед, на другие фабрики!» В это время из толпы послышался голос небольшого, худенького и, повидимому, подвыпившего служащего Воробьева: «Врут, что правительство арестовано и царь сбежал», и он вслед за этим начал ругать «забастовщиков и подстрекателей».

Вихрем сорвались мальчуганы, схватили Воробьева, свалили в снег и начали забрасывать его всем, что попадалось под руки. С трудом удалось его отнять. Тут же он был арестован и посажен впредь до распоряжения комитета.

Демонстранты двинулись вперед по глубокому снегу, оглашая воздух революционными песнями. Подошли к церкви в селе Спас, раздался колокольный звон. Из церкви выходят молящиеся, демонстранты останавливаются, поднимают на руки оратора и устраивают митинг. Раздаются снова призывы, снова проклятья по адресу царского правительства. Испуганные лица крестьян—и боевой клич рабочих. У дверей появляется поп, пытается что-то говорить, но его заглушают крики рабочих. Молящиеся, осмелев, смешиваются с демонстрацией, а поп уныло плетется домой.

Демонстрация двинулась вперед с теми же боевыми песнями. В деревне Тушине разоружили и арестовали урядника, а затем двинулись на фабрики Третьякова, Альтшулера, Белишева и других, останавливая везде работы и увлекая за собой рабочих.

Е. Попова

НА ЯХРОМСКОЙ ФАБРИКЕ, ДМИТРОВСКОГО УЕЗДА

(Составлено по стенограмме воспоминаний тт. В. В. Минина, Н. Г. Моршанова, С. П. Седова, А. Клятова и других.)

Прежде чем перейти к описанию событий 1917 года, как они проходили на Яхромской фабрике, необходимо в нескольких словах остановиться на положении рабочих на фабрике накануне революции и на положении самой фабрики, как производственной единицы.

Несмотря на то, что Яхромская фабрика относится к текстильному производству, она, как и некоторые другие, была частично переоборудована и вырабатывала снаряды для нужд войны.

Это обстоятельство ставило фабрику в привилегированное положение, и, когда у нее стало нехватать прежних запасов сырья и топлива, она была переведена в первый разряд и с тех пор и топливом и сырьем была обеспечена настолько, что могла работать бесперебойно.

Тем не менее положение рабочих было не из блестящих. Во-первых, фабрика отставала от других по заработной плате, во-вторых, в некоторых отделах, как, например, в прядильном, был слишком длинный рабочий день, работали часто до двух часов ночи. А недостаток товаров в потребительской лавке, нередко отказывавшей в самых необходимых продуктах, увеличивал и без того тяжелое положение рабочих.

На почве этих недочетов была на фабрике осенью 1916 г. экономическая забастовка. Потребовали фабричного инспектора Синева. Женщины указывали ему на все недочеты, но директор заявил, что прядильная работает только до 10 часов, и фабричный инспектор, веря ему, а не рабочим, оставил просьбу рабочих без всяких последствий. Кроме того, рабочие требовали прибавки жалованья на высшую квалификацию 10% и на низшую—5%. Директор не согласился и на это, и рабочие вынуждены были начать работать на старых условиях. Все же эта забастовка взбудоражила массу. Рабочие начали потихоньку собираться и обсуждать

свое положение, но и администрация со своей стороны усилила слежку за рабочими.

Недовольства войной на фабрике вначале, можно сказать, почти не было, разве за небольшими исключениями. Не потому, что рабочие видели для себя от войны какую-нибудь выгоду, а потому, что администрация слишком старалась разжечь в них ложный патриотизм.

На фабрике часто устраивались демонстрации под руководством союза русского народа. Когда взяли Краков, черносотенцы кричали: «Да здравствуют Николай II и Николай Николаевич», и отсталых рабочих это воодушевляло. Между прочим, самая торжественная демонстрация была, когда русские взяли Перемышль. Рабочих чуть не среди ночи подняли, тут же взяли хоругви и царский портрет и пошли. Черносотенцам эта демонстрация была очень на-руку. Здесь как раз произошел один факт, который подвинтил настроение. Во время шествия электрический провод от сильного ветра сорвался, и получился удар. Попы заговорили, что, несмотря на такую стужу, с неба раздался гром, как голос божий. На этой почве агитация за войну еще более усилилась. Ложь тем не менее была уже настолько нагла, что даже администрация не вытерпела, и кто-то из них пояснил, что это был не гром, а сорвался провод.

Недовольство войной началось с того момента, когда солдаты начали писать письма с фронта, и по фабрике пошла агитация, что на фронте измена.

Некоторые рабочие Яхромской фабрики еще до революции были связаны с нелегальным союзом текстильщиков, находившимся в Москве. Туда ездили иногда и привозили оттуда литературу. Один раз привезли листовки, которые сказано было продавать по 2 копейки, но масса из боязни иметь дело с полицией даже и задаром брала их неохотно.

Организации большевиков не было. Были лишь отдельные большевики среди рабочих, и то скорее по настроению, чем по убеждению. Часть их группировалась в обществе потребителей «Заря», но в общем «Заря» находилась под влиянием эсеров.

По мере того, как увеличивалось недовольство войной, среди рабочих росло и сочувствие к большевикам, а в целом, нужно сказать, настроение в народе было раздвоенное, и лишь очень незначительная часть понимала, что пора свергнуть самодержавие; большинство же тянулось за царем.

Когда узнали о свержении царя, на фабрике было такое настроение, что в первый момент в ткацком отделе некоторые женщины, под влиянием «истинно-русских» людей, даже плакали. Но это скоро прошло, создался революционный

под'ем среди рабочих, все высыпали во двор, появились красные флаги.

Один из работавших тогда на фабрике товарищей рассказывает так: я работал во второй смене, почти рядом с ткацкой. Мы сидели, курили, время было около 9 часов вечера. Вдруг видим—товарищи идут, поют революционные песни. Мы с Гущиным, когда в 10 часов паровая стала, смотрим—полный двор народу. Гущин пошел узнать, в чем дело, и мы все вышли во двор.

Вокруг более активных быстро сорганизовалась инициативная группа, которая прежде всего решила покончить со старыми властями и откомандировала троих обезоружить полицейского надзирателя. По дороге к нему у главной конторы стоял полицейский, нас, человек 20—30, вышло из-за угла. Тут подоспели еще товарищи с красными флагами, и мы его обезоружили. Когда пришли к надзирателю и окружили его со всех сторон, он после одного—двух вопросов, в чем дело, видя, что другого выхода нет, отдал ключи от шкафа и сказал: «Берите оружие». Сам же стоял, вытянув руки по швам. Мы надеваем на себя отобранное у него оружие и идем сначала на почту, потом к железнодорожному жандарму. Там оказалось заперто. Тогда заняли станцию и пошли к жандарму на квартиру. У него была собака, и она на нас бросилась, а пока мы ее уничтожили, он ушел в лес.

Дня три—четыре были без всякой власти, а 2 марта выбрали совет рабочих депутатов. Выбирали на общем собрании таким способом: сначала кричали кандидатуру, кандидат выходил на трибуну, чтобы показаться, тогда начинали голосовать.

В совет вошли на ряду с другими тт. Моршанов и Клятов, впоследствии игравшие активную роль в завоевании и организации советской власти, а председателем был выбран Семен Никитич Воронин, скоро перешедший к меньшевикам.

День спустя была выбрана милиция, также на общем собрании и точно таким же способом, как выбирали совет.

Конторщика Скоморохова избрали начальником милиции.

Через некоторое время совет выделил из себя исполнительный комитет в составе 4—5 человек. В этом составе совет проработал месяца два с половиной или три. Совет занял для себя помещение клуба служащих, там же поместился и фабрично-заводский комитет.

После выбора фабкома установили более тесную организационную связь с московским союзом текстильщиков, а затем стали организовывать союз и у себя на фабрике.

Демонстрации 12 марта с лозунгами Учредительного собрания и демократической республики не было ни на Яхромской фабрике, ни в Дмитрове.

«Заем свободы», выпущенный Временным правительством для усиления средств на ведение войны, никакой популярностью не пользовался, и почти никто из рабочих его не покупал.

1 мая была демонстрация, которая с фабрики прошла до Дмитрова. Демонстрация получилась очень большая. Можно сказать, что была вся Яхромская фабрика, Икшинский завод, из деревень масса народу собралась лозунги на знаменах и плакаты были большевистские. Настроение у всех было очень приподнятое, и погода благоприятная. Митинг показал большие силы рабочего класса. Демонстрация была 18 апреля, т.-е. по новому стилю.

Интересный эпизод в связи с этой демонстрацией рассказывает тов. Клятов.

— На митинге в Дмитрове должен был выступать председатель Яхромского совета Воронин, но выступать ему не хотелось. За два часа до митинга он меня вызвал в Дмитров и сказал, чтобы я выступил. Я никакой подготовки не имел, но у меня была большевистская листовка, она была как раз перед этим распространена и по фабрике. Когда я прибыл в Дмитров, там меньшевичка Выдрина написала и дала мне конспект речи и сказала, что я должен говорить. Я никогда не выступал на митингах, очень боялся и, когда шел на трибуну, позабыл все, как чего говорить, с чего начинать. Потом как начал говорить, и все по этому большевистскому листку, весь его прошел. Настроение у рабочих поднималось, только я остановиться никак не мог. В начале речи я увидел перед собой плакат с лозунгом. Он мне понравился, и я все думал, что вот этим лозунгом и кончу речь, а тут, как на грех, куда-то делся этот плакат, и как я ни искал его глазами, нигде увидеть не мог. Свою речь я все-таки как-то кончил. Только потом меня вызвали в исполнительный комитет и задали головомойку. «Если бы мы знали, что ты будешь так говорить,—сказали мне,—мы бы тебе не дали выступить».

К моменту окружной конференции, бывшей 17 апреля, на Икшинском заводе и на Яхроме партийной организации не было, она сложилась позднее. Вот как описывает этот момент один из участников.

— Мы проводим общее собрание всех рабочих фабрики. Выходит Воронин и говорит: «Я завтра начну всех записывать в профсоюз и в партию»,—и мы стали подходить, записывались на одном листе в профсоюз, на другом—в партию. Даже старухи приходили и просили записать их в профсоюз

и в партию. Партия была об'единенная—большевики и меньшевики.

Демонстрации протеста против наступления на фронте, как это было в Петрограде и в Москве 18 июня, на Яхроме не было. И хотя в разговорах слышалось недовольство наступлением, но ни в какие, более внушительные формы оно не вылилось, не было даже митингов.

Во время июльских дней [1]) на митинге выступали от уездного совета рабочих депутатов один большевик и меньшевичка, но ее выступление рабочим не понравилось, они более сочувствовали лозунгу: «Долой 10 министров-капиталистов».

После июльских дней и ближе к моменту Московского совещания, когда на большевиков из контрреволюционного лагеря посыпались обвинения в шпионстве и измене отечеству, на Яхромской фабрике было общее собрание рабочих, где от окружного комитета выступал тов. Полидоров с раз'яснением, что представляет собой этот с'езд.

В этот период контрреволюция настолько подняла голову, что большевикам выступать стало опасно. Полидорова даже собирались утопить, как немецкого шпиона. Перед этим собранием организовалась какая-то группа, называвшая себя анархистами, и, когда на фабрику приехал Полидоров, они решили прежде всего на собрании заставить его сказать, какой он партии, и, как только скажет, что он большевик, прямо хватать его и тащить в реку. Ячейка приняла меры к охране Полидорова, и в конце концов дело обошлось благополучно. Полидоров выступал после этого еще на Вербилках, и там, несмотря на угрозу избить палками, он также остался невредим благодаря решительному заявлению тов. Бессмертного, пользующегося там и по настоящее время громадным авторитетом, что хулиганы могут взять Полидорова только через его труп.

Стали распространяться темные слухи, что скоро большевиков будут вешать. Нехватит столбов. «Смотрите,— шептали затаенные голоса,—держитесь». Реакция не миновала даже большевистской ячейки. Из страха ее члены рассыпались в разные стороны, никто даже не хотел взять на хранение печать. В ячейке осталось всего 7 человек: Моршанов, Бокарев, Минина Анна, Колесов, Оболенин, Седов и Трофимов, которые не прерывали своей работы. Дела ячейки и документы из предосторожности сожгли.

---

[1]) В тот момент, когда в Петрограде произошла вооруженная демонстрация рабочих под лозунгами: „Долой 10 министров-капиталистов" и „Вся власть советам" 3—5 июля, на местах происходили митинги и демонстрации с такими же лозунгами. *(Е. П.)*

Делалось ясным, что необходима какая-то вооруженная сила на случай каких-либо контрреволюционных выступлений, тем более, что на фабрике заметно стало развиваться хулиганство.

Кроме того, велась агитация против совета рабочих депутатов, и была опасность, что контрреволюционеры могут разгромить совет.

При таких условиях возникла на Яхроме рабочая дружина, сначала из 5 человек, потом стало 10, а к октябрьским дням она увеличилась до 30 человек. Старшим в дружине выбрали Ногина, из остальных в нее вошли: Моршанов, Седов, Борисов и Цикорин. Такая же дружина была организована и на соседнем Икшинском заводе.

Трудно обстояло дело с вооружением. Уездный начальник милиции Грузинов ни в коем случае не давал оружия, а когда яхромская дружина приобрела его нелегально, послав для покупки одного товарища в Тулу, и когда начальник милиции узнал об этом, он прислал ей грозную бумагу с требованием немедленно прислать оружие к нему в Дмитров. Этого, конечно, сделано не было, и дружина продолжала существовать и увеличиваться, опираясь на уездный совет рабочих депутатов, в котором к этому времени укрепилось влияние большевиков. В середине августа дружина переименовалась в отряд Красной гвардии, послужив для него организационным ядром.

Как дружина, так и Красная гвардия вели подготовку своих членов к вооруженному выступлению, обучая их ночами и по праздникам обращению с оружием.

Но вот грянуло корниловское восстание, и Красная гвардия встала на ноги.

Настроение в массах быстро переменилось, упадок кончился, все стали сознавать, что надо готовиться.

Когда на Яхроме узнали, что в Москве организовались военно-революционный комитет и Красная гвардия во главе с тов. Пече, туда немедленно же был командирован тов. Машечкин, К. М., и тов. Пече предложил ему привезти список членов Красной гвардии, обещая выдать на всех револьверы. В дружине к этому времени уже был свой пулемет. В связи с корниловским выступлением в фабрично-заводском комитете не прерывалось дежурство у телефона. Красная гвардия имела задание охранять железную дорогу. Было установлено четыре сторожевых поста в разных пунктах: на большом мосту, у железного моста, на шоссе и на 3-й версте.

— Завоевания революции находились под угрозой, нам пришлось поставить,—говорит тов. В. В. Минин,—в уездном совете рабочих депутатов вопрос о создании ревкома из большевиков, дабы охранить революцию от контрреволю-

ционных попыток Корнилова. Мы начинаем в нашем уездном совете сначала вести подготовку. Знаем, что против нас могут выступить серьезные противники из меньшевиков и эсеров, но все-таки вопрос о создании ревкома ставим решительно для немедленного практического осуществления. Вначале вопрос был поставлен нами на президиуме, назавтра его должен был в окончательном виде решить совет. И мы, и наши противники, можно смело сказать, проявили невиданную энергию, мобилизуя свои силы для этого решающего собрания.

Видя, что своими силами нам в Дмитрове не справиться, мы поехали на фабрику и просили товарищей, чтобы все, кто состоит членами уездного совета, полностью присутствовали на этом заседании.

В свою очередь эсеры оповестили своих, и на собрание явились такие, которых раньше никогда на заседаниях не было видно, например, один агроном, о котором мы даже и не подозревали, что он член совета. Наша организационная подготовка получилась довольно значительной, и, несмотря на то, что все наши противники выступали единым фронтом, победа была за нами. Вдобавок из совета крестьянских депутатов, экстренно созванного по этому случаю эсерами, пришли пятеро крестьян и нас поддержали. Мы выбрали уездный ревком из 7 человек, но заседать ему из-за эсеровского засилья в Дмитрове было нельзя, мы перешли на фабрику и связались с ревкомом Бутырского района Москвы, помещавшимся за Бутырской заставой, на Нижней Масловке. Нам было дано задание обо всем, что происходит в нашем уезде, сообщать в Бутырский ревком, и мы каждый раз, кроме того, возили туда прокламации, которые здесь распространяли эсеры: Байдин, комиссар Временного правительства, и начальник милиции Грузинов. Мы старались, насколько возможно, собирать эти прокламации и уничтожать их.

Заседания ревкома происходили на фабрике весьма конспиративно, приезжали представители с других соседних фабрик. Интересно, что после корниловского выступления настроение рабочих резко меняется в сторону большевиков. С соседних фабрик то и дело нам заявляют, что рабочие стоят за то, что Временное правительство надо по шапке. Немного было слабовато на Луговой, там некоторые колебались; на остальных же фабриках рабочие вполне сочувствовали организации советской власти.

Для характеристики настроения рабочих нелишне указать на один факт, происшедший на Яхромской фабрике. За несколько дней до Октябрьского переворота на фабрику приехал кадет Шрейдер с докладом на тему, как кадетская партия будет защищать в Учредительном собрании интересы рабочих.

Когда перед местной большевистской организацией встал вопрос, давать или не давать ему выступать, был поставлен вопрос, насколько обеспечен его провал среди рабочих, и, когда выяснилось, что кадет на Яхроме среди рабочих не найдет себе сторонников, решено было разрешить ему выступить с докладом.

Свою речь он начал с благодарности по адресу местной организации большевиков и тов. Моршанова за любезное разрешение. Заявил, что он 20 лет изучал рабочий вопрос и в течение 8 лет выступает перед рабочими. Так заманчиво изложил свою программу, что можно было подумать, что кадетская партия и есть партия рабочего класса. Но, несмотря на это, вместо аплодисментов, которых он ждал во время весьма внимательного слушания доклада, по окончании его, со стороны рабочих послышались дружные крики: «Долой! Довольно!» и оглушительный свист. Кадетская программа провалилась. Настроение было до такой степени разгоряченное и враждебное, что кадета пришлось выпустить со сцены запасным ходом, чтобы охранить его от возможного насилия со стороны возмущенных рабочих.

Последующие дни октября заставили Яхромскую фабрику заняться практической подготовкой к вооруженной борьбе. Связь через тов. Пече с Москвой была полная, Пече сам приезжал на фабрику, и к нему постоянно ездили.

— Нам нужно было завязать связь с окружающими уездами,—рассказывает тов. В. В. Минин.—Сначала посылали в Кимры [1]), там завязали связь с солдатами, и из них трое—четверо приезжали к нам на совещание, и мы договорились с ними в случае какого-либо выступления помогать друг другу. Мы узнали, что у них два броневика, есть пулеметы, и они обещали оказать нам содействие в случае контрреволюционных выступлений, которых вполне можно было ожидать.

Также была связь с Клином, откуда приезжал тов. Икан, рабочий кожевенного завода. Он был членом совета рабочих депутатов Клинского уезда. От него мы узнали, что рабочие Высоковской мануфактуры настроены за советскую власть, и сговорились в случае выступления действовать совместно.

Лишь только стало известно, что в Москве началась вооруженная борьба за власть советов, на Яхроме установился порядок—никому из членов партии и Красной гвардии с фабрики не отлучаться.

Выделили для связи с Бутырским районом троих товарищей: Бокарева, Алешина и Железнова, которые каждый

[1]) Село Кимры, теперь Тверской губ., находится близ ст. Савелово, Савеловской ж. д., по ту сторону Волги.

день ездили в Москву и потом докладывали на фабрике, что там делается. Через них мы узнали, что Москве нужен броневик и организовали его отправку из Савелова, и, по нашим сведениям, этот броневик был использован при ликвидации белогвардейщины.

При помощи Бутырского ревкома был отодвинут от нашей фабрики на несколько верст состав, груженый снарядами и стоявший на Яхроме во время Октябрьского переворота. Малейшая неосторожность с огнем или толчок могли вызвать страшную катастрофу и гибель фабрики.

Впоследствии Бутырский ревком выслал на фабрику товарищей из своего экспедиционного отряда в помощь яхромскому отряду для захвата власти, и все вместе, по намеченному плану, распределили между собой обязанности, и часть пошла в Дмитров, часть осталась на фабрике.

Нужно сказать, что занятие уездных учреждений в Дмитрове обошлось без всякого кровопролития. И хотя начальник милиции Грузинов гордо заявил: «Вы меня не ставили, вы меня и не снимете!», однако же, на практике отряд очень легко снял с постов старую милицию и поставил своих; тем дело и кончилось. Отряд настолько быстро и решительно проделал эту операцию, что ставленники Временного правительства не успели даже оглянуться, как везде их места заняли представители новой власти—советов рабочих и крестьян.

Особо следует отметить роль женщин во время Октябрьского переворота. Товарищи Гусева, Минина Анна и Соколова были в отряде Красной гвардии, несли караульную службу в качестве часовых, разгружали оружие, переносили винтовки, ходили вооруженные с отрядом в Дмитров брать власть,—одним словом, на опасных местах были впереди.

Громадную работу в организации они проделали также и при выборах в Учредительное собрание, проводя большевистский список № 5. Они сорганизовали вокруг себя всех сознательных работниц Яхромской фабрики и обошли волость за волостью пешком почти весь уезд, агитируя за большевиков. И, несмотря на то, что со стороны эсеров велась бешеная агитация за список № 3, большевистский список получил большинство.

Когда власть была захвачена, яхромские большевики, как члены уездного совета, по его поручению, выезжали в соседние деревни разбирать всевозможные дела и заявления, сыпавшиеся со всех сторон в совет, как орган новой власти.

В заключение следует в нескольких словах остановиться на вопросе об управлении фабрикой.

Во главе управления до конца 1917 г. продолжал оставаться один из ее владельцев—Баскаков. Фабком же

после Февральского переворота все, что мог сделать на первых порах, это—согнать ненавистного директора Бортмана и мастера Эверта, известных среди рабочих своей жестокостью и презрительным отношением к ним. Бортман, например, бил рабочих по зубам, а Эверт называл их русскими свиньями.

Удалить их было не так легко, потому что за них, в особенности за Бортмана, хозяин стоял горой. Никакие доводы фабкома ни к чему не приводили. Тогда решили поставить вопрос на закрытое голосование, и в результате за Бортмана было подано около 600 голосов, а против него—более 5.000. Бортман с фабрики был удален. С этого момента фабком стал ближе подходить к хозяйственной жизни фабрики, стал устанавливать расценки, следить, чтобы фабрика работала бесперебойно. Неоднократно члены фабкома ездили в Хлопковый комитет, чтобы продвигать хлопок, и достигли того, что фабрика за все время стояла только две недели, за которые рабочие получили полный заработок.

Под руководством фабкома выделена была контрольно-хозяйственная комиссия из среды рабочих и служащих, одна часть которой находилась на фабрике, а другая была послана в правление. Но эта комиссия оказалась мало удачной, так как в нее попало большинство таких, которые были против контроля.

Интересно, что, пока рабочие не подошли вплотную к вопросу о контроле, фабричная администрация охотнее шла на всякие переговоры с фабкомом и кое-что делала для рабочих, но как только фабком начал проявлять настойчивость в вопросах контроля, администрация прежде всего заявила, что члены фабкома своими общественными делами должны заниматься в нерабочее время, и потребовалось вмешательство общего собрания рабочих, чтобы члены фабкома были освобождены от работы в производстве.

Фабком был тесным образом связан с союзом текстильщиков и во всем руководствовался его указаниями.

Хотя, как было сказано, власть к советам перешла легко, но все же после Октябрьского переворота нельзя еще было считать, что советская власть в уезде установилась окончательно. Это произошло значительно позже, а именно—в январе 1918 г., когда на уездном с'езде слились воедино советы рабочих и крестьянских депутатов, существовавшие дотоле раздельно, и когда новый исполнительный комитет совета рабочих и крестьянских депутатов вынес постановление об упразднении земства и передаче всех его дел совету.

А. Караваев

ФЕВРАЛЬСКАЯ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ В МОЖАЙСКОМ УЕЗДЕ

Можайский уезд, в то время еще не включавший в себя самостоятельно существовавших Верейского и Рузского уездов,—уезд крестьянский. Промышленности в уезде нет, за исключением одной небольшой шелко-прядильной фабрики на Марфином Броде. Рабочих очень немного, и они собраны только на этой фабрике, а также в мелких мастерских, и основное ядро—на железнодорожной станции Можайск, где было ремонтное депо. Всего несколько сотен человек. Остальное—крестьянская масса. Город населен преимущественно служащими, торговцами. Но в тот период в Можайске находился большой военный гарнизон: крепостные артиллерийские, дорожные, пехотные и обозные части и интендантство. Всего около 20.000 человек. Эта солдатская масса, особенно та часть ее, которая состояла из бывших фабрично-заводских рабочих, и играла первенствующую роль в революционных событиях того периода и главным образом—в Октябрьском перевороте.

* * *

С получением сообщения о падении самодержавия в городе и на станции железной дороги царит сильное возбуждение. Все ждут новых вестей. События пробудили интерес не только у незначительной группы рабочих и массы солдат местного гарнизона, но и у всего обывательского, обычно невозмутимо-сонного населения города. Никогда еще так ярко не реагировало на события крестьянство, несмотря на ту косность, которая царила в деревне после ухода ее молодых кадров на войну.

Происходят длинные, в течение ряда дней, заседания первого так называемого «революционного» уездного собора. Тут и земство, и дворянское собрание, до последних дней своей жизни «украшаемое» именами графов, князей и прочих

столпов рухнувшего самодержавия. Тут все—кадетствующие, просто либеральничающие и эсерствующие. Не было только большевиков.

Этот первый «собор», вылезший на белый свет на гребне Февральской революции, читает и торжественно об'являет получаемые из Петрограда телеграммы об отречении, передаче власти «по наследству», об организации власти Государственной Думой и т. д. Он одинаково восторженно рукоплещет елейному отречению Николая II и организации нового правительства. Он с каждой новой телеграммой меняет свой тон—прогрессивно «революционизируется». Дальше он начинает действовать. Выдвигает на пост комиссара общественной безопасности Недешева (к.-д.), который, будучи «облечен» властью, спешит показать себя осаждающему помещение народу. Он торжественно об'являет, призывает, обещает.

Поскольку большевиков не было, не было слышно и голоса пролетариата. Кого-то избирали и на этом останавливались. Никакой реорганизации проводить не спешили. Пока все идет по-старому, только земский начальник сошел со сцены. Совершилась «бескровная» революция. Царизм повергнут—«народ» властвует. По существу же сменились только лица. Ярых реакционеров-дворян сменили тоже дворяне, но «либеральничающие», к которым, как к своим господам верные слуги, подоспели русские соглашатели.

Это верхушка, а масса?.. Она в это время организованно и неорганизованно ходит по улицам города. Над ее головами красные полотнища. Кто-то сумел заполучить портрет председателя Государственной Думы Родзянко. Среди лозунгов—чаще умеренные, но есть и такие, которые призывают к мировой революции; с некоторых бросается в глаза «Долой» не только по адресу царизма, но и буржуазии с ее прихвостнями. Демонстранты с веселыми лицами, с революционными песнями.

Но уже и тогда в речах ораторов чувствовались разные нотки, разные чаяния. Выступавший рабочий или солдат нередко говорил совсем не то, что пел какой-нибудь «покрасневший» вдруг офицер или появившийся на сцену событий член партии так называемой «народной свободы». В массе демонстрация тоже не была единодушна. Все это было только инстинктивно, не четко. Очень многие из демонстрирующих по существу «играли в революцию»: кое-кто их них хотел показать только вид, что они тоже со всеми; были такие, которые дальше итти уже не хотели. «Чего же еще нам нужно?»...—спрашивали они окружающих. Только подавляющее большинство солдатской и рабочей массы понимало, что происходит что-то большое, что это только

начало, что нужно готовиться к новым событиям. Но все было неясно, смутно осознаваемо.

Немало курьезов. Укажу на такой... Идет демонстрация учащихся и военных, среди которых многие из местных военных канцелярий. Навстречу воинский начальник—старый полковник, со шпагой на боку. Кому-то в демонстрации приходит мысль о разоружении его. Окружают... Полковник страшно перепугался, думая, повидимому, что над ним хотят совершить насилие. Ошибся... Совсем не то. Окружившие начали уговаривать его передать им шпагу... подвергнуть себя разоружению... Уговаривают долго, убедительно... Осажденный, наконец, сдается и «позволяет» взять шпагу. Кричат «ура». Готовы зачислить этого зубра самодержавия в революционеры. Так мало было надо «революционерам» этой категории.

В Можайске, как и всюду, полиция страшно перепугалась событий. В эти дни уже никто и никому не мешал выражать революционные чувства и «нарушать порядок». В один из первых дней демонстранты направились в тюрьму—освобождать пленников царизма, но политических не оказалось. Освободили уголовных...—попались под руку.

Во второй половине марта устраивается парад гарнизона с молебном и присягой Временному правительству. Над головами красные плакаты, но их немного, и опять портрет Родзянко. В центре, рядом с попами, начальник гарнизона генерал Давыдов с красным бантом, окруженный такими же «покрасневшими» офицерами в парадных формах. Генерал поздравляет собравшиеся части с переворотом и призывает к поддержке выдвинутого «народными представителями» Временного правительства. Тут же, забравшись на стол или на бочку,—не помню,—произносит большую речь соборный поп Стогов. Ведь он тоже «красный», тоже «революционер». Падение самодержавия он тоже «приветствует». Тоже, как и генерал, он за Временное правительство и, с верой и упованием на всевышнего, призывает к его поддержке. Говорить поп умел... Он получил бурные аплодисменты. Был весьма любопытный момент. В лице попа и генерала в Можайске была у Временного правительства надежная опора. Ведь это они вместе с правыми эсерами и кадетами сажали в тюрьму тех, кто смел сочувствовать поднимающемуся большевизму. Это они звали массы на войну до «победного конца». Это они призывали трудящихся нести последние копейки на «заем свободы». Это они всюду и всегда говорили о «немецких шпионах», о «предательстве революции большевиками».

Они глухо делали черное дело даже против той безобидной «революции» февраля—марта, весь путь которой покрыт компромиссами и сделками с буржуазией.

* * *

Выборы в советы происходили не по партиям, а персонально. В марте организовались совет рабочих депутатов и совет солдатских депутатов. Рядом существовал совет офицерских депутатов. Солдаты туда не допускались. В первые дни советы были организациями для разговоров, а не органами действия. Говорили обо всем. В каждом совете выявились свои передовики. В офицерском совете—военный врач Лебедев, правый эсер, организатор местной эсеровской ячейки, хороший оратор, довольно умный человек.

В солдатском совете—тов. Марков, солдат железнодорожного батальона, социал-демократ; но было для многих неясно, к какому крылу социал-демократии он примыкал. Он председательствовал в совете и сам часто выступал. Солдаты и рабочие его сильно любили и к нему прислушивались. Во главе с ним совет солдатских и рабочих депутатов нередко вставал в резкую оппозицию к сторонникам Временного правительства.

Среди рабочих наиболее видным был тоже Лебедев, железнодорожник. Не знаю, примыкал ли он формально тогда к партии, но он был одним из тех, кто политически складывался как большевик.

Советы практически работали мало, но около них билась политическая жизнь, и к ним тянулась рабочая и солдатская масса. Хозяйственно-административную работу вело земство. В его руках был весь аппарат в городе и уезде, где им были созданы волостные земства.

Совет крестьянских депутатов организовался позднее, при чем в нем преобладало влияние эсеров. Видную роль в нем играли местный врач Тяжелов, агроном Павлов, крестьяне Жаров и Львов и, кажется, учитель Бегичев.

В середине лета 1917 г. произошло об'единение совета рабочих и солдатских депутатов с советом крестьянских депутатов. На этом же об'единенном заседании возник вопрос об отношении к войне в связи с вопросом о наступлении. Доклады делаются представителями соглашательского крыла, целиком разделяющими линию Временного правительства. На этом заседании особенно резко и четко ставят вопросы члены совета, примыкающие к большевикам (организации еще не было). Их жестокая критика политики Временного правительства как в вопросе о войне, так и по ряду других вопросов пробудила всю массу. Целый ряд политически неопределившихся депутатов, преимущественно из рабочих и солдат, поддерживает большевистскую группу, но крестьянское большинство было за другую точку зрения.

Помню выступление крестьянина Кирсанова. Он в своей горячей речи превозносил Временное правительство, его

правильную, «мудрую» политику и горячо призывал к «войне до победного конца». Он, под громкие одобрения соглашателей и обманутой части крестьян, сделал примерно такое заявление: «Если бы теперь мой собственный сын самовольно оставил позицию и вернулся в деревню, я его не пощадил бы и убил бы своими руками». Это понравилось эсеровско-меньшевистской шайке. Они не жалели аплодисментов по адресу такого «голоса народа». Крестьяне в большей части тоже одобряли это заявление. Правда, тут была верхушка крестьян, но самый этот факт характерен, и он говорит, что в то время далеко не все крестьянство понимало, что в своей политике Временное правительство не считается с его интересами, и что эта политика направлена против них. С другой стороны, этот факт говорит и о том, насколько неполно отражались интересы бедняцкой и середняцкой массы их представителями в советах того периода.

После обсуждения предлагаются две резолюции: одна соглашательская с девизом «Война до победного конца», и другая—от группы большевиков, предложенная тов. Савиновым, с лозунгом «Долой войну». Резолюция большевиков собирает меньшинство, и тов. Савинов оглашает под неистовый рев соглашателей декларацию, в которой клеймит гибельную политику Временного правительства и его приспешников и указывает путь, по которому должна итти дальше революция, это—передача всей власти советам: замена соглашательской коалиции революционным правительством, полностью отражающим интересы широких рабоче-крестьянских масс; прекращение империалистической войны и т. д. Большевики после оглашения декларации демонстративно уходят с собрания, увлекая за собой и часть сочувствующих элементов. Собрание по существу срывается.

Это собрание больше, чем другая работа, явилось исходным пунктом, откуда стала быстро разноситься по уезду весть о большевиках,—о них крестьянство еще мало знало. Крестьянство не было осведомлено, что большевики искренно хотят мира, что они за землю крестьянству, и какую политику проводит Временное правительство, возглавляемое так называемой крестьянской партией «социал-революционеров». Поскольку в уезде все оставалось попрежнему, и в частности все помещики плотно сидели на своей земле, и землю им соглашатели только сулили, а затем и сулить перестали,—то крестьянская, главным образом бедняцкая, масса стала постепенно, но все сильнее воспринимать большевизм. Этому способствовали начавшие понемногу возвращаться с войны молодые солдаты, уже имевшие больше представления о политических партиях и о том, чего каждая из них добивается. Ездившие в деревню эсеровские агитаторы и лек-

торы все меньше и меньше встречали сочувствия. Крестьянская масса, слушая их проповеди, все больше не доверяла им. Были случаи, когда таких агитаторов и пропагандистов выгоняли из деревень и даже били, но все-таки влияние эсеров в ряде волостей, особенно наиболее хозяйственно крепких, было еще сильно. На местах, в волостных земствах, сидели главным образом эсеры. Правда, некоторые из них позднее стали большевиками, но в то время они являлись столпами соглашательской политики, на них опиралась уездная организация эсеров в работе среди крестьян.

Большевики организованной работы среди крестьянства тогда еще не вели, так как самой-то организации не было, а большевиков были единицы, хотя в массе сочувствие политике партии неуклонно росло.

* * *

Меньшевики в уезде оформились позднее эсеров. Помню, как-то летом приехал из Москвы лектор социал-демократ. После доклада на тему «О текущем моменте» было предложено сочувствующим социал-демократии остаться. Осталось человек до 30, в том числе и я.

На этом уже, так сказать, партийном собрании шла речь об оформлении в Можайске об'единенной социал-демократической организации. Тот же московский докладчик много говорил о задачах социал-демократии и по организационному вопросу. Выступали и местные люди, оказавшиеся чистокровными меньшевиками. Среди них некто Солнцев (страховой агент) и Щепетова, работавшая в области народного образования. Какую работу вела эта «об'единенная» организация, не знаю, так как я после с нею не сталкивался, но одно было ясно во все время ее недолгой жизни, что влияние на массы и ее политический вес были весьма и весьма незначительны.

* * *

О большевиках уже упоминалось выше, но здесь следует на них особо остановиться. Организация большевиков еще не было, кроме небольшой неоформленной группы. После от'езда тов. Маркова из Можайска солдатскую секцию уже об'единенного совета возглавляет тов. Савинов, тоже солдат и вполне сложившийся большевик. Ближайшим его товарищем и наиболее активным из всех был секретарь совета тов. Зыков. Они и еще несколько человек, главным образом солдат, представляли большевистскую группу в Можайске.

Работа велась главным образом среди солдатской массы и рабочих. Была установлена связь с Москвой, откуда окружной комитет РСДРП (большевиков) посылал в уезд своих пропагандистов и агитаторов. Помню приезд тт. Полидорова, Инессы. Долгими часами мы слушали их, и все яснее становились вставшие вопросы, все понятнее—события. Лозунги и политика большевиков в нашей среде быстро воспринимались и день за днем увеличивали ряды искренних сторонников истинно-революционной партии.

Можайский обыватель в большей своей части был напуган тогда большевизмом. Кругом шла глухая подпольная травля. Особенно ужасами большевизма пугали местное мещанство при выборах в городские органы самоуправления. Выборы проводились на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Вылезли на избирательную сцену все политические группировки, начиная от меньшевиков и кончая октябристами. Не было только списка большевиков. Они вели агитацию за социал-демократический список, выбирая из всех зол меньшее. Я лично не могу об'яснить такого поведения, так как не знаю, чем товарищи руководствовались; думаю, что это делалось потому, что в городе среди жителей сочувствующих большевикам тогда почти не было, а гарнизон участия в выборах не принимал. Выставлять список при таком положении смысла не было.

При выборах победили, кажется, «левые» партии, но прошли и матерые представители правых. Эта дума, как и следовало ожидать, ничего не сделала. Городское хозяйство разваливалось. Дума разговаривала, в то время как имела право и возможность вести работу практическую. После Октября она была с позором распущена.

Насколько ненавидели большевиков соглашательские элементы, можно судить хотя бы и по тому, как они мешали большевикам вести работу, не говоря уже о систематической травле против большевиков.

В Можайск привозилось много всяких газет и литературы, вплоть до явно погромных, а вот большевистский «Социал-Демократ» встречал всякие препоны. Стремились не пропускать в уезд «большевистскую» заразу. К счастью, продавец газет в киоске, очень хороший старик, не разделял этого взгляда местных воротил и добывал и распространял в уезде «Социал-Демократа».

* * *

Ни земство, ни городское самоуправление с их комитетами и комиссиями не могли наладить хозяйственной жизни. Дороговизна росла. Многих продуктов на рынке уже не

было. Развивались мешочничество, спекуляция. В уезде—воровство, убийства, грабежи. С этим никто не боролся. Усилилась голодовка, никто на помощь не приходил. Против коалиционной власти в массе накапливалось недовольство.

В деревне ждали конца войны, а на деле—«война до победного конца». Деревня хотела земли, и тут—«осади назад!» «Вот будет созвано Учредительное собрание, оно и решит по справедливому земельный вопрос»,—тешили мужиков соглашательские говоруны. У деревенской бедноты животы подводит—хлеба нет, а тут еще на глазах торчит помещик и кулак, обставляющий свои горницы на городской лад за счет городского обывателя и мужицкого хлеба. Освободиться от этих «соседей» мечтал бедняк. Ан, нет,—нельзя... За помощью обратиться не к кому.

Такое положение, конечно, не способствовало укреплению авторитета Временного правительства. Приходящие в деревню солдаты этот авторитет еще больше расшатывали. В деревне медленно, но неуклонно совершался процесс перерождения. Деревня ждала удовлетворения своих кровных нужд, но от февральского правительства Керенского, Милюкова, Родзянко она этого удовлетворения так и не дождалась.

Если Февральскую революцию приветствовали, шагая в уличных демонстрациях рядом с серой солдатской шинелью и рабочим засаленным пальто, почти все слои местного общества, вплоть до начальницы местной гимназии Яценко-Хмелевской, соборного попа Стогова и генерала Давыдова,—некоторые из них были весьма даже «активными»,—то Октябрь, естественно, всех их увидел по другую сторону баррикад. Правда, они, по своей трусости, не были способны на какие-нибудь действия, но все они были единодушны в оценке надвинувшихся событий и горели одной ненавистью к тому новому, что с неумолимой силой шло на смену первому акту революции, по существу превратившемуся в мирный водевиль с участием «передовой» «революционной» демократии вместе с буржуазией и помещиками.

В октябре малейшее сочувствие большевикам расценивалось этой публикой, как предательство, как измена. Они падали в обморок при известии, что такой-то,—о, ужас!—согласился работать с большевиками. В октябрьских собраниях и демонстрациях уже нет февральского обывателя, чиновника, человека с положением. Все это в Можайске, как и всюду, отшатнулось от революции, как от чумы. На улицах остались солдатские шинели, засаленные рабочие пальто и тужурки. Есть и крестьяне,—немного, но есть. От них есть и представитель в организованном ревкоме—Ваня Слюсарев.

В ревкоме, не покладая рук, работают и железнодорожник Лебедев, и Петр Зыков, и ряд других революционных солдат. Ревком—единственная революционная политическая власть и в городе, и в уезде. Здесь ему никто не сопротивляется. Ревком, будучи постоянно связан с Москвой, чутко следит за событиями. Организует, стягивает около себя революционные силы. Особенно упорную работу он ведет в воинских частях и на железной дороге. Ревком следит, как бы не проникли в Москву враждебные советам войска. Получается сообщение, что какие-то части идут с фронта на подмогу юнкерам. Разбирается путь. Выставляется застава. Противники поворачивают вспять, да кстати и опоздали уже,—пролетариат в Москве успел победить буржуазию. Ревком распространяет большевистскую литературу—листовки, газеты. Ведет агитацию. На улице постоянное возбуждение, но уже не видно в революционной толпе сытеньких и чистеньких господ. Улица во власти рабоче-крестьянской массы.

Вот примерно состояние к первым числам ноября, когда я вернулся в Можайск из Ярославля. В первые же дни по приезде прохожу в совет депутатом от солдат. Через неделю избираюсь в первый исполком и вхожу в его президиум. Исполком принял дела от ревкома и приступил к организации советской власти в уезде. В президиуме работают, кроме меня, тов. Зыков, бывший секретарь бывшего совета (большевик), Воробьев—перед Октябрем был председателем совета, политически тогда ни в какой мере не оформившийся, но в работе явно уклонившийся в меньшевизм. От крестьян входил Барсуков, сочувствовавший большевикам.

* * *

Обстановка работы весьма напряженная. Местное, особенно городское, население голодало. Хлеба было очень мало, и удовлетворить всю нужду было невозможно, да совет этим и не мог еще непосредственно заняться. Земцы же, под руководством которых работал уездный продовольственный комитет, или саботировали, или просто не умели наладить дело. Работников мало. С волостями достаточной связи еще не установилось.

Сам совет разместился в двух маленьких комнатушках при городской школе. Тут же помещались библиотека и организованная советом школа для малограмотных солдат. Работали в ней местные учительницы.

С Москвой поддерживалась телеграфная, телефонная и личная связь.

О напряжении в работе можно судить по ряду примеров. Так, еще ревком получает срочную телеграмму с директивой осмотреть прибывающие с фронта эшелоны. На станции все время дежурства. В самый разгар первого заседания исполкома с вокзала сообщают о приближении эшелонов. Часть из нас оставляет заседание и быстро отправляется на станцию. Прибывает эшелон. Производим тщательную проверку его состава, документов. Оказывается, возвращается с фронта резервная конская часть. Телефонируем в Москву. Эшелон пропускаем. Наблюдение продолжается.

Хотя совет еще и не обладал всей полнотой власти, но беднота и особенно жены и солдатские вдовы уже вереницей тянулись к нему за справками, со своими нуждами, вопросами, на выяснение и разрешение которых работникам совета приходилось затрачивать очень много времени.

В первые же дни работы исполкому пришлось столкнуться с весьма тяжелыми моментами, как, например, разгром винных погребов. Началось с того, что из района Минск—Смоленск стало бочками приходить красное вино. Вино попало в воинские части. Развилось пьянство. Привоз вина вскоре прекратился, тем не менее совет поставил об этом в известность Москву и настаивал на принятии мер к прекращению распространения вина. После прекращения привоза в воинские части проникает провокационная мысль о захвате вина в винных погребах и на водочном заводе, находящемся в окрестностях. Эта мысль подхватывается частью солдат. В частях организуется поход на склады. Совет своевременно узнает о подготовке. Отправляемся в части и застаем их готовыми к походу на погреба. Говорим о недопустимости предпринимаемого шага. Вначале возникает спор. Некоторые заявляют, что «теперь власть наша, и мы что захотим, то и можем делать». Наконец, соглашаются, что пьянством заниматься нельзя. Убираются на место винтовки, и все успокаивается... И так во всех частях. Но с наступлением ночи отдельные мелкие части, куда мы не успели пойти, разгромили один из погребов и начали растаскивать вино. Пришлось принимать меры. Совет решил во избежание погромов уничтожить вино. Быстро собрали лучшую часть солдат. Вооружились сами. Окружили погреб, который был уже вскрыт. Разгонять приходилось выстрелами в воздух. Несколько выстрелов в нас. Никого не задело. Тут же все вино в этом складе разливается. То же самое проделывается и с другими складами. Иного выхода не было. Позднее окружной комитет и губсовет целиком с нами согласились.

С декабря—января воинские части постепенно распускаются, солдаты демобилизуются и раз'езжаются по домам.

Солдаты стремятся захватить с собой и винтовки. «В деревне пригодятся,—говорят они.—Там еще нужно будет революцию делать». Ведется широкая политическая агитация среди демобилизованных солдат, выдвигается вопрос об оружии, т.-е. о необходимости сохранения его в распоряжении советской власти. Многими оружие сдается. Оно отправляется в Москву или оставляется в местных цейхгаузах. Но есть случаи, когда его упорно выдать не хотят. Помню одну роту пехотного полка. Ее пришлось разоружить ночью. Все обошлось без недоразумений. Потом эти же солдаты сами говорили, что мы правильно сделали, разоружив их. К тому времени уже намечалась в уезде организация Красной гвардии, была милиция. Все они нуждались в вооружении.

* * *

В декабре же был назначен созыв первого после переворота уездного с'езда советов. В волостях еще не везде имелись советы. Делегаты на уездный с'езд выбирались на волостных с'ездах крестьян. С некоторыми местными работниками только впервые пришлось столкнуться. Уездный с'езд проходит быстро. Порядка его работ точно не помню. Принимается резолюция большевиков по докладу о текущем моменте, избирается делегация на III Всероссийский с'езд советов.

К январю выявилось отношение населения к советской власти. Не говоря уже о рабочих и солдатах, и крестьянская масса, изрядно пополненная возвратившимися из армии солдатами и рабочими из городов, в своей подавляющей массе была за большевиков. Первый декрет советского правительства и лозунги партии о войне и мире, о земле и пр. встречались восторженно. Был недоволен кулацкий слой деревни и та, очень небольшая, но консервативная часть крестьянства, которая не мыслила жизни без царя. Интеллигенция и городские обыватели не определились, но они в большей части не были в то время сторонниками новой власти, за исключением отдельных лиц, не плохо работавших с нами уже тогда. Среди этой части населения были и такие, которых можно назвать «примазавшимися». Одним из таких был начальник местной тюрьмы, некто Покровский. С самого момента перехода власти к большевикам он старался быть на виду у совета, как сочувствующий. Оказывал нам всякую помощь, вплоть до того, что целыми часами сидел в совете и занимался перепиской. Был весьма предупредителен... Давал нужные совету сведения. Относились к нему с недоверием, не отказываясь,

однако, от его услуг, тем более, что местная интеллигенция явно саботировала. Им, конечно, руководило стремление только сохранить свое положение, и он страшно трусил. Как начальник тюрьмы, он свою роль выполнял добросовестно. Можно было думать, что он был готов служить добросовестно кому угодно.

* * *

Все чаще и чаще происходили столкновения с земством на почве практической работы и в вопросе об отношении к советской власти. Из Москвы никаких указаний. Там тоже губернское земство пока уживалось рядом с губсовдепом, потому что еще не успели ликвидировать ненужное старое. Ликвидация пошла снизу, революционным порядком, и вышло это в Можайске следующим образом.

Земские собрания созывались не часто, и содержание их работы было мало интересно, но в январе совет узнает о том, что земцы готовятся к весьма серьезному собранию, где предполагают поставить вопрос об отношении к совету. Сами земцы молчат. Они вообще-то старались от совета держаться независимо, и их молчание никого из нас не удивило. Совет на своем узком совещании решает прямо поставить вопрос о дальнейшем существовании земства, но окончательное решение вопроса откладываем до выяснения результатов работ земского собрания, на котором и пытаемся участвовать. Уполномачивают меня председательствовать от совета с правом решающего голоса. В день собрания я пошел туда... Земская головка изумлена таким «бесцеремонным» вмешательством в их жизнь. Обсуждают долго вопрос о моих полномочиях... Выслушивают меня, при чем я указываю, что совет всегда добивался и добивается совместной работы с земством и другими организациями. После долгих обсуждений они поставили на голосование мой «решающий голос» и провалили. Это была демонстрация их отношения к советской власти, что ярко пробивалось и во всех их речах. На экстренном заседании президиума совета мы решаем срочно созвать с'езд советов и на нем поставить вопрос о существовании земства, заставив земцев на этом с'езде отчитаться.

С'езд был созван через две недели. Представительство было очень широким, и состав с'езда насчитывал свыше 100 чел.

В порядке дня с'езда—текущий момент, отчет уездного земства о работе и др. О текущем моменте принимается наша резолюция. С'ездом посылаются приветствия Совету

Народных Комиссаров, ВЦИК и ЦК РСДРП(б). Настроение с'езда революционно-напряженное.

Вот вылезают земцы с отчетом. Говорить не о чем. Пытаются лягнуть совет, большевиков, но это встречает дружные негодования делегатов по адресу земцев. Доклад кончился... Начались прения. Говорят немного, но резко критикуют земство... его работу, политику. Особенно запомнилось выступление крестьянина Порецкой вол. Иванова,— он потом стал председателем уисполкома и вошел в РКП(б). Он жесточайшим образом и умело критически разобрал доклад земства и в заключение призвал похоронить его. Это выступление вызвало исключительное одобрение с'езда. Вопрос был решен... Составленная ранее президиумом совета резолюция о роспуске земства и сосредоточении всей полноты власти в руках совета была принята единогласно, под бурю аплодисментов. Земцев как и не было. Доподлинная рабоче-крестьянская масса их похоронила.

На этом с'езде был избран исполком из 15 членов, куда впервые вошло большинство крестьян.

Уисполком приступил к работе. На первом же заседании был образован президиум из трех человек, под председательством тов. Иванова. На меня возложили обязанности ответственного секретаря. Исполкомом поручено президиуму срочно принять дела от земства. Тут же образуются отделы: продовольственный, земельный, управления, народного образования, здравоохранения, военный, хозяйственный. На работу в них выделяются члены исполкома. Подавляющее большинство их—новички в общественной работе, так как при керенщине были «чужими», а при советах еще не успели рук приложить. Итак, власть советская приступила к работе широким фронтом.

В. Блинов

ВОЛОКОЛАМСКИЙ УЕЗД В 1917 ГОДУ

Волоколамский уезд в дореволюционное время являлся одним из земледельческих уездов губернии. В двух третях волостей северо-западной части уезда сеяли большое количество льна, клевера и тимофеевки. Так как жена на продукцию сельского хозяйства в довоенное время были очень низки:— рожь стоила от 75 до 90 к., овес от 60 к. до 1 руб. за пуд, картофель от 75 до 90 коп. за мешок, а цены на лен сравнительно подходящие (от 3 до 7 рублей за пуд),—то, естественно, сеять лен было выгоднее, и, действительно, он являлся единственным источником доходов в крестьянском хозяйстве. В указанном районе буквально не было ни одного двора, где бы не сеяли лен. В годы довоенные среднее крестьянское хозяйство рассеивало льна по 20—25 пудов, а наиболее крепкие хозяйства, имеющие 8—10 рабочих рук, рассеивали даже по 40—45 пудов, и лишь только бедняки и малосемейные или имевшие членов семьи на отхожих промыслах сеяли по 5—10 пудов. В течение трех лет после льна сеяли клевер, чтобы земля отдохнула. В свою очередь посев клевера способствовал развитию скотоводства, и оно являлось вторым источником дохода.

В юго-восточной части уезда, где почва глинистая, неплодородная, основным занятием крестьянства являлось ручное ткачество. Крестьяне или брали работу на дом, или работали у хозяев в мастерских. Рабочий день продолжался не менее 14—16 часов; целая семья в среднем зарабатывала 20—25 рублей в месяц. Условия работы на текстильной фабрике братьев Старшиновых, выросшей из маленькой мастерской в период русско-японской войны, мало чем отличались от условий, существовавших у «мастерков». Узаконенный 10-часовой рабочий день фактически существовал только в отделах с механизированным оборудованием, где было занято примерно не более 25% рабочих. Остальной же кадр квалифицированной рабочей силы—ткачи, отбельщики, красильщики и механический цех, а также и весь обслуживающий персонал работали 12 и 14 часов в день. Заработная плата равнялась той, что получали и на дому, а

иногда и ниже, за исключением двух—трех цехов, где заработок высококвалифицированного рабочего доходил за 1915—16 г. до 45—50 руб. Неквалифицированные же рабочие, как, например, размотчицы утка, имели ничтожный заработок от 3 до 7 рублей в месяц на своих харчах. Ткачихи-сновальщицы и поденные рабочие в среднем зарабатывали не больше 10 рублей, тоже на своем столе.

Примерно в декабре 1916 г., когда в силу чрезмерной дороговизны и отсутствия продуктов питания, на фабрике стихийно нарастало недовольство, а людей или организации, могущей взять на себя руководство назревшим недовольством не было, администрация сумела потушить недовольство рабочих ничтожной подачкой. Этим вопрос был исчерпан.

Фабрика, расположенная на границе трех волостей и имевшая 800 человек постоянных рабочих, выдавала размотку бумаги крестьянам на дом по деревням в радиусе до 10 верст от фабрики. Этим было занято до 500 домохозяев и даже больше. За эту работу они получали самую ничтожную плату. Например, размотать «пачку», составляющую сорок катушек, на что тратилось не менее трех дней при 10-часовом рабочем дне, стоило 20 копеек, да дополнительно требовалось полдня на сдачу, а в зимнее время нужно было еще ехать на лошади. Обычно эту работу выполняли дети 8—9 лет, благодаря чему они не попадали в школу, и это было обычным явлением. Единственным «привлекательным» стимулом для крестьян брать размотку бумаги было, по заявлению самого управляющего фабрикой, то, что крестьяне могли выгадать для себя несколько мотков бумаги и соткать себе сарпинку, но и это были гроши.

Относительно повышения расценок на размотку бумаги не могло быть и речи. Малейшее недовольство условиями и ценой влекло за собой репрессии администрации,—недовольным работа не давалась, а потерять хотя бы и такой скудный заработок было несчастьем. Таково в общем было материально-правовое положение рабочих на фабрике и у «мастерков» в нашем уезде.

На фабрике пролетариев в полном смысле слова не было, а рабочие, за малым исключением, были крестьяне. Об организованном выступлении рабочих в защиту правовых и экономических требований нельзя было и заикнуться. Профессионального союза не было, а о существовании политических партий редко кто и знал. Во всяком случае ни одного человека, связанного с какой-нибудь партией, не было, и революционная работа не велась.

Об'явление империалистической войны было для фабрикантов, как теперь видно каждому, целебным бальзамом, благотворно действовавшим на их карманы, и, как только

повеяло войной, бр. Старшиновы приступили к постройке нового ткацкого корпуса. Во время войны фабрика заработала по-военному: были введены три смены; потребовались новые участки, и они у крестьян деревни Путятино купили за полцены 10 десятин лучших, заливных лугов, в то время как у самих крестьян резко чувствовался недостаток земли,— на душу приходилось три четверти десятины.

С об'явлением войны сельское хозяйство, особенно к началу 1916 г., совершенно пришло в упадок; посевы льна резко сократились: вместо рассеиваемых 10—25—40 пудов, самое большое рассеивали 1—2—5 пудов; зерновые хлеба и травы почти совсем перестали сеять.

На ряду с этим быстрыми шагами пошло расслоение деревни. Бедные семьи, из которых, кроме того, мобилизация вырвала последних работников, пришли в полный упадок. Свои наделы они спешили продать, хотя бы за полцены, хозяйственным мужичкам, чтобы сколько-нибудь продержаться в надежде на окончание войны. В свою очередь зажиточные крестьяне, пользуясь нуждой бедняков, скупали у них землю рублей по полтораста за душевой надел в вечную собственность и округляли свои участки. Мало практиковавшийся дотоле выход на хутора получил широкое распространение.

К 1916 г. война стала положительно ненавистна. И если вначале деревня приняла войну, как божье наказание за грехи, то теперь каждый понимал, что войну начали помещики и буржуазия из-за своих выгод. Большую ясность в понимании этого вопроса вносили рабочие, приезжавшие в деревни с московских заводов на праздники. Они раз'ясняли крестьянам значение войны, и кто от нее получает пользу. По деревням велись на вечеринках беседы о войне и даже о неизбежности революции.

В деревне Путятино, куда я приезжал, о политических партиях—эсерах, большевиках и меньшевиках—имели очень смутное представление, но за время моего пребывания там, около недели, не прошло ни одного дня, чтобы не было организовано широкой беседы на политическую тему. Хотя и не совсем охотно, но втягивались и солдаты-отпускники. Желая не прерывать начатой работы, я хотел подыскать кого-нибудь и поручить ему устраивать такие же беседы и без меня, но оказалось, что наиболее активными были некоторые крестьяне, примыкавшие к эсерам; все же сочувствовавшие большевикам работали в Москве, на заводах, и мне пришлось самому почаще наезжать в деревню. В следующий приезд я близко познакомился с тов. Булевым Степаном, из деревни Кашино. Он хотя формально в партии не состоял, но работал с большевиками, и через него я

познакомился с некоторыми молодыми ребятами и привлек их к работе, а потом я и сам из Московской организации перешел работать в окружной комитет, как агитатор и организатор по Волоколамскому уезду.

В момент Февральской революции я был в Москве и о том, что происходило в уезде, знаю только по рассказам. В деревне в первое время не верили, что самодержавие свергнуто и образовано новое правительство, но революции вполне сочувствовали. Что же касается активности населения в момент организации власти, то она более всего проявилась среди зажиточных слоев, и первый состав советов крестьянских депутатов был исключительно из зажиточных крестьян и служилой интеллигенции. Бедняцкие слои деревни были совершенно оттерты.

Во времена Керенского в политической жизни уезда руководящую роль играли эсеры и отчасти меньшевики, большевиков не было слышно, за исключением отдельных сочувствующих крестьян, и то только в одной Ярапольской волости, где велась небольшая работа. Уездный исполнительный комитет избирался из делегатов, избранных на волостных с'ездах, и состоял в подавляющем большинстве из эсеров, так же как и земельный комитет, так что они обеспечили за собой все руководящие посты в уезде и зорко следили, какого направления держалось крестьянство в вопросах о земле и войне.

Лозунги нашей партии о захвате земли и прекращении войны, попадавшие в деревню через рабочих, вполне отвечали настроению крестьян. Были даже случаи захвата помещичьей земли с началом полевых работ в Лотошинской волости в поместье Мещерского. Эсеры, как должностные лица, должны были принимать крутые меры против крестьян, вплоть до ареста агитаторов и нарушителей чужой собственности.

Продолжавшая развиваться активность к празднованию 1 мая стихийно, без особой подготовки, вылилась в организованное выступление не только рабочих текстильной фабрики, но и крестьян. Праздник 1 мая проводился почти во всех волостных центрах. Крестьяне из деревень, расположенных в 7—9 верстах от города, как и фабричные рабочие, организованно, со знаменами и часто с лозунгами «Долой войну» и «Раздел земли до Учредительного собрания» шли в город. Особенно следует отметить организованность крестьян деревень Путятино и Кашино, несших знамена с большевистскими лозунгами, и, кроме того, их знаменоносцы были одеты в красные костюмы, чтобы подчеркнуть значение праздника 1 мая.

Организаторами и руководителями стихийно вылившегося массового праздника в городе за отсутствием большевиков

оказались эсеры при участии двух—трех меньшевиков. Настроение в массе демонстрантов было революционное. Большевистские лозунги в массе были популярны, и организаторов праздника это не могло не беспокоить. Праздник начался, по обыкновению, с выступления особо почетных лиц,—уездного агронома, особенно популярных крепких эсеровских крестьян, военного начальника, а затем представителей и прочих организаций и учреждений. Призывы ораторов к победе над врагом «в интересах революции» и к охране неприкосновенности собственности во избежание анархии вызывали большое недоумение у слушателей, а со стороны некоторых групп и открытое недовольство.

По мере нараставшего недовольства маленький город, богатый церквами, зазвонил во все колокола, и заранее приготовленные люди вынесли из собора на своих жирных плечах икону так называемого Николая-чудотворца, окруженную хоругвями, и под предводительством духовенства отправились по городу с крестным ходом. Веками воспитанная в религиозных предрассудках масса, увидя это торжественное шествие, присоединилась к нему, и шествие направилось к кладбищу, где был похоронен десяток—другой воинов, павших за чужое им дело. После речей духовенства, соборный протодьякон Цветков провозгласил многолетие за здравие Временного правительства, и торжество закончилось преданием анафеме антихристов-большевиков.

С начала Февральской революции первомайская демонстрация явилась первым организованным выступлением масс под руководством эсеровской партии, толкнувшей их из-под революционных знамен под поповские хоругви. Все это об'ясняется лишь тем, что в уезде не было действительно революционной организации большевиков.

В середине мая мне было поручено окружным комитетом связаться с текстильной фабрикой и начать работу по организации ячейки. Задача необыкновенно трудная, но разрешимая. Работа велась наездами из Москвы и не совсем регулярно; членов нашей партии на фабрике не было, было только человека три сочувствующих. Эсеровская же организация была вполне оформлена и регулярно обслуживалась из города подготовленными людьми.

Сорванная первомайская демонстрация наряду с постоянно ухудшавшимся материальным положением рабочих, с одной стороны, и рост сочувствия к большевистским лозунгам, с другой,—все это революционизировало рабочих и повышало их активность. Рабочие собрания происходили каждую неделю, и каждый раз обсуждался вопрос о текущем моменте. О моем приезде и выступлении, как о приезде представителя большевистской партии, фабричный эсеров-

ский комитет сообщил своему уездному комитету, и представители последнего не замедлили явиться. На двух собраниях был отчаянный спор. Мне, во всех отношениях плохо подготовленному, выступать в аудитории, обработанной эсерами, и спорить с сильными ораторами было не только трудно, но и рискованно. Демагогия и травля большевиков со стороны эсеров граничили с нахальством, и в результате этой травли на втором собрании дело дошло чуть не до самосуда надо мной, как над немецким шпионом. Особенно отличался вернувшийся с румынского фронта Горецкий-Зевакин.

Нужно было найти путь к массе и разбить демагогию. Я, как местный житель, зная условия жизни и работы на фабрике, решил теснее сблизиться с рабочей массой. Поступил на фабрику, постоянно находился среди рабочих, и через две недели мне удалось навербовать группу сочувствующих, часть которых—Воробьев, Жучков, Кудряшов и Кругликов—заявила о своем желании вступить в партию большевиков.

Накануне третьего общего собрания у нас, в группе сочувствующих, было совещание, на котором и была оформлена ячейка. На тов. Воробьева возлагались обязанности как бы временного секретаря, а тов. Жучков был выделен для связи с окружкой. Заранее все считали, что это собрание должно быть решающим, тем более, что под влиянием нашей борьбы с эсерами и среди рабочих резко обострились разногласия по вопросам о войне.

На собрание наши противники выставили своих лидеров: от партии эсеров—учителя Иванова, от меньшевиков—уездного врача Матрасовича. По текущему моменту первое слово принадлежало мне. На этот раз настроение рабочих было не в пользу эсеров. Как они ни пытались вступать со мной во время речи в пререкания, рабочие были единодушны и шли с нами. И когда хотели выступить эсеры и меньшевики, раздались крики, свист и насмешки, и они вынуждены были покинуть собрание, чтобы уже больше ни разу не возвращаться на фабрику. Закрепив положение на фабрике и окончательно оформив ячейку, я уехал в Москву, и руководство работой было поручено другому товарищу, выделенному окружным комитетом.

В июле, недели за две до начала выборов в волостные и уездные земства, окружной комитет поручил мне выехать в Волоколамск для проведения кампании и организации выборов.

Отсутствие в уезде большевистской организации, с одной стороны, и наличие, как ни в каком уезде губернии, многочисленной и крепкой эсеровской организации, насчитывавшей

сотни человек, с другой,—все это до крайности осложняло работу нашей партии. Рассчитывать на успех в выборах не было никаких оснований. Имея единственный пункт опоры—фабрику, мы с согласия окружного комитета решили выставить список своих кандидатов только в одной Яропольской волости, куда входила фабрика. Чтобы получить их голоса, нами были обработаны 3—5 деревень из 37, принадлежавших к волости.

Предвыборная кампания с нашей стороны не только во всем уезде, но и в Яропольской волости почти не велась; выборы, что называется, были «свернуты», мы еле-еле успели представить список. Результат выборов в волостные земства был таков, что примерно из 18 мест мы получили 2 места: прошел я и тов. Воробьев, рабочий Старшиновской фабрики, только что за неделю до этого утвержденный кандидатом партии. Остальные места достались эсерам, они же составили и управу во главе с эсером, крестьянином деревни Владычино, Коньковым.

Выборы в уездное земство проходили примерно при том же соотношении сил. В нашем списке, в числе 13 человек, были товарищи Осинский (Оболенский) и Фирсов, выставленные окружным комитетом, остальные—местные, некоторые даже не оформили своей принадлежности к нашей партии.

Эсеры, используя всевозможные средства в борьбе с нами, не побрезговали демагогическими выпадами против некоторых наших кандидатов, в частности против тов. Осинского, заявляя, что большевики стоят за князей Оболенских. В результате все-таки наша партия получила из общего числа 40 мест 3 места в уездном земстве. Таким образом, из 120 тысяч избирателей за нас было около 10 тысяч голосов. Результаты для наших противников получились неожиданные. Они рассчитывали прокатить наш список по уезду впустую, но просчитались.

Весть о нашем выступлении на первом земском собрании от имени рабочих и беднейших слоев крестьянства с требованием передачи власти истинным представителям трудящихся—советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов—прокатились по уезду, как громовое эхо.

После петроградской вооруженной демонстрации 4 июля, прошедшей под лозунгами: «Вся власть советам» и «Долой десять министров-капиталистов», отношение крестьян к большевикам стало уже вполне доброжелательным, и они даже стали проявлять некоторую активность. 7 июля мне пришлось быть свидетелем и участником споров на сходках в двух деревнях—Путятине и Алферьеве. Местная учительница, эсерка, говоря о вооруженном выступлении петроградских рабочих, убеждала крестьян, что «это все де-

лается большевиками для того, чтобы открыть немцам фронт и впустить их в Петроград». Крестьяне не только не поверили этой сознательной лжи, но с негодованием предложили ей удалиться со схода, хотя до того она пользовалась среди них уважением. У меня хорошо сохранились в памяти слова одного крестьянина Гвоздева, сказанные им на этом сходе: «Людям, принадлежащим к той партии, к которой принадлежит наша учительница, можно доверять дело похорон,—там они нужны,—а живое дело, защиту наших прав, мы доверим другой партии».

В дни корниловского восстания я был в уезде. К этому времени наша ячейка на фабрике в количестве 5 человек уже оформилась и окрепла, фабрично-заводские организации принадлежали нам, и мы ими руководили, у нас уже было до 15 человек вооруженных, а при условии сочувствия к нам рабочих это составляло в уезде большую силу. Известие о корниловском наступлении, точно разорвавшаяся бомба, вновь разбудило население уезда и поставило на ноги все активные силы. Мы приступили к агитации и организации масс.

Эсеры, почувствовав отход от них крестьянских масс и усиление нашего влияния среди них, впервые предложили нам совместную работу—организовать комитет по обороне уезда. Мы вошли в этот комитет, так как нам было выгодно, чтобы широкие слои крестьянства увидели в нашей партии единственную силу, активно борющуюся с поднимающей голову контр-революцией.

В комитете обороны, по существу, мы задавали тон. У нас была вооруженная сила, мы расширяли связи с крестьянами,—на крестьянские митинги посылали рабочих,—и впервые развернули работу в уездном масштабе.

За два дня до московского Октябрьского восстания я получил от окружки через тов. Сапронова распоряжение выехать в Тушинский район и хорошие во всех отношениях вооруженные силы направить в Москву. Проводниковцы [1]) и гучковцы [2]), в общей сложности до 200 человек, без малейшего колебания выполнили это распоряжение.

Наиболее сложной и боевой задачей было поднять 195 запасной пехотный полк. Полк был наш—большевистский, но была там и эсеровская организация да, кроме того, на 500 солдат—не менее 250 офицеров. Тов. Сапронов, или, как его звали в полку по подпольной кличке, тов. Александр, пользовался большим авторитетом среди солдат и считался

---

[1]) Проводниковцы—рабочие зав. „Проводник", на ст. Тушино, М.-Винд.-Рыб. ж. д.

[2]) Гучковцы—рабочие Дедовской м-ры, при ст. Гучково.

любимцем полка. Когда на полковом собрании при обсуждении вопроса о выступлении в Москву я заявил, что Сапронов сказал: «Полк выступит по первому нашему приказу», десятки голосов закричали: «Довольно, довольно, все ясно, ребята, вставай!» Поднялся шум и крик. Секретарь эсеровской организации—солдат, сидевший в президиуме, внес предложение—офицеров вооружить и забрать с собой, а некоторых избрать командирами. Были предложения арестовать офицеров, но после некоторых споров решили выдать им оружие и забрать всех с собой в Москву. На следующий день я с группой солдат в 40 человек на шести автомобилях поехал за провиантом и патронами в Павловскую слободу, где стоял полк, и узнав, что офицеры, шедшие за нами вслед на станцию Нахабино, встретив своих сопогонников с приказом командующего военным округом Рябцева, вернулись назад.

Из всех офицеров, имевшихся в полку, в Москву с нами пошли только трое; один из них, тов. Реутов, член нашей партии, во время боев у Никитских ворот был убит.

После того, как победа в Москве была одержана, и власть передана совету, по поручению окружного комитета был организован отряд гучковских рабочих в помощь местным организациям для захвата власти в Звенигороде, Воскресенске и Волоколамске. Вооруженный отряд состоял из 25 человек.

Предполагали встретить со стороны эсеровской организации в уездах вооруженное сопротивление, так как там наши организации были малочисленны и слабы, но все наши предосторожности оказались излишними. По вступлении отряда в города не только не было ни одного выстрела, но перепуганные обыватели попрятались кто куда мог. Роль нашего отряда в Звенигороде и Воскресенске заключалась в помощи местным организациям снять верхушку комиссаров Временного правительства, занять почтово-телеграфные учреждения, обезоружить старую милицию и обеспечить организацию военно-революционных комитетов.

Гучковская организация для работы в ревкомах выдвинула тт. Дорофеева, Гвоздева и Демидова; они же являлись и организаторами советской власти в уездах.

В то время как в Москве на баррикадах решалась судьба революции и ее завоеваний, волоколамские «присяжные» лакеи буржуазии собрали земское собрание и не говорили, а кричали, что большевики губят революцию. Им хотелось, чтобы их слышали не только крестьяне уезда, но и весь мир, но все их старания были напрасны,—их никто не слушал и не хотел слушать.

В первых числах ноября вооруженный отряд в количестве 28 человек с 50 винтовками, чтобы вооружить на подмогу

и старшиновских рабочих, в 4 часа утра высадился на станции Волоколамск. Отряд был встречен рабочими фабрики, а фабричный транспорт был к его услугам. В 5 часов утра отряд спокойно прошел по улицам мирно спавшего города. Веселое и радостное настроение отряда, шум, смех, стук тяжелых колес,—ничто не могло разбудить города, уставшего от сплетен и небылиц, распространявшихся умиравшими партиями и оплакивавшими их обывателями.

В 6 часов утра фабрика должна была начать свой трудовой день. Гудок известил о начале работ, но рабочие, как по чьему-то приказу, выстроились в шеренгу навстречу приближавшемуся отряду.

Приветствия продолжались недолго, раздались голоса «Собрание начинается», и через несколько минут помещение клуба было переполнено. На собрании в этот исторический день, с которого в Волоколамске должна была быть установлена советская власть, решили не работать, а всем пойти со знаменами в город.

Энтузиазм рабочих трудно передать. Лица сияли неописуемой радостью, все от малого до старого становились в ряды. Винтовки делили по жребию, кому не доставалось, шли жаловаться комиссару отряда: «Что же, товарищ, я два месяца занимался в отряде, а мне винтовки нет?»—то и дело слышались обиженные голоса рабочих, для которых нехватило оружия.

Весь путь до города шли с песнями, настроение с каждой минутой поднималось, но, когда при входе в город навстречу демонстрации, возглавляемой вооруженным отрядом, появился взвод солдат конвойной команды под предводительством прапорщика Широкова, наши насторожились, ожидая нападения. Но конвойная команда шла к нам вместе с офицером, чтобы принять участие в занятии правительственных учреждений. Это вызвало новый взрыв радости.

Времени на установление советской власти в бывшем гнезде эсеров и на занятие учреждений потребовалось немного. О вооруженном сопротивлении не могло быть и речи, хотя враждебное отношение к нам, несомненно, чувствовалось. Дела начальствующими лицами добровольно не передавались, и пришлось применить вооруженную силу. В частности правительственный комиссар И. Степанов, один из активнейших противников советской власти, уже после того, как дела у него были отобраны силой, не хотел подчиниться военно-революционному комитету, и в течение недели, пользуясь старой печатью, продолжал самовольно разрешать государственные дела.

Военно-революционный комитет был организован еще до вступления отряда в город постановлением фабричной

ячейки. В него входили пять человек: три большевика— тов. Воробьев, Жучков и я, один левый эсер, тов. Загудаев—крестьянин и один беспартийный—солдат. Председателем был избран я.

Для разрешения вопроса о работе в уезде и конструирования власти на местах на совещании коммунистов фабричной ячейки еще до взятия власти был выделен временный уездный комитет партии в составе трех товарищей: Воробьева, Жучкова и меня. Позднее он был пополнен еще двумя товарищами: Булеевым и Щербаковым. Булеев приехал к нам на второй день после взятия власти с мандатом из Смольного в качестве комиссара рабоче-крестьянского правительства.

Наиболее важные вопросы только согласовывались, но не обсуждались официально в партийном комитете, а вся тяжесть работы легла на военно-революционный комитет. Аппарата не было. Средств тоже никаких. Для печатания приказов и листовок члены партии собирали между собой последние гроши.

Успевшие окрепнуть общественные организации, оставшиеся под руководством наших противников: эсеров и меньшевиков, как, например, земство, милиция, кассы мелкого взаимного кредита, исполнительный комитет крестьянских депутатов, мешали нам работать и вредили на каждом шагу.

В первые дни в городе буквально ничего нельзя было делать. Начинать нужно было все сначала, и мы (два—три человека) об'ехали весь уезд. За одну неделю мне пришлось побывать в шести волостях, наиболее важных, где крестьяне были особенно активны, а эсеровские организации сильны. Настроение на местах оказалось вполне благоприятным для советской власти, декреты читались по нескольку раз, крестьянские сходы требовали передачи власти от земства советам. В защиту земства не решались выступать даже и эсеры, а в селе Рождественском, Муриковской волости, и на ярапольском волостном собрании крестьяне даже предложили эсерам уйти с собрания, и, если бы те не послушались, дело могло бы кончиться плохо.

Официальным представителем власти в уезде являлся народный комиссар рабоче-крестьянского правительства, обязанности которого по поручению окружного комитета партии и губернского народного комиссара выполнял я.

В последних числах ноября был избран исполнительный орган совета рабочих и солдатских депутатов—президиум, в составе пяти лиц: от большевиков—я и А. Смирнов, от левых эсеров—Загудаев и Чунин и один беспартийный, бывший прапорщик Широков. Председателем был избран я, ответственным секретарем Широков. Работа значительно оживилась.

Совет стал действительно боевым органом власти; вокруг него создавались новые кадры местных работников. К нам прибывали новые силы в виде возвращавшихся с фронта солдат, которые были нашей опорой на местах. Это дало нам возможность развернуть партийную работу. Уездный комитет партии фактически руководил всей работой в уезде: ни одного важного вопроса, как, например, разоружение старой милиции и набор новой из рядов Красной гвардии, роспуск земской управы и созыв уездного с'езда советов, проведение выборов в Учредительное собрание и т. д., не решалось без санкции укома.

Роспуск земской управы и созыв с'езда советов вызывался необходимостью положить конец двоевластию, фактически существовавшему в уезде. Уездный с'езд был назначен на 25 января 1918 г. и должен был окончательно сказать, кому доверяют защиту своих интересов трудящиеся уезда. «Власть должна принадлежать советам. Кровью наших сынов она оплачена на фронтах империалистической войны и вырвана ценою тысячей жизней, павших в открытом бою с капитализмом»,—так сказал в своей резолюции уездный с'езд советов, состоявший из 480 делегатов.

Крестьянство проявило небывалый интерес к уездному с'езду. Вместо предполагавшихся 380 делегатов с'ехалось 480. Не было ни одной деревни, которая не послала бы своего представителя для решения кровного вопроса. Некоторые села прислали даже по два делегата. С'езд проходил организованно и чрезвычайно деловито. На с'езде были представлены все политические партии, вплоть до кадетов, если не монархистов, включительно. От губернского исполкома на нашем с'езде присутствовал его председатель тов. Т. Сапронов. В результате продолжительных споров о президиуме с'езда победителями оказались мы. В президиуме, как и вообще на с'езде, мы имели большинство. Председателем был избран я.

По вопросу о текущем моменте и разгоне Учредительного собрания выступил тов. Сапронов. Простая, ясная и в то же время резкая речь поставила противников в безвыходное положение. Вместо наступления, они перешли к обороне и защите своих позиций, но сами себя топили. Одна часть делегатов иронически посмеивалась над ними, другая—негодовала, называя соглашателей изменниками и предателями, а защитников у них оставалось немного.

В своей резолюции с'езд подавляющим большинством голосов подтвердил правильность тактики советского правительства и партии большевиков по вопросу о разгоне Учредительного собрания. В остальных вопросах,—о роспуске земского собрания и выборе уездного органа власти, испол-

нительного комитета совета,—победа также была за нами. Предложенный нашей фракцией список уисполкома в числе 17 человек, в состав которого входили 6—7 беспартийных крестьян, был принят с незначительными поправками.

Однако, несмотря на такое единодушное доверие к новой рабоче-крестьянской власти со стороны трудящихся, сторонники Керенского никак не хотели уступить своих постов. И, когда представители исполнительного комитета явились в земскую управу принять дела от ее бывших руководителей, один из лидеров соглашательского блока эсер Иванов заявил: «Только через наши трупы вы займете места, доверенные нам народом. Честь революционеров заставит нас подчиниться только вооруженной силе». Пришлось употребить вооруженную силу, т. е. в помощь членам исполнительного комитета дать двух красногвардейцев. Неожиданное наше появление в кабинете председателя управы произвело смятение, и генерал без армии Иванов вынужден был отступить.

Ясно сохранились в моей памяти его последние слова, обращенные им к своим единомышленникам: «Мы сейчас уходим, мы подчинились вооруженной силе, но—не навсегда! Мы вернемся через неделю—две, и идея революции снова восторжествует».

Насколько сбылись эти «пророческие» слова,—ответ дали история десятилетнего существования советской власти и смерть тех партий, которые добивались крушения несокрушимой власти рабочих и крестьян.

И. Миритеев

НА СТРАЖЕ СОВЕТОВ

(Люберецкий завод)

Девятьсот шестнадцатый год. Война, продолжавшаяся уже около двух с половиной лет, наложила свой тяжелый отпечаток на жизнь и сознание трудящихся. Внимание всех сосредоточилось только на войне,—словно и не было других интересов. Все разговоры—опять про войну же. Так было повсюду, так было и в селе Люберцах, где я в это время жил.

Все жадно искали известий о возможностях мира.

— Никак, будет мир,—говорили порой женщины, переминаясь с ноги на ногу в хвостах около потребительского общества.

— Скорей бы кончалась эта проклятая война,—твердили другие.

Не было ни одной семьи, которой бы война не коснулась и не вырвала бы из нее отца, брата или сына. И вполне понятно то мрачное, кошмарное состояние, которое переживала всякая трудовая семья. Такое же состояние переживалось и у нас на заводе. Хотя сознательные рабочие здоровее смотрели на совершавшиеся события, и хотя под шум ремней и стук машин у них зрели думы об освобождении трудящихся от гнета и эксплоатации, все же, сдавленные свирепой реакцией, полицейским режимом и экономическим произволом, они вынуждены были молчать, скрывать до поры до времени свои мысли, собирать свои силы для нанесения самодержавию и капиталу окончательного удара.

Давно уже на фабриках и заводах ковалась мысль о создании своей власти—власти рабочих и крестьян, зрели планы разрушения царского трона.

Но... война отдалила этот момент, затемнив головы несознательной массы «интересами родины». Некоторая часть рабочих под влиянием буржуазной прессы сама поддавалась этим настроениям и частью заражала менее сознательных рабочих.

На этой почве между рабочими иногда происходили разговоры, в которых легко можно было уловить отношение к совершавшимся событиям и войне.

— А какой же подлец Мясоедов! Работал и нашим, и вашим, да за это повесить и то мало.

— Не беспокойся, повесят. Так не отпустят. Вот только плохо, снарядов у нас мало, а то бы все ничего.

— Что снарядов! Снарядов мы наработаем. Вот и баб уже приучили. Эва, сколько токарей теперь, только пуляй, не жалей.

— А ты, товарищ, пошел бы в окопы?

— А что там делать? Пускай дураки идут, а там и без нас обойдется.

— Так, значит, ты на войну не желаешь?

— На кой она мне ляд.

Впечатление можно было вывести такое, что рабочие войны не хотели, царское правительство ненавидели, но выносливо ждали какого-то конца, веря, что когда-нибудь да будет же свергнуто самодержавное самодурство. А пока, до поры до времени, терпели насилия со стороны заводской администрации, подчиняясь всем ее требованиям, доходящим до издевательства; терпеливо выслушивали ругань мастеров, боясь увольнения, а также снятия с «учета», т. е. исключения из списка военнообязанных, и попрежнему спокойно точили трехдюймовые и шестидюймовые снаряды по французскому образцу для уничтожения немецких пролетариев, таких же рабочих, как и русские. Но среди рабочих выделялись некоторые, которые, трезво анализируя военные события, раз'ясняли массам смысл запутанного положения, сложившегося в условиях войны.

— А принесет ли война какие-либо выгоды и улучшения рабочему классу?—ставил, бывало, ребром вопрос нелегальный работник перед группой рабочих, обычно споривших где-нибудь на зеленой лужайке во время обеденного отдыха.

— Да как тебе сказать? Понятно, нет. Разве вот только без ноги или руки домой вернешься, а остальное все постарому будет.

— Следовательно, лучше бы ее и не было, раз от нее пользы рабочим нет?—как бы нечаянно бросал вопрос подпольщик, а сам отворачивался в сторону и с волнением ждал, какое впечатление произвели его слова.

А его слова огнем пронизывали пролетарские головы и постепенно выжигали все, что было навеяно обывательщиной и буржуазными проповедниками.

Перед собеседниками сразу рисовалось иное положение вещей, открывался иной мир, толкавший их на мысль о необходимости улучшения положения рабочего класса.

Так создавалась коллективная мысль, и так ее творили одиночки-революционеры, неся свои идеалы в массу вплоть до февральских дней, до открытой борьбы с самодержавной полицейщиной.

Когда рабочие Люберецкого завода 28 февраля получили известие о перевороте в Петрограде и, захваченные революционным экстазом, вышли с завода на улицу с красным флагом,—они были одни. Их голоса потонули в безлюдном пространстве, тупо и глухо теряясь среди переулков поселка, в которых, боязливо озираясь по сторонам, стояли около своих домиков обыватели и с тревогой в голосе провожали взглядами «забастовщиков». «Что-то будет? Ох, грех тяжелый, когда же это кончится? Пришлют опять семеновцев, пришлют, и снова начнутся расстрелы, аресты. Ох, жутко будет, и как это они не уймутся,—здесь война, а они забастовку».

Но все же, несмотря на такие тревожные мысли, обывателям было интересно узнать, по какому же собственно поводу шествовали рабочие.

— Революция,—услышали они новое словечко и насторожились.

— Царя, говорят, сместили, а как же без царя?— И обыватели стали ждать, что будет дальше.

А дальше события развертывались с кинематографической быстротой, и застрельщиками этих событий были только рабочие.

На второй день рабочие, группой в 500—600 человек, с пением революционных песен и уже с оружием в руках, отобранным у жандармов и полиции, шли звать на борьбу соседние фабрики.

Рабочие фабрики Шарыгина, в Старо-Горкине, и Малютина, в селе Раменском, были более отсталы в революционном отношении и, не имея сил или смелости самостоятельно кончить работу, дожидались помощи со стороны.

И эту помощь оказали им люберецкие рабочие, которые немедленно обезоружили полицию и жандармерию, остановили фабрику, призывая рабочих присоединиться к общему революционному движению и общей радости—освобождения от царской каторги. Просветлели лица рабочих, расправились хмурые лбы, ярче и яснее засверкали их глаза от счастья, радости и сознания, что казацкая плеть теперь уже не будет писать по их спинам царские приказы, и что теперь открываются новый горизонт жизни и новые возможности для завоевания лучших условий труда.

Так переживал пролетариат революцию-праздник в первые мартовские дни 1917 г. в Люберецком районе. А там снова наступили будни, снова условия жизни приковали

каждого к станку, к машине, и снова пролетариат вошел в трудовую колею, и как будто бы все успокоилось. Но не успокоились те, кого царская плеть стегала больнее и из кого гнет эксплоатации выжимал последние соки. Эти рабочие-застрельщики немедленно взялись за организационную работу и приняли горячее участие в строительстве нового государства. Они начали строить на первое время неумело, потому что никто из них не обладал ни опытом, ни соответствующими знаниями. Немедленно на фабриках и заводах сорганизовались фабрично-заводские комитеты, а в селах, местечках и городах, где была полиция и жандармерия, появились в кепках, картузах и шапках с красными повязками фигуры рабочих-милиционеров. В рабочих поселках, где были фабрики и заводы, жизнь и обстановка стали совершенно иными, новыми, до сих пор невиданными.

Рабочие комитеты взяли на себя почти все руководство политическими и хозяйственными вопросами, и к ним потянулись люди с различными нуждами и потребностями.

— Товарищ Виктор! Необходимо сегодня устроить общее собрание рабочих по поводу грубого обращения мастеров, да и насчет прибавки поговаривают—дороговизна ведь.

— Сделайте распоряжение о собрании на 7 часов вечера на завтра.

— Да ведь завтра назначено у нас партийное собрание.

— А, чорт возьми, совсем забыл! Ну, пусть будет сегодня. Да не забудьте поставить вопрос о вступлении в профессиональный союз и приготовьте наших докладчиков.

— Товарищ-гражданин! Вот обокрали меня, замок сломали и все вытащили, как же быть-то?

— Степанов! Пошлите тов. Гринькова расследовать покражу и в случае виновности кого-либо арестуйте и посадите в «девятку»[1]).

— Товарищ председатель! Что же вы мне так и не скажете, как же мужа-то мово протрезвить, сделайте милость, а то спокою не дает ни мне, ни детям. Посадите его хоть на денек в каталажку.

— Да поди ты с мужем своим в болото! Ишь, дело какое,—пьянствует. Денег не будет —проснется. Мы вот полчаса стоим, насчет работы хлопочем, а ты с мужем лезешь.

— Товарищ Виктор! По телефону спрашивают, где на ночь поставить патрули милиционеров, да просят выдать патронов для ружей.

— Товарищ председатель! Товарищ Виктор!

[1]) Девяткой называлось арестное помещение. *(И. М.)*

И так без конца, с раннего утра до поздней ночи, тысячи разнообразных требований, вопросов и просьб пред'являлось комитету.

Все эти запросы и требования, потоком хлынувшие из гущи масс, ярко отражали отношение трудящегося населения, полагавшего найти в комитете разрешение волновавших его жизненных вопросов.

Кроме того, на комитете лежала огромная обязанность руководить политическим воспитанием не только рабочих, но и взбудораженных революцией всех слоев населения. Если обыватели не могли еще выявить своих симпатий к определенным политическим группировкам, то рабочие сразу же разделились на две основные группы: партию с.-д. большевиков и партию эсеров. И немудрено, что в первые моменты рабочие, не связанные с землей, входили в ряды большевиков, а связанные с собственностью или хотя бы мизерным крестьянским наделом тянулись в ряды эсеров.

От комитета в значительной степени зависело то, что отсталые массы шли не вразброд, не разбивая единый фронт рабочих и крестьян, а в одном союзе трудящихся против фронта буржуазии и керенщины.

И, несмотря на то, что большевиков было в Люберцах в первое время революции около 200 человек, а эсеров — около 300, большевикам всегда удавалось на митингах проводить свои резолюции и проваливать резолюции эсеров.

Революционный Люберецкий район, за исключением дачных мест, постепенно распространял свое влияние на всю округу.

В подтверждение этого можно привести редкий случай отношения обывательской публики к большевикам в то время.

Так, например, милиция, созданная из рабочих и руководимая комитетом из большевиков, оказалась однажды в затруднительном финансовом положении. Нужны были деньги на ее содержание, но денег не было. Распустить рабочих-милиционеров снова к станкам было невозможно, так как развивались хулиганство и воровство, а не распускать и держать на службе, не уплачивая денег, тоже было невозможно.

Решили обратиться к населению. И что же? Оно откликнулось, сверх всякого ожидания собрав достаточную сумму для нескольких месяцев.

Вопрос, понятно, не в деньгах, которые на время поддержали аппарат милиции, а в том сочувствии и доверии, которые оказало тогда население большевистскому комитету и милиции. Небезынтересно отметить, как реагировала на все революционные события администрация Люберецкого завода, состоявшая сплошь из американцев.

В самодержавное время они привыкли смотреть на рабочих, как на людей, из которых можно только выжимать их рабочую силу, но не могущих мыслить, творить, а тем более вести революцию. Администрация была вполне уверена, что на Люберецком заводе руководить будет некому, считая, что беспокойного и опасного элемента на заводе нет, так как практиковались постоянные увольнения по доносам. Тут много поработали заведующий наймом Девайн и провокаторы Боровик и Мурин.

Но администрация ошиблась. Она полагала, что, как и в былое время, эти вспышки будут носить временный характер, а, когда улягутся страсти, она свое возьмет.

Но долго им пришлось ждать, и, когда администрация увидела, что революция принимает нешуточные размеры, она вздумала сама расправиться с поднявшимися синеблузниками.

«Война, а потому нужно всех руководителей этой бури отправить на бойню, благо они избежали ее в царское время, а главное—под этим благовидным предлогом удобно избавиться от вожаков. И на заводе будет спокойно». Так думала администрация.

Но лишь только она от слов перешла к делу и официально об'явила, что не оставит на учете ни одного из руководителей движения, как завод без всякой подготовки немедленно забастовал, и рабочие категорически потребовали изменения решения, в противном случае хотели применить репрессивные меры к администрации.

— На тачке всех вывезем,—кричали в озлоблении рабочие по адресу администрации.

— На столбы фонарные повесим, чтобы не повадно было. А то наших выборных трогать! Разнесем в пух и прах.

И неизвестно, чем бы кончилось, если бы наэлектризовать эту возбужденную массу. Но до этого не допустили ни заводский комитет, ни партийная организация. Шло время. Революция взбудоражила все слои населения. Повсюду можно было слышать горячие споры на разные революционные темы.

Особенно сильно в нашем районе такие споры обострялись в дачных поездах Казанской ж. д.

— Вы только разрушать можете да грабить чужое,—вставит, бывало, в разговор какой-нибудь лавочник.

— Да кто все строил-то, как не мы? Вы ведь строить не умеете. Это все мы, рабочие, на своем горбу вынесли.

И пойдет невообразимый шум, крик на все голоса. Вагон, до-отказу наполненный дачной публикой, шумит, бывало, как встревоженный улей, и несмолкаемо несется так до самой Москвы. Все сливалось в одно общее чувство злобы и

ненависти к большевикам и рабочим. Внешне «чистая публика» в такие моменты становилась неузнаваемой, выявляя наружу все низменное, что у нее было. В такие моменты доказательства были напрасны, доводы не убедительны. Они на большевиков смотрели, как на беспринципных «сорви-голов», стремящихся препятствовать всему, что проводило правительство Керенского и что не исходило от них самих.

А потому и старое офицерство вообще и в частности то, которое стояло в Ухтомском районе, было склонно более поддерживать Временное правительство, чем большевиков. Такие же взгляды были и у начальника гарнизона социалиста Гримбовского. В дни первых восторгов революции в Люберцах он вместе с большевиками участвовал в манифестациях, а когда июльские события резко разделили массу на сочувствующих большевикам и их противников, то «революционно» настроенный ранее Гримбовский грозил арестовать всех большевиков-зачинщиков, если это потребуется.

Наступили времена, когда отдельные граждане стали таскать в комиссариат каждого, говорившего против войны и Керенского. Там его толкали в грудь, в спину, плевали в лицо и всячески оскорбляли. И замечательно, что вся эта публика брала в атаку лишь одиночек, но очень избегала соваться в толпу или в вагоны, в особенности в вагоны, шедшие со станции Люберцы, откуда садилось много железнодорожников, среди которых часто встречались большевики.

Когда после 3 июля мелкобуржуазная обывательщина начала лить ушаты грязи на Ленина, обвинять большевиков в продажности немцам и в том, что они ведут Россию к гибели, когда Керенский в Большом театре лобызался с Корниловым, утопая в цветах, преподнесенных буржуазными поклонницами, а Чхеидзе жал руку Каледину,—в эти дни на фабриках и заводах выносились резолюции-протесты, организовывались отряды Красной гвардии, заготовлялось оружие и ковалась стойкость рабочей силы для наступавших исторических дней.

Всколыхнулась пролетарская рать и на Люберецком заводе рабочие в своей резолюции сказали все, что могли сказать труженики-борцы.

— Нас снова закабалить? Отнять то, что мы купили своим потом и кровью? Отнять власть и передать буржуазии? На баррикады! За власть советов!—раздался их горячий призыв.—Смерть всем хищникам, жаждущим крови рабочих. Теснее ряды для решительного боя!

Поползла было в Люберцах антибольшевистская клевета, но не привилась она среди тех, кто лучше всех знал, кто

такие большевики, и чего хотят корниловцы. А окрик рабочих сразу успокоил неспокойных, и этим окриком рабочий класс заявил, что это он является творцом нового строя, и никто не должен мешать ему. А мешать стали все наглее и наглее.

Наступил и октябрь. На Люберецком заводе сформировались дружины, выбрали штаб и назначили тройку для общего руководства на случай борьбы.

Политическое настроение становилось напряженно-натянутым, и все ждали, что что-то должно совершиться, но что—никто не предвидел. Партия большевиков все резче подчеркивала грань между различными группами населения, и рабочие фабрик и заводов поддерживали только большевиков. Крестьяне в огромном большинстве тоже симпатизировали большевикам, и лозунг «Земля должна быть передана трудящимся до Учредительного собрания» играл огромную роль в переломе их симпатий в сторону большевиков.

Обывательская масса также изменилась в своих взглядах и уже на события реагировала более определенно. Некоторые из них присоединились к эсерам, некоторое небольшое количество примкнуло к большевикам, а большая часть сочувствовала исключительно кадетам. И когда грянул Октябрь, когда Москва задрожала от грохота пушек,—в этот решающий момент на улицах были только солдаты и рабочие, с одной стороны, и офицеры, юнкера, кадеты, студенты—с другой.

Потом открылась полоса гражданской войны с классовыми врагами, полоса измен, саботажа, предательства,—и все это в условиях тягчайшего, неслыханного голода и нищеты.

Как могли, мы боролись с ужасающей голодухой.

На заводе была организована продовольственная комиссия, которая изо дня в день осаждала московские учреждения, добывая хлеб и пайки для рабочих. Несмотря на то, что получаемого продовольствия было недостаточно для удовлетворения потребностей каждой семьи, несмотря на то, что все кругом старались запастись хлебом и продовольствием в урожайных губерниях,—рабочие Люберецкого завода, принужденные изо дня в день стоять у станков и поддерживать слабо бьющийся пульс промышленности, проникнутые сознанием необходимости сохранить промышленность, все же не бросали завода и с мужеством переносили и претерпевали все бедствия. Но когда жить стало еще труднее и тяжелее, когда семьи не получая в течение нескольких недель хлеба, питались одним картофелем, да и то в недостаточном количестве,—перед рабочими встала задача во что бы то ни стало добыть хлеба.

С этим моментом как раз совпало постановление Московского совета о возможности провоза двух пудов отпускникам-рабочим.

Воспользовавшись этим положением, рабочие отправились в количестве 900 человек в уральские степи на работу, во главе с заводским комитетом.

Не в одиночку, не в разбивку, а целым заводом в одном эшелоне, не просто за хлебом, как мешочники, а организованно, чтобы заработать или выменять на свои накопленные трудом пожитки то, что привезут.

Когда жены и семьи провожали рабочих, вокруг эшелона стояли сотни и тысячи трудящихся, не работающих на заводе. Они с мольбой и слезами просили привезти десять-двадцать фунтов мучицы, хотя бы для детей,—так велика была нужда в хлебе. Голод уже коснулся своей костлявой рукой трудящихся, положил печаль горести на их лица и огогнал веселый, беззаботный смех.

— Хлеба, хотя бы кусочек хлеба!—сверлила мысль у каждого, и в поисках за хлебом все ходили с утра до вечера.

Голод—голодом, а и политические события не проходили мимо нас незамеченными.

Обыватели скептически смотрели на власть рабочих и крестьян, считая их неспособными выполнять государственные задачи, иронически высмеивали власть сапожников, кухарок, ткачей и металлистов, способных, по их мнению, тачать сапоги, мыть грязное белье и стучать молотком, но неспособных править Россией.

Лишенные Октябрьской революцией нетрудовых доходов, лишенные фабрик, заводов, торговли и земли и вынужденные нести трудовые повинности, зарабатывать в советских учреждениях пайки, чтобы не умереть с голоду, вынужденные изо дня в день метаться по селам и деревням в погоне за пудом хлеба и нести его на своих непривычных плечах десятки верст,—обыватели испытывали большие неудобства, ранее им незнакомые, так что условия жизни при советской власти им казались каторгой. Неприспособленные к физическому труду, но вынужденные жить самостоятельным трудом, они в десятки раз труднее и тяжелее переносили условия революционного времени, чем рабочие.

Поэтому становится вполне понятным, отчего во время чехо-словацкой измены и колчаковщины рабочие Люберецкого завода не только выносили резолюции, но и на деле снаряжали свои рабочие отряды, посылая их в революционные полки только-что организовавшейся Красной армии. набирали продовольственные дружины для реквизиции хлеба и посылки его голодающей Москве.

Этот период был одним из наиболее серьезных и тяжелых в силу того, что на ряду с белогвардейцами на сцену политической борьбы выдвинулись бывшие революционные партии эсеров, меньшевиков и анархистов, открыто ставших на сторону белогвардейских генералов и выступивших против большевиков. Участились заговоры, взрывы мостов, пороховых погребов с целью дезорганизации нормальной жизни советской страны.

Чтобы противопоставить всем этим врагам свою мощь, нужно было сверхестественное напряжение сил как материальных, так и интеллектуальных. И эти силы пришлось искать в первую очередь у рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.

Везде среди рабочих, а также и на Ухтомском заводе, шла лихорадочная агитация—все для отпора белогвардейщины.

Рабочие Люберецкого завода вместе со всеми рабоче-крестьянскими массами Советской Республики встали на страже советов до полной победы над врагами.

А. Мишин

МАЙ—АВГУСТ 1917 ГОДА В СЕРПУХОВЕ

Празднование 1 мая в 1917 г. в г. Серпухове прошло оживленно и дружно. День выдался солнечный, и с раннего утра на Занарское поле, где были устроены три специальные трибуны, по всем улицам города из солдатских казарм и с фабрик двигались с красными знаменами толпы рабочих и солдат. Около одной из трибун сгруппировались солдаты-украинцы со своими национальными знаменами.

Около остальных двух трибун сгруппировались прочие участники демонстрации, окружив трибуны тесным кольцом красных знамен. Речи произносили интеллигенты, рабочие и солдаты под дружные аплодисменты и реплики слушателей. На трибуне выступил представитель военнопленных чехов, который, между прочим, сказал:

— От имени чешской социал-демократии я поздравляю рабочих г. Серпухова с праздником 1 мая, который они в первый раз празднуют свободно, не боясь насилий свергнутого самодержавия, еще грозного своим прошлым.

Еще один молодой солдат, заканчивая свою речь, сказал:

— Я вижу кругом развевающиеся красные знамена трудящихся, я вижу ваши радостные лица, но меня омрачает одна скорбь,—на фронтах все еще гремят орудия, гибнут люди. По моему мнению, как я рассуждаю, нужно бросить войну и заняться мирным трудом.

Уже вечерело, когда закончился митинг, и живой поток демонстрантов двинулся обратно в город с развевающимися красными знаменами, под звуки военных оркестров, заполняя собой все улицы города.

Настроение у рабочих было приподнятое, но всех волновал продовольственный вопрос. Фабриканты во избежание повышения заработной платы доставляли рабочим продукты по сравнительно сходным ценам, но с мая стали от этого отказываться, заменяя ничтожным увеличением заработной платы, что далеко отставало от бешено растущих рыночных цен. На этой почве между рабочими и фабрикантами

возникали конфликты. Вопрос настолько обострился, что мог вылиться в забастовку, но в конце концов был передан в примирительную камеру, составленную на равных началах из представителей от рабочих (непременно из членов совета) и фабрикантов. После долгих споров и уговоров фабриканты со скрежетом зубовным, наконец, уступили.

Меньшевики и эсеры как бы разделили сферу своего влияния: первые с самого начала забрали в свои руки совет солдатских депутатов, а вторые направили свои силы в крестьянскую массу. Мы группировались и пользовались заметным влиянием в совете рабочих депутатов, куда были выделены из нашей партийной организации трое товарищей: Бобровская, Ц. С., Казачков и я. Кроме нас, в совете рабочих депутатов были тт. Дядичев, Беспалов, Башкин и Маршалов.

В общей же массе члены совета к партийным течениям и группировкам относились безразлично и при выборах обсуждали кандидатов скорее персонально. Из меньшевиков в совете выделялся своей энергией и серьезным отношением к работе Тимофеев, рабочий Старого Двора; из эсеров—Сысоев и Кустарев.

В совете солдатских депутатов царили меньшевики—Богатырев и Клумб и энэс Шпаро, ярый оборонец.

В первых числах мая наша большевистская группа, собравшись в чайной о-ва трезвости в Занарье, близ фабрики Беляевой, устроила первое организационное заседание, на котором присутствовали Бобровские (муж и жена), Казачков, Беспалов, Тимофеев, Дядичев, Костяков, Ушаков, М. и я.

Открывая собрание, тов. Бобровский сказал, что, по его наблюдениям, не чувствуется влияния прежней агитации большевиков среди рабочих масс, идеи большевизма среди рабочих и солдат прививаются очень туго, и что для более широкой постановки работы нужно привлечь в ряды партии рабочих-подпольщиков. На это я ответил, что факт, констатированный тов. Бобровским, очень печален, тем более, что в Серпухове, начиная с 1902 г., велась довольно интенсивная работа, и имелись довольно сильные кружки на фабриках «Новая Мыза», Третьякова, Мараевой и др.

Тут же был выбран комитет, в состав которого вошли Бобровский, Костяков, я и Казачков. Председателем был выбран, если не ошибаюсь, тов. Бобровский, секретарем—Костяков, а я и Казачков—районными организаторами.

Город Серпухов был разделен в первое время на два района; мне было поручено вести работу на Старом Дворе, Рябовской прилегающими фабриками, Мараевской и текстилке Бельгийского Акционерного Общества; Казачкову—

на «Новой Мызе», Третьяковке с прилегающими мелкими фабриками и суконной фабрике Каштанова, но в дальнейшем мы строгого деления не придерживались, а работали где кому удобнее и сподручнее.

Рабочая масса плохо разбиралась в партийных программах и часто нас спрашивала, в чем заключается разница между большевиками, меньшевиками и эсерами, и почему мы не соединимся в одну партию. Приходилось выяснять причины нашего расхождения, сопоставляя тактику нашей партии с соглашательскими, но рабочие подчас недоверчиво относились к нашей пропаганде, находя ее несвоевременной и считая, что мы, большевики, просто озоруем.

Летом у нас начала выходить периодически, по мере накопления материала, местная междупартийная газета «Известия Серпуховского Совета Рабочих Депутатов», членами редакционной коллегии которой были выбраны от большевиков—тов. Бобровский, от меньшевиков—Тимофеев и от эсеров—Сысоев. Но фактически всю работу проделывал Бобровский, он же держал корректуру и исправлял безграмотно написанные статейки рабочих. Газетка расходилась сравнительно бойко, но, несмотря на бесплатный материал и сотрудников, давала дефицит, покрываемый из средств совета. Кроме мелких заметок местного характера, рабочие давали и более крупные произведения; например, статья беспартийного рабочего со Старого Двора Тимофеева А. И. о профсоюзах, где в сжатой, но вместе с тем популярной форме, вполне доступной пониманию рабочих масс, был освещен вопрос о профессиональном движении. Впоследствии этот товарищ всецело отдался работе по профессиональному движению и умер на этой работе, если не ошибаюсь, в 1919 г.

Касаясь вопроса о местной прессе, нельзя обойти молчанием крупного факта, сыгравшего видную роль в рабочем движении города Серпухова. Один из наших партийных товарищей, рабочий-типограф Аристов, организовал артель типографов на товарищеских началах. Артель получила из местного банка кредит на сумму десять тысяч рублей за поручительством тов. Костякова (сына местного миллионера Костякова), закупила частью в Москве, частью в Серпухове необходимые для типографии машины и инвентарь, перевезла все это в Серпухов на заранее снятую квартиру. В этой типографии и печатались «Известия Серпуховского Совета Рабочих Депутатов».

Кроме местной газеты, тов. Костяков и я пробовали организовать продажу среди рабочих г. Серпухова московской большевистской газеты «Социал-Демократ», но эта попытка нам не удалась,—трудно было наладить транспорт, всегда получалась путаница в получении газеты из Москвы. Про-

бившись недели две или три и истратив на это уйму собственных денег, тов. Костяков бросил это предприятие.

У нас в Серпухове стало заметно обнаруживаться разложение армии. Особенно сохранился у меня в памяти один случай, когда отправлялась на фронт рота 202 запасного полка, стоявшего в то время в Серпухове. Советом рабочих депутатов было решено устроить проводы. От совета нас отправилось на проводы человека три. Захватив с собой красное знамя, мы вышли за город и стали на пути следования солдат к железнодорожной станции; к нам вскоре присоединилась кучка меньшевиков и часть беспартийных солдат из других частей, пришедшая поглядеть на проводы. Вскоре на повороте дороги показались солдаты, которым предстояло итти на фронт. Меня поразили вялость и неохота, с которой они шли. Увидя нас и развевающееся красное знамя, солдаты оживились, подтянулись и бодрее зашагали навстречу к нам. Через несколько минут мы были окружены тесным кольцом людей.

Первым выступил меньшевик Богатырев. Он говорил о коалиционном министерстве, упомянул что-то мимоходом о Керенском, очень осторожно и политично коснулся вопроса о союзниках и т. д.

Со стороны большевиков говорили Беспалов и Бобровский. Когда Бобровский в короткой и сжатой речи осветил положение на фронтах и выразил надежду, что рабочие и крестьяне прочих воюющих стран скоро обратят свои штыки не против друг друга, а против своих поработителей,—его речь была покрыта дружными аплодисментами и возгласами против войны.

Для борьбы с разложением армии меньшевики организовали солдатский клуб, где солдаты собирались читать газеты, журналы и книги, и где меньшевики выступали с докладами и устраивали с солдатами собеседования.

22 мая, когда по постановлению совета рабочих и солдатских депутатов мы проводили «День рабочей печати» [1]), как раз приехал из ссылки наш старый партийный работник тов. Кокушкин, и на радостях мы с ним отправились проводить митинг, назначенный на Занарском поле. День был праздничный, и рабочих собралась незначительная кучка. Кокушкин, касаясь роли рабочей печати во время революции, сказал, что печатный станок в руках рабочих, это— то же, что пулемет в руках армии.

В виду малочисленности собравшихся мы перенесли митинг на народное гулянье, около фабрики «Новая Мыза».

[1]) День рабочей печати в 1917 г. праздновался, по постановлению Московского совета рабочих депутатов, вместо 22 апреля—22 мая (См. М. Ольминский—«1917 год», стр. 86).

где на сцене открытого театра уже подвизались ораторы. Все речи вращались вокруг одного вопроса — о засильи буржуазной прессы. Рабочие, солдаты и просто городские обыватели слушали ораторов сосредоточенно и внимательно. Я и член совета рабочих депутатов, меньшевик Тимофеев, уселись со столиком у входа и бойко торговали газетами и книжками, а также собирали пожертвования в пользу рабочей печати.

Приблизительно в первых числах июня мы стали готовиться к выборам в местную городскую управу. В связи с этим в партийных органах были помещены программы различных партий по муниципальному вопросу.

Меньшевики и эсеры тоже зашевелились; они между собой заключили блок и предложили нам вступить в него с условием распределить места в городской управе поровну. На нашу долю, таким образом, приходилось около 20 мест. Такое предложение с практической стороны нам было выгодно. Агитация против нас в буржуазной прессе в то время дошла до своей высшей точки. К тому же местная буржуазия вела агитацию и переговоры о блоке с мелкими торговцами, домовладельцами, огородниками и тому подобными элементами, враждебно настроенными к большевикам. При такой обстановке и из соображений чисто практического свойства мы на совместном собрании с меньшевиками и эсерами из'явили согласие вступить с ними в блок на время выборов против сплоченного блока местной буржуазии, надеясь таким образом отколоть от нее значительную часть обывателей. Но затем получили от окружного комитета большевиков распоряжение выступать на выборах одним и вышли из блока.

Приблизительно около этого времени произошел раскол среди эсеров, у которых уже давно назревал конфликт по аграрному вопросу и по вопросу об отношении к буржуазным членам Временного правительства. Откололись Ушаков Борис и Щербаков, а с ними и солдаты морской бригады. Отколовшиеся называли себя эсерами-максималистами.

Ушаков, уходя из рядов эсеров, прямо заявил солдатам морской бригады, взятым в большинстве из квалифицированных рабочих:

— Теперь мы должны во всех выступлениях поддерживать большевиков, как единственно революционную партию.

Фактически он отдал в наше распоряжение самую энергичную и революционно настроенную часть серпуховского гарнизона, сыгравшую видную роль в рабочем движении в последующие дни, а сам как бы отстранился от активной работы.

Среди меньшевиков тоже создалось движение, но совершенно в ином виде. Некто Занегин, кажется, инструктор серпуховской земской управы, стал хлопотать о слиянии меньшевиков с большевиками.

За несколько дней до собрания на заборах и столбах красовались синие афишки, где значилось, что инициативная группа с.-д. приглашает на диспут меньшевиков и большевиков по вопросу о слиянии в одну партию. В конце воззвания стояла подпись Занегина.

В указанное время мы явились на Занарское поле. Около трибуны уже толпилась кучка местных обывателей. Занегин пока отсутствовал. Наконец, он появился на трибуне, в бледной речи изложил весь вред от существующего раскола между двумя фракциями и предлагал им слиться воедино во имя блага рабочего класса. По окончании его речи на трибуну взошел тов. Ушаков Михаил, но говорить ему, как большевику, толпа не дала и громко кричала: «Долой, долой»... Тогда выступил Ушаков Борис. Толпа его спросила, к какой он принадлежит партии. Тот ответил: «Эсер-максималист».

Это успокоило толпу. Ушаков Борис сказал, что слияние, о котором хлопочет тов. Занегин,—утопия, потому что меньшевики—партия реформистская, стремящаяся осуществить идеи социализма путем реформ, а большевики—революционеры и стремятся осуществить свою программу путем насильственно-революционным.

После Ушакова Бориса выступил солдат из морской бригады и в карикатурном виде повторил речь Ушакова Бориса, чем вызвал громкий хохот среди слушателей, после чего Занегин куда-то исчез, и толпа мирно разошлась.

Предвыборное собрание в городскую управу устроили также энэсы, лидерами которых считались доктор Залога с женой, Шпаро, член совета солдатских депутатов, и еще кто-то. Главное свое внимание они сосредоточили на женщинах, и вот в обширную залу городской управы собралась большая толпа женщин—мещанок, торговок с площади и фабричных работниц. Приглашая их на собрание, им обещали, что, кроме выборов, будет еще обсуждаться вопрос о сахаре и молоке для детей. Но едва выступивший оратор открыл рот, как среди слушательниц поднялся крик, потому что всем захотелось высказать сразу все, что у них давно наболело на душе. Все усилия организаторов собрания водворить порядок не привели ни к чему, крик поднялся такой, что они, затыкая уши, еле выбрались из толпы разгорячившихся женщин. Помещение было с трудом очищено при помощи собравшихся на шум солдат. По улицам еще долго шумели расходившиеся по домам женщины.

В связи с предстоящими выборами в городскую управу в городе шли оживленные разговоры. Говорили в трактирах, на базарной площади, в солдатских казармах и на фабриках.

Не раз завязывались споры в чайной о-ва потребителей, куда по вечерам стало собираться много народа, интересующегося выборами. На нас обычно нападали меньшевики и эсеры с упреками по поводу отказа от блока с ними.

— Вы своим отказом разрываете наш фронт против буржуазии,—говорили они.—Порознь мы можем легко быть битыми. Эх, вы!..—восклицали они с деланным сокрушением.

Тактика их была ясна, они на нашем отказе хотели выиграть в глазах обывателей.

В ответ мы им говорили:

— Что же вам мешает итти с нами? Наш путь прямой, революционный, следуйте по нему, и тогда вопрос о всяких блоках отпадет сам собой.

Но они отмахивались от наших слов, говоря: революция уже кончена, самодержавие свергнуто, дальше—предел, за который переступить нельзя, можно сломать шею и т. д.

Спор разгорался все сильнее и сильнее, наши столы обычно тесным кольцом окружали посетители чайной, жадно прислушиваясь к речам, вставляя изредка свои замечания и покрывая дружным хохотом меткие словечки того или иного оратора. Чайная закрывалась поздно, часа в два ночи. Разгоряченные спором, мы еще долго не расходились, стоя кучкой где-нибудь на перекрестке улиц и продолжая спор.

Но вот в июле грянули петроградские события, о которых мы узнали из газет. Меньшевики и эсеры встревожились, стали собираться кучками, обсуждая случившееся, и, наконец, назойливо стали приставать к нам с разными расспросами, видимо, стараясь выпытать наше мнение.

Известие для нас было совершенно неожиданным и произвело на всех ошеломляющее впечатление.

На первое время мы растерялись и не знали, что делать, никаких инструкций от окружки мы не получали, в газете «Социал-Демократ» в сжатом и сдержанном тоне говорилось только о разыгравшихся событиях, и никаких лозунгов и указаний не было. Буржуазная пресса свирепствовала, обливая большевиков помоями.

В городе против нас создалось враждебное настроение, в особенности торжествовали торговцы, злорадно кричавшие на базарной площади: «Ну, теперь большевикам капут, напрыгались голубчики». Но тут в защиту большевиков выступал мелкий торговец Яков Петрович Бронякин (Яшка Туляк), пользовавшийся среди торговцев большой популярностью. Случалось, что какой-нибудь досужий мясник,

собрав около себя кучку приехавших на базар крестьян и шатающихся без цели горожан, начинал вести против большевиков злостную агитацию. Туляк—тут как тут, сначала вступал с ними в пререкания, постепенно входил в азарт и, взгромоздившись где-нибудь на пустующий ларек, произносил целые речи, что в значительной степени расхолаживало толпу, которую определенно подбивали на эксцессы.

На фабриках меньшевики и эсеры повели против нас подпольную агитацию, очевидно, не решаясь выступать пока открыто. Так, на красильной фабрике Игнатова один меньшевик, служащий в конторе, прямо заявил рабочим, что теперь большевиков будут арестовывать, как людей, ведущих преступную агитацию против Временного революционного правительства. На этой фабрике у нас хотя и насчитывалось из рабочих до тридцати членов нашей партии, но они были еще малосознательны и политически неустойчивы, струсили и прислали к нам представителя и пачку партбилетов с заявлением о выходе рабочих фабрики Игнатова из партии. Вслед за ними потянулись некоторые рабочие и других фабрик.

К этому времени в наш город приехал в отпуск с румынского фронта тов. Бурдуков, с которым я встретился в книжном магазине «Копейка». Мы направились с ним в общественный сад и там за чтением газет обсуждали создавшееся положение в связи с июльскими днями и решили устроить вечером наше общее партийное собрание. На собрание явилось человек 8, где после долгих дебатов постановили. пока от каких-либо выступлений воздержаться и ждать директив от окружки. Я со своей стороны внес предложение: если со стороны рабочих или солдат будет революционное выступление, то мы должны примкнуть к нему, чтобы придать ему организованность. Предложение было принято, и с тем мы разошлись.

На другой день после собрания я и тов. Бурдуков пошли на заседание совета рабочих депутатов. Кроме членов совета, присутствовало много рабочих и солдат. Дядичев председательствовал. В повестке дня стоял вопрос о текущем моменте. Я забыл, кто из наших товарищей делал доклад. Пришедшие на заседание меньшевики, в лице Клумба и Богатырева, все время прерывали речь оратора возгласами: «Ложь! Неправда!»

Особенно обрушился Богатырев. Он обвинял большевиков в злостной агитации против Временного правительства и в том, что они толкают буржуазию в об'ятия контр-революции, и предлагал в резолюции осудить тактику большевиков.

Несмотря на выступление тов. Бурдукова с раз'яснением неосновательности обвинения большевиков в подготовке выступления петроградских солдат и рабочих, которое вызвано исключительно топтанием на месте соглашательских министров и скрытым саботажем буржуазии, при голосовании прошла большинством резолюция Богатырева, а за нашу мы собрали только 13 голосов.

После голосования меньшевики устроили Богатыреву шумные овации и в заключение стали его качать.

В это время наступил перерыв моей партийной работы в Серпухове,—я переехал в Москву, но регулярно каждую субботу, вечером, приезжал в Серпухов, знакомился с ходом работы, а в воскресенье принимали участие в том или другом деле.

Накануне 16 июля, в субботу, я приехал поздно ночью в Серпухов, никого из товарищей не встретил, и рано утром на следующий день отправился на квартиру тов. Кокушкина узнать новости. Кокушкина на квартире не застал, и мне сказали, что он ушел на «выгон», где собираются солдаты со знаменами на демонстрацию. Я направился в указанное место и встретил там кучку солдат, человек 30. Над ними развевалось два красных знамени, на одном из них была надпись: «Долой десять буржуазных министров, вся власть Советам!», на другом—«Фабрики—рабочим, землю—крестьянам».

К толпившейся кучке солдат стали присоединяться подходившие в одиночку рабочие и солдаты. От нашей партии были Кокушкин, Костяков и я.

После кратких речей мы двинулись по Московской улице и остановились около солдатских казарм, откуда должна была примкнуть к нашей демонстрации часть солдат. Солдаты в это время обедали и, узнав, что демонстрация их ждет, бросили еду и примкнули к нам. На Земляном мосту к нам присоединился оркестр военной музыки, число демонстрантов увеличилось уже более чем до тысячи человек.

Около военного госпиталя мы остановились и устроили летучий митинг, на котором один из солдат, указывая на столпившихся около решетки садика искалеченных воинов, сказал:

— Товарищи, вот перед вами жертвы проклятой войны. Людей оторвали от сохи и станка, угнали на фронт в окопы, там искалечили, а теперь вот любуйтесь!.. А наши хваленые министры, с социалистом Керенским во главе, все время нам твердят о войне до победного конца. Сколько еще нужно покалечить людей, чтобы довести войну до победы? А что мы получили от этой победы? Нет, товарищи, войну продолжать больше не резон, нужно кончать ее. Шабаш! По

домам!—и, указывая рукой на красное знамя, он добавил:— Товарищи большевики правильно говорят: «Долой буржуазных министров, вся власть советам!»

Оратор закончил свою речь, ее покрыли звуки военного оркестра и шумные аплодисменты собравшихся.

Солдатская демонстрация для революционного движения города Серпухова имела огромное значение, так как в корне подорвала влияние соглашательских партий на солдатские массы.

Интерес к нашей партии заметно усилился среди солдат и рабочих. Заседания нашего комитета превратились в митинги. Усилилась наша деятельность в чайной о-ва трезвости, куда по вечерам стекались более сознательные рабочие с фабрик. В чайной иногда затрагивались вопросы, показывающие, насколько стали интересоваться рабочие ходом дальнейшего развития революции.

В чайной нам меньшевики задавали и такие вопросы, как, например, где скрывается Ленин, и почему он не пойдет к Временному правительству и не отдастся в его руки. «Его сразу отпустят,—с наивным видом уверяли меньшевики,—если за ним ничего не окажется». Мы отвечали, что раз'яренное офицерство, конечно, убьет тов. Ленина, а Временное правительство с притворной жалостью прольет крокодиловы слезы и умоет руки.

Мы считали такие беседы очень полезными, потому что все эти разговоры безусловно передавались рабочим на фабрики, и они постоянно знакомились с большевистскими взглядами.

А. Пирейко

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РАБОТЕ В МОСКОВСКОМ ГУБЕРНСКОМ СОВЕТЕ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

В июне 1917 года я приехал в Москву и стал работать в качестве инструктора губернского совета рабочих депутатов. В это время в Московском городском совете рабочих и солдатских депутатов преобладали меньшевики и эсеры, тогда как в губернском совете рабочих депутатов—большевики.

В губернском совете крестьянских депутатов сидели зажиточные крестьяне Московской губернии, называвшие себя социалистами-революционерами, а губернского совета солдатских депутатов не существовало.

Крестьянские депутаты, постоянно, находившиеся в Москве, жили в общежитии, где и я, и мне с ними приходилось сталкиваться, при чем они, зная, что я работаю не в их крестьянском совете, а в совете рабочих депутатов, где сидят большевики, просили меня из общежития удалиться. Пришлось подчиниться и перекочевать на другую квартиру.

Так жили и работали в одном доме два совета, вполне обособленные друг от друга.

Но зато был так называемый Исполнительный комитет общественных организаций, куда входили представители и земств, и двух вышеназванных советов под руководством губернского комиссара Временного правительства.

Окружной комитет РСДРП большевиков, обслуживавший партийную организацию Московской губ., помещался тогда в гостинице «Дрезден» [1]), на Советской площади, куда от поры до времени приходилось ходить за литературой, которую я распространял среди военных частей, расположенных в уездных городах Московской губ. И вообще мне, как военному, свою партийную работу приходилось вести в войсках по заданию Московской военной организации большевиков, но основная моя работа в это время была—инстру-

---

[1]) Ныне 3-й дом ВЦСПС.

ктирование уездных и районных советов Московской губ. и фабрично-заводских комитетов.

Тогда еще не было строгого разграничения между профессиональной и советской работой, да и не могло быть, так как до 1920 г. в Москве не было такого центра, как совет профсоюзов [1]), который бы руководил профорганизациями по Московской губернии. Если было подобие этого руководства, то только в отдельных профсоюзах, как, например, у текстильщиков, но это руководство организационно не было оформлено.

И, таким образом, большевики, работники совета рабочих депутатов, старались проникнуть во все поры жизни рабочих. В таком направлении работал и Московский губернский совет рабочих депутатов, верхушка которого состояла из следующих большевиков: врач И. С. Вегер, Н. Л. Мещеряков, он же редактор газеты «Рабочий Депутат», тов. Крюков, рабочий из Коломны, ярко выраженный ленинец, впоследствии погибший на деникинском фронте, Ратьков [2])—рабочий: кроме того входили тт. Сольц [3]), Литкенс, Е. А., убитый в Крыму бандитами в 1922 г. Секретарем исполкома был тов. В. Ф. Плетнев [4]). От меньшевиков в исполком входили Богомазов и Рыбальский. Последний близкого участия в работе не принимал и бывал только на пленуме совета, который происходил один раз в месяц.

При выборах в волостное и уездное земство совет призывал голосовать за списки социалистических партий, так как были опасения, что в земство могут пройти не только представители буржуазных партий, но и ярко выраженные черносотенцы.

Большевистское руководство работой губсовета оформилось только после Октябрьского переворота, когда во главе его стали тт. Сапронов, Инесса Арманд, Владимирский и др.

---

[1]) Московский Губернский Совет Профессиональных Союзов, под названием Центральное бюро профсоюзов, организовался 2 марта 1917 г., а 30 марта при Московском совете рабочих и солдатских депутатов организовалась комиссия по содействию профсоюзному строительству. У этих двух организаций нередко возникали споры по вопросу о взаимоотношениях. Со стороны комиссии совета рабочих и солдатских депутатов было внесено предложение Центральному бюро профсоюзов изменить название бюро так, чтобы оно называлось бюро профсоюзов и совета рабочих и солдатских депутатов по содействию профсоюзному строительству. Но это предложение было отклонено, с чем впоследствии согласилась и комиссия совета (по справке Истпрофа).

[2]) Ныне работает на фабрике „Новая заря“, б. Брокар.

[3]) Не надо смешивать с тов. Сольцем, секретарем ЦКК.

[4]) Ныне работает в Пролеткульте.

Возвращаясь к периоду Керенского, нужно сказать, что настроение рабочих Московской губ. тогда было в пользу большевиков, и другие партии, как меньшевики и эсеры, даже в самые тяжелые для большевиков моменты, как июльские дни, серьезной опасности не представляли. Но продовольственный вопрос стоял чрезвычайно остро в рабочих районах Московской губ., так как продовольствие очень часто застревало в Москве, и для губернии буквально приходилось драться за каждый пуд хлеба, что страшно осложняло работу совета.

Как инструктору, мне было поручено исполкомом наладить советскую работу и работу фабрично-заводских комитетов в самом неблагополучном по продовольствию районе,— Гуслицах, где к тому же были самые забитые, темные рабочие из старообрядцев, отличавшиеся большим суеверием. Например, когда стали вводить карточную систему на продовольствие, то рабочие гуслицких фабрик никак не могли примириться с карточками, в особенности старики и женщины, считая карточную систему делом антихриста. Бойкотировали провольственные карточки. Впоследствии, под влиянием голода, с карточками вполне примирились, но не примирились с голодом, и при обсуждении каждого вопроса, при выступлении каждого докладчика неизменно выплывал вопрос о хлебе.

Порученную мне работу в Гуслицком районе пришлось начать с организации фабричных комитетов. Письменных инструкций тогда вообще не было, и я по приезде на станцию Куровскую, Моск.-Каз. ж. д., при помощи бывшего страхового агента Егорова, познакомился с двумя другими товарищами, в том числе с местным рабочим-текстильщиком Тарасовым, и начал с ним вместе обходить все фабрики, устраивать в рабочее время собрания и производить выборы фабричных комитетов.

Здесь впервые пришлось мне встретиться с московскими фабрикантами-текстильщиками, и при этой встрече я невольно вспомнил типы Островского и Гоголя. Однако же, приняли они меня, как представителя губсовета, очень любезно. В особенности фабрикант Исаев, считавшийся одним из умных и авторитетных местных фабрикантов. С его фабрики мы и начали, не встретив никаких препятствий. Но для рабочих выборы были новостью, и, когда проголосовали кандидатов, и в числе избранных оказалось большинство женщин, старики-рабочие заволновались:

— Как это так, бабы в большинстве будут нами, мужиками, командовать? Это не пройдет.

Несмотря на все наше красноречие о равноправии полов и о том, что мы переживаем тяжелую войну и голод не

потому, что царь слушал свою жену, а потому, что тот государственный строй, который существовал до революции, ни к чему другому и не мог привести,—ничто не помогало: пришлось уступить и переизбрать фабком с таким расчетом, чтобы там было большинство мужчин, хотя на фабрике работало больше женщин.

С фабрики Исаева я пошел в сопровождении местных рабочих на маленькую фабрику Гаврилова. При чем товарищи меня предупреждали, что фабрика Гаврилова—самое черносотенное место, там еще никаких собраний не было, и что «на тебя, мол, прежде всего напустят злых собак». При встрече с Гавриловым я невольно вспомнил гоголевского Плюшкина, а он прежде всего спросил меня, не жид ли я. Но когда я ему ответил, что я являюсь представителем совета рабочих депутатов из Москвы и в то же время напомнил ему о его сходстве с гоголевским Плюшкиным, Гаврилов действительно стал травить меня собаками. Однако, работницы отогнали собак и с согласия рабочих устроили тут же на дворе фабрики митинг. Фабричный комитет выбрали без всяких осложнений.

В ближайшие дни на всех остальных фабриках района была проведена та же работа, и оформлен Гуслицкий районный совет рабочих депутатов.

Я уехал в Москву в хорошем настроении, но спустя некоторое время к нам в губернский совет стали поступать тревожные сведения из Гуслицкого района, и я вторично был туда командирован. Это было в тот момент, когда в Москве происходило знаменитое государственное совещание. Контрреволюционеры собирали свои силы для нанесения смертельного удара революции. На месте пришлось убедиться, что наших товарищей, местных деятелей Егорова, Тарасова и Пригожина, буквально затравили, аттестуя, как немецких шпионов. Им стало опасно не только появляться где-либо на собраниях, но даже сидеть дома.

Местные фабриканты под руководством Исаева сорганизовались лучше, чем рабочие. Наша большевистская литература, посылаемая из Москвы, в том числе и газета «Рабочий Депутат», издаваемая губсоветом рабочих депутатов, в фабричные комитеты к рабочим не попадала, а застревала в конторах фабрик. Зато все фабкомы в достаточной мере были снабжены эсеровскими, меньшевистскими и буржуазными газетами.

В особенности в изобилии распространялось «Русское Слово», побившее рекорд в клевете на большевиков. Слово «большевик» настолько было позорно, что им даже пугали грудных детей. Но, главное, большевики изображались, как виновники голода. Местные товарищи, зарекомендовавшие

себя, как большевики, не могли выступать без риска для своей жизни.

Но так как меня знали не как большевика, а только как представителя совета рабочих депутатов из Москвы и, как такового, побаивались, то никому другому, как мне, и пришлось обойти вновь все фабрики. Начал я эту работу опять с фабрики Исаева. Как только я появился на дворе фабрики, то оказался в кольце. Меня со всех сторон окружили старики-рабочие с определенным намерением посчитаться со мной, как с агентом Ленина и немецким шпионом, тем более, что я появился в штатском костюме, тогда как раньше меня видели в военной форме. Старики-рабочие стали наступать:

— Смотри на него: до революции на каторге был, а теперь стал немецким агентом и уже подработал, приоделся в приличный костюм в то время, когда у нас хлеба нет.

Чудом удалось спастись от этой темной, озверевшей, голодной толпы суеверных староверов.

— Да, я был в тюрьме,—ответил я,—и люди, которые были в тюрьмах и ссылках, жизнью не дорожат, и пока вы меня убьете, я не одного из вас уложу на месте,—а сам делаю вид, что у меня есть оружие, и полез в карман. На самом деле, в то время у меня никакого оружия не было. Напиравшие на меня струсили и отступили, чем я воспользовался и благополучно ушел с фабрики прямо на станцию. При таком настроении части рабочих, в этом районе мне одному работать было трудно, да и без оружия появляться на здешних фабриках было действительно опасно. Рабочая масса в большинстве была терроризирована фабрикантами и вследствие своей малограмотности и некультурности плохо разбиралась в том, что происходило. Оставлять в таком положении целый рабочий район было невозможно. Надо было немедленно спешить в Москву за литературой и людьми.

На станции со мной опять случился инцидент. Я вмешался в беседу начальника станции с каким-то гражданином на политическую тему, так как я чувствовал, что они находятся под влиянием «Русского Слова». Мое вмешательство привело к тому, что начальник станции вызвал милицию и приказал меня арестовать. Пока обсуждался вопрос, куда меня девать, собралась толпа народа. Тут как раз местный провизор выступил с речью, сущность которой сводилась к тому, что теперь под видом представителей советов шляется много темных личностей, и с ними надо расправляться по всей строгости закона. Вследствие этой гнусной речи негодование толпы против меня достигло того, что до самосуда было недалеко.

К счастью, подоспели работницы фабрики Исаева, той самой фабрики, где так недавно старики-рабочие чуть было со мной не расправились. Работницы шли на обед. Зная меня в лицо, они вступились за меня. Настроение толпы переменилось в обратном направлении, и я не только ушел благополучно нетронутым, но еще произнес речь на тему о том, как господа фабриканты ведут борьбу с революцией, и как им помогают в этом их прихвостни—меньшевики и эсеры. Потом я отправился в Москву за подкреплением.

Президиум совета командировал вместе со мной члена исполкома тов. Ратькова в Богородск, где нам дали еще трех товарищей большевиков-рабочих. Мы с газетами и литературой, а на всякий случай и револьверами в карманах, отправились немедленно в Гуслицкий район. Как и всегда, начали с фабрики Исаева и в течение трех дней восстановили работу фабрично-заводских комитетов и местного районного совета.

Снабдили необходимой литературой и наладили транспорт для дальнейшей посылки нашей большевистской литературы.

Местные наши тт. большевики, которых было так немного тогда в Гуслицком районе, настолько были затравлены местной обывательской интеллигенцией, что у них не было никакой уверенности в том, что к ним не ворвется голодная толпа и не расправится с ними, как с виновниками голода. Президиумом совета мне было поручено не выпускать этого района из наблюдения и почаще заглядывать туда, что я и делал.

Местные организации, как советская, так и партийная, постепенно начали укрепляться, создавался кадр местных работников, было организовано отделение профсоюза текстильщиков. Настроение рабочих с каждым часом менялось в пользу большевиков, потому что только они были настоящими—не на словах, а на деле—сторонниками немедленного прекращения войны. Так по мере усиления нашей работы менялось и настроение рабочих.

Что же касается местного крестьянства, в большинстве старообрядческого, то оно настолько было темно, что, когда подошли выборы в волостное земство, оно отказывалось принимать участие в каком бы то ни было голосовании; всякие новшества вследствие веками укоренившегося религиозного суеверия считало затеей антихриста.

Чтобы не возвращаться больше к Гуслицкому району, надо сказать, что к моменту Октябрьского переворота там все изменилось, и уже при выборах в Учредительное собрание большинство голосов там получил список № 5, по которому шли большевики.

Я бы не сказал, что аналогичных настроений, как в Гуслицком районе, в других районах Московской губ. не было. Это было бы неверно. Может быть, не в такой степени, но подобные настроения были. Возьмем, скажем, Волоколамск,—это уезд в большей степени крестьянский, нежели рабочий, где господствовали эсеры, свившие себе прочное гнездо в среде местного учительства. Мне пришлось попасть в этот уезд впервые в момент корниловского мятежа, где я остановился на ночлег в учительском общежитии, в этом эсеровском муравейнике. После первой же ночи прислуга в общежитии меня спрашивает:

— Неужели ты большевик?

— Да, самый настоящий.

— Что-то не похож.

— Как не похож?

— Да большевики, ведь,—это люди, которые убийством, грабежом занимаются, а ты такой тихий, читаешь газеты, что-то пишешь, и нисколько не похож на большевика. Прошлую ночь, когда ты здесь ночевал, мы целую ночь не спали, тебя боялись, а теперь видим, что нас обманули.

Достаточно мне было с ними поговорить, как эти простые люди изменили свой взгляд, и в результате они так же голосовали за большевиков в Учредительное собрание, как и большинство рабочих и крестьян Московской губернии.

Тяжело было вести партийную работу в то время большевикам: нас было слишком мало. Но зато результаты работы сказывались очень быстро и заметно.

* * *

Само собой разумеется, что не губернский совет рабочих депутатов играл после Питера решающую роль в предстоящем перевороте, к которому готовились большевики в Москве, а Московский городской совет рабочих депутатов, где и были сконцентрированы главные силы большевиков. Но и от настроения и поведения губернии многое зависело, и без участия рабочих промышленных уездных центров едва ли была бы возможна победа на баррикадах Москвы. Сочувствие рабочих Московской губернии, за редкими исключениями, было на стороне большевиков, а это много значило.

Беда была лишь в том, что и совет, и окружной комитет большевиков располагали слишком небольшими силами квалифицированных работников, которых нехватало, чтобы справиться со всей колоссальной работой, какая требовалась по губернии.

Насколько население доверяло большевикам, указывают хотя бы и такие не единичные факты, когда к нам в совет приезжали из далеких деревень Московской губернии солдаты, вернувшиеся с фронта, и сообщали о тревожном настроении среди крестьянства. Они ехали не в совет крестьянских депутатов, а именно к нам, в совет рабочих депутатов, и просили прислать к ним людей на помощь против контрреволюционной агитации.

По распоряжению президиума мне пришлось поехать накануне Октябрьского переворота в одну из волостей Можайского уезда. Волость отдаленная, глухая, и, кроме всяких нелепых слухов в роде того, что тов. Ленин и генерал Корнилов—друзья, и оба они приехали из Германии,—туда ничего не попадало. Поэтому привезенная мною литература оказалась более чем кстати. На собрание пришли крестьяне и крестьянки различных деревень, за 25 верст от волости. Успех я имел такой, какого трудно было ожидать. И когда после меня приехал из Москвы представитель партии с.-р., то ему уже, несмотря на все его старания, вторичного собрания крестьян созвать не удалось. Крестьяне ему заявили:

— Мы дали слово большевикам голосовать за них и никаких других партий слушать не хотим.

Однако же, на почве все усиливающегося недостатка хлеба и предметов первой необходимости то там, то здесь по губернии создавалось среди рабочих тревожное настроение, на почве которого разным темным личностям легко было вести агитацию против советов и работавших в них большевиков.

Без помощи из Москвы такие случаи зачастую могли кончаться весьма печально, и мне, как инструктору губсовета, не раз приходилось выезжать в уезды и раз'яснять населению, что местные организации не повинны в том, что последствия царской войны тяжело дают себя знать рабочему классу. Я выезжал в Клин на Высоковскую мануфактуру, на ст. Конобеево в Бронницкий уезд. Такие случаи были в Павловском Посаде, Богородске и других местах Московской губернии. Продовольственный кризис породил в сильной степени мешочничество, т.-е. паломничество в хлебородные губернии за хлебом, еще в 1917 г., не говоря уже о более поздних временах.

* * *

Накануне взятия власти советом в Петрограде, в Москве был организован военно-революционный комитет, и все глав-

ные силы большевиков были сосредоточены в Московском совете и по районам. Белогвардейцы, во главе с Рудневым и полковником Рябцевым, тоже сорганизовались в Москве. Запахло порохом, Московскому губсовету оставалось только примкнуть к этому движению. Важно было, чтобы уезды имели непрерывную связь с Москвой и в случае необходимости могли дать Москве подкрепление. С этой целью было установлено дежурство у телефонов.

В двух районах губернии, Волоколамском и Сергиевском, в советах было засилье эсеров. В особенности был опасен Сергиевский посад, так как, помимо эсеров, в местном совете были еще юнкера из военной электротехнической школы, помещавшейся в монастыре.

Я был командирован в Сергиевский посад и, придя в местный совет, решил взять публику, что называется, по-военному, «на бас».

— В Петрограде,—говорю,—власть перешла к советам, и в Москве завтра же будет сделано то же самое. Как вы? За советы или против?

Мое заявление ошарашило всех. Я предложил им собраться для заслушания моего доклада. Доклад у всех вызвал недоумение, мне просто не поверили, стали звонить по телефону в Москву, в губсовет, и, когда получили подтверждение того, что я доложил, публика растерялась, не знала, что делать, и решила собрать сейчас же юнкеров совместно с командным составом, так как рабочих у них не было.

От выступления на собрании юнкеров я отказался, но мое сообщение им было доложено. Выступил один из кадровых офицеров и заявил, что мы-де, русские офицеры, любим родину и будем там, где большинство русского народа. Это двусмысленное заявление не давало ответа на прямо поставленный революцией вопрос. К тому же на собрание кто-то принес эсеровскую газету «Дело Народа» со статьей В. Чернова «Драться—так драться». В результате этого собрания договориться оказалось невозможным. Было ясно, что в этот район надо выслать немедленно надежную воинскую часть.

В Москве заговорили ружья, пулеметы и артиллерия. Телефонная станция оказалась в руках белогвардейцев; связь с уездами была порвана. Помещение губсовета заняли эсеры и меньшевики из бывших членов Московского городского совета рабочих и солдатских депутатов, не решившиеся определенно стать ни на ту, ни на другую сторону, так называемые «нейтральные».

Случайно в совете я встретил покойного Литкенса и А. И. Федяеву, и втроем мы решили во что бы то ни стало

наладить связь с рабочими районами губернии. Для этого необходимо было иметь человек 20 курьеров, чтобы можно было рассылать их по уездам с информацией о положении дел в Москве. Так как никто из нас троих не был членом исполнительного комитета, и ключей от письменных столов у нас не было, мы решили на основании законов революционного времени, разломать топором письменный стол, достать форменные бланки и печать. Написали на мое имя мандат, тов. Литкенс подписался за председателя совета, тов. Федяева—за секретаря и командировали меня на фабрику «Проводник», на ст. Тушино, за курьерами.

Но проникнуть на Виндавский вокзал, чтобы ехать в Тушино, никак невозможно было,—в городе шла стрельба,—попадешь к белогвардейцам, и для них будет достаточно мандата от совета, чтобы арестовать. Как быть? В расположении белых и красных ориентироваться я мог. Взял направление к Сухаревой площади с надеждой попасть в руки красногвардейцев, которые арестуют и сведут в военно-революционный комитет, рассуждал я, а там на основании моих же документов дадут пропуск. Так и случилось: красногвардейцы меня арестовали и доставили в районный штаб Красной гвардии, где оказались товарищи, лично меня знавшие; я раз'яснил им цель моей поездки и получил пропуск не только на себя, а и на тех 20 человек, за которыми я ехал на фабрику «Проводник».

На фабрике настроение рабочих было боевое, все соглашались ехать в Москву, ставили только одно условие, в особенности молодежь, чтобы им было дано немедленно оружие для участия в борьбе, которая тогда велась на улицах Москвы за власть советов. Гарантии в том, что им будет выдано немедленно оружие, я дать не мог, тем не менее обещал, иначе пришлось бы потратить много времени на разговоры, а время было дорого.

Предложил рабочим пока выбрать 20 человек, с которыми немедленно надо ехать в Москву. Выборы быстро произвели, и мы отправились в Москву. Пройдя снова через штаб Красной гвардии, поздно ночью прибыли на Тверскую, д. 54, в помещение губернского совета рабочих депутатов, откуда прибывшая со мною молодежь немедленно же выкурила всех «нейтральных» депутатов Московского совета.

Прибывшие из Тушина товарищи тотчас же были разосланы по всем рабочим районам губернии в качестве курьеров, с информацией от ревкома о положении дел в Москве. И, таким образом, связь с уездами была налажена. В Москве стало известно, что сочувствие рабочих в губернии определенно было на стороне восставших. Из любого рабочего центра, если бы в этом появилась нужда, легко можно

было бы двинуть вооруженную силу в Москву. Однако, в Москве оказалось достаточно вооруженных сил для того, чтобы побить белогвардейцев. Уездам оставалось только следить за железными дорогами, чтобы во-время предотвратить переброску белых войск на Москву, но, как известно, таких войск, которые можно было бы двинуть на Москву и раздавить революцию, у белых не оказалось.

* * *

Вооруженная борьба на улицах Москвы закончена. Белогвардейцы разбиты на-голову. Запуганный обыватель мечется из стороны в сторону, не зная, что будет дальше. Слишком много буржуазные газеты писали про большевиков страшного и нехорошего, а теперь вдруг большевики победили и будут у власти.

Идя однажды вечером из совета, я на Страстной площади наблюдал такую сцену. Пожилая женщина остановила случайно проходившего молодого человека и спрашивает у него, не большевик ли он: «Да, я большевик»,—ответил тот. «Ради бога,—умоляет женщина,—не обижайте нас, мы теперь за вас»... Эта сцена характеризует тот испуг, который царил тогда среди обывателей.

Или еще такой факт: одна моя старая знакомая, работница Московского губернского земства, рассказала мне, что рядовые служащие земства страшно волновались, когда услыхали, что большевики придут брать земство. Но вот пришли большевики, и одна из таких напуганных сотрудниц заходит к ней с сияющим лицом и с радостью сообщает, что пришли большевики, и какие вежливые—ни один даже не выстрелил, в то время как все ждали, что, как только они придут, они поставят пулеметы и начнут всех служащих расстреливать. При таком настроении и панике обывателя перед большевиками, при полном саботаже многих учреждений, в муках голода организовалась советская власть в Московской губернии. Мы не имели подготовки и опыта, как организовать ее, у нас для этого не было людей. На первое время надо было хотя бы заменить губернского комиссара Временного правительства своим человеком, но охотников у нас на такой высокий пост не находилось. Привычное это было дело для рабочих.

Решили попросить покойного тов. Штернберга, Павла Карловича [1]), занять этот пост и поручили мне вступить с ним в переговоры от имени исполнительного комитета.

[1]) Штернберг, Павел Карлович—профессор астрономии, читал лекции в Московском университете и на Высших женских курсах, заведывал

Тов. Штернберг принял меня хорошо и согласился принять этот пост, если Замоскворецкий райком, где он до того времени работал, согласится отпустить его. Я был очень доволен результатом переговора, думая, что такая удача редко бывает. Шутка ли: профессор, старый большевик будет у нас сидеть на месте прежнего губернатора. Даже у царя едва ли были такие умные люди губернаторами, о чем я с радостью сообщил исполкому.

Тут же кто-то внес предложение утвердить меня его заместителем, но, к счастью, дело на этот раз обошлось без меня.

Итак, исполком оформился. Мне было предложено занять место губернского военного комиссара, от чего я также категорически отказался, так как был совершенно несведущим в военном деле, да и к тому же получил телеграмму от товарищей выехать немедленно на Юго-Западный фронт, где моя кандидатура выставлялась в Учредительное собрание, и я уехал на фронт.

По приезде обратно в Москву я и тов. Блинов были командированы в Волоколамск с вооруженным отрядом для захвата власти, так как там было засилье эсеров, и местные наши товарищи не могли с ними справиться. Тов. Блинов был назначен комиссаром Волоколамского уезда. Нам поручено было это оформить на месте. По приезде в Волоколамск, мы рано утром двинулись на текстильную фабрику Старшинова, где работало около 3.000 рабочих. Устроили собрание и всей фабрикой с пением революционных песен двинулись в город устанавливать советскую власть.

Вечером было устроено заседание местного совета, на котором и оформили назначение тов. Блинова уездным комиссаром. На другой день рано утром я отправился в Москву, а тов. Блинов остался налаживать советскую власть в Волоколамске.

К моему приезду в Москве были получены тревожные известия о положении дел в Хотькове, в этом крестьянском районе с небольшим рабочим населением. По распоряжению местного совета был опечатан женский монастырь, что любителям половить рыбку в мутной воде дало возможность возбудить религиозное еще крестьянство против нарождающейся советской власти. В Хотьково была командирована комиссия из трех лиц, в том числе и я.

Московской обсерваторией. Вступил в московскую организацию большевиков в 1905 г. С 1909 г. отходит от активной работы, не порывая связи с партией. В 1917 г. снова вовлекается в активную работу, а в Октябрьские дни становится начальником штаба Замоскворецкого ревкома. Умер в 1920 г. на Восточном фронте от воспаления легких. („Братская могила“, вып. I).

Новая власть, созданная в большинстве из рабочих, под руководством неопределенных лиц, которые какими-то судьбами попали в руководители, засела в гостинице монастыря. Нас, как представителей центра, приняли хорошо. В то время как в Москве еще не вполне был налажен советский аппарат, у них уже функционировал суд, и целый ряд лиц был осужден за различные мелкие преступления и посажен в тюрьму.

В первую очередь мы приступили к рассмотрению судебных дел, и оказалось, что большинство осужденных—местные рабочие и посажены в тюрьму за мелкие дела, не заслуживающие внимания. Мы немедленно освободили их. Из представителей местной власти в особенности обратил на себя наше внимание комиссар монастыря, который сразу же приступил к национализации монастырских капиталов, получив несколько сот рублей в свою пользу. На этом проводимая им национализация и была закончена. На наш вопрос, что он подразумевает под словом национализация, этот «комиссар» пред'явил нам бумажку, где говорилось, что он состоит в федерации анархистов. Убедившись в том, что с ним не шутят, «комиссар» куда-то исчез и больше к своим комиссарским обязанностям не возвращался.

Был у местной власти свой вооруженный отряд, главным образом из дезертиров-солдат. Обязанности отряда сводились к тому, чтобы не пускать никого в закрытый монастырь.

Ознакомившись с положением дела, комиссия увидела, что по существу в Хотькове совета еще не было, его нужно было организовать.

Советская власть в Московской губернии более или менее оформилась только в январе 1918 г. Были организованы отделы губернского совета, называвшиеся тогда комиссариатами. С опозданием был сорганизован только комиссариат труда, один из важнейших органов пролетарской диктатуры на пороге нового строительства.

С. Протопопов

КЛИН НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Клинский уезд—один из крестьянских уездов Московской губернии. С весьма слабо развитой промышленностью. Из крупных фабрик можно считать только одну текстильную—Высоковскую, где насчитывалось в 1916—17 гг. до 5.000 рабочих. Другие фабрики и заводы насчитывали от 150 до 500 рабочих, и только две—по 1.000 человек. Всего же рабочих в уезде было тогда не более 17—18 тысяч.

Прежде чем говорить о положении рабочих и крестьян и о том, при каких условиях и как вырастало недовольство и революционное движение до февраля 1917 г., необходимо указать на основные особенности этого уезда.

Клинский уезд, одаренный естественными природными богатствами, лесами и т. д., расположенный, кроме того, поблизости от Москвы (50—90 в.), издавна притягивал к себе московских богачей. Постепенно все лучшие земельные участки превращались в имения помещиков, фабрикантов, лесопромышленников и т. д.

Крестьян разоряли, притесняли, делая их малоземельными, лишая лесных, луговых и других угодий, необходимых для сельского хозяйства. Прокормиться крестьянину своим хлебом при таких условиях было невозможно. Он тянулся на фабрику или завод. Излишек свободных рабочих рук в уезде создавал такие условия, что крестьян нанимали за бесценок и держали в большой строгости, а за малейшую провинность увольняли. При таких обстоятельствах, конечно, было очень трудно вести какую-либо революционную пропаганду. Между тем почва для этого была, несомненно, благоприятная, так как все рабочие на самих себе испытывали весь гнет капитализма, и подпольные работники того времени, в особенности большевики, пользовались большим автгритетом. Их листовки, распространявшиеся в большом количестве, охотно читались не только на фабриках, но и по деревням.

Разоренное крестьянство в борьбе за существование только в незначительной части попадало на фабрики и заводы. Большинство же принуждено было заниматься

кустарными промыслами. Крестьяне у себя на дому вырабатывали бумажную и шерстяную ткань, проволочную сетку, бисерные украшения, игрушки, кожевенные и другие изделия. Все кустари сбывали свою продукцию скупщикам, которые, пользуясь случаем, прижимали их и наживали на этом большие капиталы.

Немудрено, что значительная часть крестьянства, чувствуя на себе гнет помещиков, фабрикантов, заводчиков и кулаков-скупщиков, еще до февраля 1917 г. была чрезвычайно недовольна существующим положением. Когда были получены первые сведения о свержении царского самодержавия, то не только в городе, но даже и в уезде произошли демонстрации и митинги. Руководили меньшевики и эсеры. Большевикам они подчас не давали даже говорить. Наши противники принимали все меры, чтобы вокруг себя организовать группы сочувствующих рабочих и руководить начавшимся революционным движением. Тем не менее ряды их были малочисленны. Скрытую контр-революционную пропаганду вели торговцы и кулаки, но открытых выступлений не делали, потому что эти группы не пользовались сочувствием масс.

Полиция и прочее царское начальство были сняты без всяких недоразумений. С марта началась организация советов рабочих и крестьянских депутатов. Почти все фабрики и заводы в Клинском уезде во время Февральской революции работали на оборону. Число рабочих против прежнего было сокращено до 50%. Остались, таким образом, на работе более благонадежные, а, чтобы они больше дорожили своими местами, со стороны фабрикантов делались некоторые уступки в сторону улучшения быта. Революционно настроенные безработные, возвращались в деревню, вели там агитацию за власть советов, но, благодаря открытой пропаганде эсеров и меньшевиков, в советы большевиков проходило вначале очень мало. Большей частью избирались туда на ряду с эсерами и меньшевиками беспартийные рабочие и крестьяне.

Самый город Клин, населенный преимущественно мелким мещанством, купечеством и интеллигенцией, где рабочих едва насчитывалось 500 человек, руководящей роли в революционном движении играть не мог. Центром движения, его колыбелью, можно считать фабрику Высоковской м-ры в 10 верстах от Клина. Здесь были организованы первые революционные кружки, получившие свой революционный закал еще в 1905 г. Здесь же начались и первые забастовки.

Чувствуя надвигающуюся революцию, еще до февраля 1917 г. администрация фабрик и заводов старалась всячески

заигрывать с рабочими, препятствуя в то же время всеми мерами работе большевиков. Ничуть не изменилось положение и после Февраля. Руководящее положение в революционном движении спешили захватить эсеры и меньшевики. Небольшие по количеству, но крепко спаянные и хорошо дисциплинированные группы большевиков существовали почти на всех фабриках и пользовались большим авторитетом среди рабочих. Более значительные группы были на Высоковской фабрике.

На мой вопрос, как проходил на Высоковской фабрике февраль 1917 г. и что было после в Клину, один из активнейших участников того времени, большевик, рабочий тов. И. И. Щербаков, рассказал, что настроение рабочих до революции было весьма подавленным. Рабочий молодняк с фабрики почти целиком выбывал,—одних брали в армию, других увольняли. Работать большевикам было очень трудно. За ними зорко следили, и малейшее подозрение грозило увольнением. Но они работали, несмотря на то, что ряды их редели.

27 февраля 1917 г.,—говорит тов. Щербаков,—я вступил на ночное дежурство. 28-го, в 9 часов утра, выхожу с работы на общее собрание рабочих. Гляжу—наш директор Дерягин стоит на табуретке и произносит речь, что Николая свергли. Мое сердце замерло от радости. Бегу домой, волнуюсь. В час дня иду опять радостный на фабрику вступать на работу своей смены. При входе в подмастерскую встречаю радостные лица рабочих. У всех приподнятое настроение. Мы все чувствовали, какой великий исторический момент переживаем, и какие великие задачи перед нами впереди. Дельнов Федор предложил итти всей группой к директору, чтобы остановить фабрику и сделать митинг. Комитета у нас еще не было.

Фабрику остановили.

Было около 5 часов дня. Все рабочие и работницы собрались, и мы начали выкладывать все, что у кого наболело за долгие годы гнета. Стояла необычайная тишина, все слушали с большим вниманием. Настроение было весьма напряженное, и когда кто-то крикнул, что на митинге присутствует полицейский надзиратель, поднялся невообразимый шум и свист, сквозь который можно было только разобрать одно слово: «Долой!» 6 марта на рабочем собрании были выборы в первый уездный совет рабочих депутатов.

По деревням и селам весть о свержении Николая была также встречена с большой радостью, местами были митинги, выступали преимущественно меньшевики и эсеры, большевикам мешали горлопаны и кулаки.

В марте был избран первый уездный совет рабочих и крестьянских депутатов. Нелегка была работа первого Клинского совета. Квартиру никто не давал. Первоначально поместились в доме Ермакова за 3 руб. в месяц. Но недолго там находились,—хозяин, как только узнал, что на первом уездном с'езде раздался лозунг «Вся власть советам», испугался и отказал совету в помещении. Приютились в грязном, полуразрушенном, сыром помещении бывшей чайной Истомина, по соседству с уборной.

В то время, как в Клину совет переживал такие неурядицы, революционная работа во всем уезде шла вперед. 1 мая 1917 г. был поистине смотром выросших сил революционного пролетариата. К этому времени Клин значительно вырос в революционном отношении, и первомайская демонстрация прошла с необычайным под'емом.

Меньшевики и эсеры особенно усиленно занимались организацией своих групп, и к их услугам была уездная газета, издаваемая Клинским союзным товариществом. Но газета эта имела совсем малый тираж, так как не пользовалась никаким авторитетом среди рабочих, а в деревнях ее и вовсе не было видно среди крестьян. Зато в большом количестве распространялись прокламации большевиков.

В августе оформилась первая клинская ячейка большевиков. В то же время организовались ячейки на Высоковской, в Подсолнечной, в Васильевской волости и других районах.

С сентября начала выходить уездная партийно-советская газета «Советская Республика», организовались кружки молодежи и первые отряды Красной гвардии из добровольцев.

Помню, в одну из поездок в с. Першутино, в 3—4 верстах от г. Клина, мы устроили митинг крестьян в школе. Несмотря на то, что нас не ждали, быстро собралось так много крестьян, что в школе дышать было невозможно. Были заслушаны с большим вниманием доклады по международному и внутреннему положению, по продовольственному вопросу и по организации Красной гвардии. По окончании митинга открыли запись, и в результате вся присутствующая на митинге молодежь вошла в первый клинский отряд красногвардейцев. На следующий день они явились к нам в совет за винтовками. Впоследствии из рядов этой молодежи вышли стойкие, активные коммунисты. Почти целиком на их плечах строилась советская власть и большевистская организация в уезде. Некоторые из них погибли на фронтах.

С большим под'емом и радостью была встречена рабочими первая весть о захвате власти большевиками в октябре.

Тот же тов. Щербаков рассказывал мне, как они в Клину в совете встретили первую весть об Октябре.

— Сидим мы в совете 27 октября,—я, Горбунов и Ворошилин. Пьем чай и говорим о текущих делах. Вдруг звонят по телефону из Москвы. Ворошилин спрашивает: «Кто?» Отвечает из МК тов. Крюков, предлагает немедленно взять власть в свои руки, арестовать малонадежную стражу и заменить ее более верной.

По телефону известили Высоковскую фабрику, Бузоновскую, завод Орлова и другие места и просили помощи. На следующий день к 4 часам утра с Высоковской фабрики под'ехало 25 человек, от Бузона—7—8 человек. Оружия не было. Вызвали более надежных. У неблагонадежных отобрали шашки и револьверы, некоторых арестовали. Все было проделано до 5 часов утра, в какой-нибудь час. Расставили охрану города. В 5 часов утра, в этот же день, организовали революционный комитет, в который вошли Щербаков, Ворошилин и Морозов. Командировали Дельнова, Егорова, Семенова и Богданова разоружать старую стражу.

Через три дня на помощь прибыл из Подсолнечной ряд работников, из числа которых тов. М. А. Антипов был назначен городским комиссаром.

Никакой вооруженной борьбы в Клину не было ни в феврале, ни даже в Октябрьскую революцию.

Характерно отметить, что одновременно с советами долгое время в Клину продолжало существовать и земство.

Окончательно земство было ликвидировано в городе и уезде только в январе 1918 г.

В заключение нельзя не остановиться па контр-революционном выступлении местной буржуазии 28 февраля 1918 г., стоившем нам жизни одного из лучших товарищей.

Местные торговцы при участии своих сыновей и группы хулиганов, разграбили склад винтовок и вооружились ими. Толпа направилась в первую очередь к дому заключения, где сидели тогда заложники буржуазии. Освободив их и других преступников и вооружив желающих итти с ними, они с винтовками направились к совету. В это время там было не более 5—6 человек. Подойдя к совету, толпа начала кричать и свистать, требуя выдачи комиссара финансов тов. Ворошилина, якобы незаконно сажавшего в тюрьму за невзнос контрибуции.

Подступили к редакции, где хранилось значительное количество оружия. А так как я был в редакции один и не мог оказать никакого сопротивления, то ворвавшаяся группа вооруженных без боя разграбила хранящееся там оружие.

В таком обывательском городе, как Клин, конечно, было очень трудно быстро организовать местную защиту; необходимо было получить помощь из Москвы, но, когда я хотел переговорить по телефону с Москвой, оказалось, что теле-

фон был перерезан. В это время толпа ломала двери в совете. Наконец, ворвалась туда с криком: «Бей Ворошилина!» и ринулась к нему. Не желая отдаться живым в руки раз'яренной толпы, тов. Ворошилин на их глазах застрелился.

Тем временем наши товарищи на лошадях с'ездили в Подсолнечную и оттуда дали знать в Москву о происходящем.

Дежурившие на станции задержали шедший из Петрограда воинский поезд. Быстро выстроившись, солдаты с винтовками на-прицел охотно пошли нам на помощь.

С появлением первых солдат и при первых выстрелах вверх громилы попрятались кто куда мог. Тотчас советом была организована комиссия, которая и начала спешно вести расследование. При помощи солдат были по спискам арестованы все зачинщики и вдохновители так называемого восстания.

К характеристике отношения солдатской массы к буржуазии можно привести такой эпизод.

Когда уже уехали от нас после усмирения солдаты, мимо станции Клин проезжали молодые моряки-добровольцы. Узнав в дороге, что в Клину бунт буржуазии, они также вышли из вагонов, быстро выстроились и в боевом порядке ринулись в город. Но по дороге их остановили, сказав, что порядок уже восстановлен. Они очень жалели, что не пришлось им хорошенько проучить врагов рабоче-крестьянской власти, вздумавших вернуть старое.

После восстания советская власть в Клину и во всем уезде укрепилась, и больше не было никаких попыток со стороны темных элементов разрушить народившийся новый мир.

М. Антипов

1917 ГОД В СОЛНЕЧНОГОРСКОМ РАЙОНЕ, КЛИНСКОГО УЕЗДА

(Записала стенографически и обработала Е. П.)

В Солнечногорском районе, где я работал, к началу 1917 года были следующие фабрики: стекольный завод Балкашина, металло-ткацкая фабрика Шабалова, фабрика Кноппа «Волокно», кожевенные заводы Лаповца и завод «Солнце».

На стекольном заводе рабочих было человек 250, у Кноппа—около 500, у Шабалова—около 30 человек, на кожевенных—до 80 человек. Шабаловская фабрика и братья Старостины сдавали работу по мелким кустарям.

Земледелие среди крестьянства было мало развито, многие занимались извозным промыслом и работой на железной дороге, частично—кустарным промыслом на Шабаловскую и другие фабрики.

К концу 1916 г. начало ощущаться отсутствие необходимых продуктов: муки, сахара и т. п. Торговля почти замерла, все мелкие торгаши свои лавочки закрыли, и с этого момента начинает развиваться кооперация. Между прочим, было создано по инициативе женщин кооперативное общество под названием «Свобода».

После введения хлебной монополии при Солнечногорском райсоюзе был создан продовольственный комитет, через который население снабжалось продуктами первой необходимости. В булочных и пекарнях появились очереди за хлебом.

Весть о Февральском перевороте в Петрограде и Москве, отречении Николая и т. п. вызвала некоторый под'ем среди населения: стало чувствоваться, что приближается конец войны, а хотели этого конца все, за исключением небольшого числа лиц, работавших на оборону.

Трудно установить, каково было отношение железнодорожников к перевороту,—они не всегда отрицательно относились к войне, поскольку она их непосредственно не затрогивала.

При получении сведений о перевороте рабочими стекольного завода, как более революционно-настроенными, была разоружена полиция и железнодорожный жандарм. Столкновений не было. На второй день после переворота рабочие стекольного завода вышли на демонстрацию с красными флагами во главе со старыми социал-демократами, большевиками Ратьковым и Бычковым. В селе был избран комитет безопасности. В него вошли представители рабочих, интеллигенции и железнодорожных рабочих и служащих. Комитет занялся организацией милиции, при чем в милицию вошли по большей части тоже рабочие стекольного завода, а начальником милиции избран страховой агент И. И. Кумм.

Перед Февральской революцией большевистской партийной организации в нашем районе не было. Были отдельные большевики из рабочих, и революция проходила без какого-либо влияния со стороны большевистской организации. Но к апрелю организованных было уже до 300 человек, был создан Солнечногорский райком партии под председательством рабочего стекольного завода тов. Иваничева. Впоследствии окружной комитет создал райком в Клину, где вначале тоже не было парторганизации, а в Подсолнечной оставлен участковый комитет.

После железнодорожного с'езда, прошедшего в Петрограде в марте-апреле, железнодорожники организовали на ст. Подсолнечной свой местный комитет рабочих и служащих и завязали непосредственно сношение с ЦК рабочих и служащих Николаевской ж. д. Поскольку на некоторых станциях не было местных комитетов, нам пришлось принять близкое участие в их организации, как, например, на ст. Редькино, Завидово, Решетниково, Сходня, Химки и др. На станции Подсолнечной по постановлению местного комитета в начале мая был сменен начальник станции Михайлов в связи с тем, что он с самого начала отнесся отрицательно к революции.

Совет рабочих и солдатских депутатов был организован у нас в марте после организации такого же совета в г. Клину. Организацию совета проводил представитель Клинского уездного совета с представителем Московского губернского совета.

В совет рабочих и солдатских депутатов были влиты, между прочим, и представители от железнодорожных рабочих и служащих. От армии входили солдаты радиотелеграфной команды, квартировавшей в с. Солнечная Гора. Председателем первого совета был избран солдат Булыгин, интернационалист, как он сам себя называл.

18 апреля, т. е. по новому стилю 1 мая, в Солнечногорском, а также в Высоковском и Завидовском районах были

большие демонстрации рабочих и крестьян, прошедшие в образцовом порядке.

То же самое 21 мая: демонстрация-протест против смертной казни Фридриха Адлера.

К половине июля во всех волостях Клинского уезда были организованы волостные советы крестьянских депутатов, в том числе и в нашей Солнечногорской волости, но на первое время совет крестьянских депутатов не сливался с советом рабочих и солдатских депутатов, а между ними был установлен лишь обмен представительством. Такое же положение было и в г. Клину.

20 августа в виде протеста против смертной казни по постановлению профсоюза и Клинского уездного совета была организована демонстрация. Прошли по всему селу и около совета устроили митинг, собравший более двух тысяч человек. После речей, в которых указывался вред политики Временного правительства, был поставлен на голосование вопрос о смертной казни, и нашелся только один купец Васильев, голосовавший за смертную казнь; остальные были против.

Во время корниловского выступления советом был организован комитет действия, составленный из президиума совета с прибавлением персонально избранных лиц, в частности туда был введен один бывший офицер, как военный спец, и начальник милиции Кумм, но эти лица не всегда отвечали своему назначению: так, на предложение Кумму и офицеру произвести обыски у помещиков и разоружить буржуазию, они ответили отказом, ссылаясь на то, что не получили на это распоряжения от военного начальства. У нас получился с ними конфликт, который пришлось потом улаживать представителям окружного комитета тт. Мещерякову и Минькову.

При выборах в волостное земство список совета прошел полностью. Перед выборами в Учредительное собрание агитационную работу вели большевики—представители советов. При подсчете голосов выявилось, что за список большевиков было подавляющее большинство голосов.

Об Октябрьском перевороте, происшедшем в Петрограде, мы получили радиотелеграмму 26 октября через члена уездного совета рабочих и солдатских депутатов.

Извещая страну о перевороте, военно-революционный комитет предлагал советам на местах разоружить старую милицию, организовать военно-революционные комитеты и самим вооружиться.

27 октября мы созвали пленум совета. Здесь пришлось выдержать большую борьбу с эсерами, протестовавшими против перехода власти к совету и всемерно отстаивавшими

земство. Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов вызвал представителей совета крестьянских депутатов и поставил на обсуждение вопрос о переходе власти к советам и об организации в районе ВРК. Все пришли к единодушному решению избрать военно-революционный комитет из представителей советов, в том числе двоих от совета крестьянских депутатов.

27 октября ВРК об'явил населению о переходе власти к советам. Сейчас же было предложено милиции—или перейти на сторону совета, или разоружиться. При предварительных переговорах с начальником милиции он ни в коем случае не соглашался перейти на сторону совета, и уже только тогда, когда было об'явлено окончательно о переходе власти к совету, Кумм из'являл желание остаться, но, так как помнили его работу в комитете действия, ему было в этом отказано, и тотчас же он был разоружен. Интересно отметить, что мы почти без оружия разоружали милицию; у нас было, может быть, два револьвера, не больше.

Советы организовали свою милицию, начальником был назначен рабочий-железнодорожник Михайлов-Горшков, а милиционерами—рабочие стекольного завода.

Так как Клинский ВРК почему-то медлил с захватом центра, мы 28 октября начали настойчиво требовать, чтобы он власть забирал в свои руки, обещая ему свою вооруженную поддержку, и послали пять человек с берданками и револьверами, но без патрон. 29 октября Клинский УВРК об'явил о переходе всей власти в уезде к советам. Поскольку все везде проходило мирно и столкновений не было, то вопрос об оружии не стоял остро.

Хотя Октябрьский переворот в самом Клину и уезде проходил мирно, но наши враги всеми мерами старались нам мешать, желая как бы сорвать на нас всю свою злобу. Эсеры выступали против нас на митингах, делали общие собрания рабочих на фабриках и пытались доказать, что русские рабочие настолько еще некультурны, что власть в своих руках иметь не могут; симпатии же рабочих были на стороне советов и большевиков.

Стремилось нам противодействовать всеми мерами и клинское уездное земство, состоявшее в большинстве из эсерствующих и кадетствующих элементов. В частности отличался председатель земской управы агроном Лебедев.

Клинская почта тоже не хотела ни в коем случае считаться с советом и вела против него контр-революционную агитацию, прибегая к рассылке всякой антибольшевистской литературы. По всем станциям были поставлены наши комиссии. которые следили за железнодорожным движением и телеграфом.

В Подсолнечной совет рабочих и солдатских депутатов пользовался большим авторитетом, и, если бывали случаи недоразумений с продовольствием или между рабочими и администрацией на фабриках, всегда и та и другая сторона шла за разрешением споров в совет, и что совет постановлял, считалось окончательным, и все этому подчинялись. Было несколько случаев, когда женщины являлись в продовольственный комитет и хотели всех продовольственников выбросить из окон, но благодаря вмешательству совета недоразумения удавалось ликвидировать.

В конце ноября повели работу по об'единению советов, так как у нас существовало два исполнительных комитета: один—совета рабочих и солдатских депутатов и другой—совета крестьянских депутатов. Был созван пленум обоих советов, и исполкомы об'единились.

На второй же день после об'единения новый совет столкнулся с большими трудностями. Бывший земский аппарат не хотел нам подчиняться, а своего аппарата у нас не было. Врачи и учительство тоже за нами не пошли. Тогда было решено собрать об'единенное общеуездное собрание, на которое привлечь пленум советов и земств. Набралось человек около 600. Делались доклады как со стороны земств, так и со стороны советов. Собрание это было, насколько я помню, 15 декабря. Было вынесено решение, что совет может принять дела от уездного земства, когда он найдет это для себя нужным.

Подготовив свой технический аппарат и распределив должности, уисполком 15 января 1918 г. принял дела от земства.

Из земства с нами остался работать один член земской управы—Смирнов, бывший инспектор народных училищ. Все остальные покинули свои посты. В кассе осталось денег 10 рублей с копейками. На следующий день были приняты дела и городской земской управы.

И. Петухов

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

(Воспоминания о Коломне)

В первые же дни Февральской революции, как только было получено известие о революционном выступлении рабочих и солдат тогдашнего Петрограда, Коломенский завод прекратил свою работу. Мне, так давно не выступавшему открыто, пришлось вновь выступить перед сотнями рабочих сталелитейной мастерской с первым горячим призывом к революционной борьбе.

Затем начались выборы по всем мастерским в совет рабочих депутатов. Кроме того, выбрали комитет заводских старост, который впоследствии превратился в завком. Сформировали профсоюз, и закипела лихорадочная работа.

Тем временем вернулись из тюрем и ссылки старые большевики—Левшин, Антонов, Ян Грунт, Карасева и др., вокруг которых об'единились и мы, небольшая кучка рабочих-большевиков, с каждым днем возраставшая. В об'единенной организации РСДРП началась ожесточенная фракционная борьба за преобладание в совете, профессиональной организации, комитете заводских старост и пр. Однако, это продолжалось недолго.

Мы решили расколоться с меньшевиками. У некоторых товарищей явилась нерешительность, но после долгих и горячих прений все же постановили немедленно отколоться от меньшевиков и избрать свой уездный партийный комитет. В него вошли тт. Левшин, Ян Грунт, Антонов, Сарычев, Карасева, Лазарев, я и др. Работа пошла успешно, все новые кадры рабочих откалывались от меньшевиков и входили в нашу организацию.

Меньшевики в то время главное свое внимание сосредоточили на совете рабочих депутатов и правлении профсоюза, ослабив работу на низовом фронте—в комитете старост. Мы же решили действовать главным образом через комитет заводских старост, состоявший из 9 чел., из коих трое—Урываев, Мурин и я—были большевиками. Несмотря на то, что нас было меньшинство, мы сумели использовать связь

комитета с низовой массой, систематически разоблачая перед цеховыми старостами соглашательскую политику меньшевиков в совете рабочих депутатов и профсоюзе.

Постепенно мы вытеснили меньшевиков из комитета старост и, пользуясь его авторитетом среди масс, ввели в правление своих представителей. Таким образом, Левшин стал председателем, Бессонов, Урываев, Карасева, Лактанов, я и др.—членами.

Захватив вторую массовую организацию, мы уже легко могли бороться с меньшевиками и в СРД, так как авторитет большевиков среди масс все больше возрастал.

Рабочие начали отзывать своих меньшевистских представителей, выдвинутых ранее в СРД и теперь утративших доверие масс, и заменять их большевиками. Соотношение сил в совете изменилось в нашу пользу.

Лидеры меньшевиков—Чиркин, Мосалов, Еленин, Игнатов и др.—понемногу сходили на-нет.

Когда широкие рабочие массы все более и более начинали сочувствовать лозунгам: «Вся власть советам», «Долой войну», «Фабрики—рабочим, земля—крестьянам», меньшевики вели демагогическую агитацию против большевиков. В июньское наступление Керенского меньшевики организовали с целью поднять энтузиазм рабочих демонстрацию и устроили шествие с 1-го Коломенского завода на 2-й, при селе Бочманове, где вырабатывались специально снаряды.

Шествие двинулось с плакатами, на которых красовались на ряду с другими, лозунги Временного правительства: «Война до победного конца», «Все к станку!», «Поднимайте производительность труда!» К шествию примкнула и организованная группа нас, большевиков, с целью дать демонстрации большевистское направление. Сначала мы-было подняли свой плакат с надписью: «Долой войну—вся власть советам», но руководители потребовали свернуть его. Когда мы подошли к заводу, работу на несколько минут остановили и стали говорить речи. Сначала выступил меньшевик, потом наши товарищи: Левшин—председатель профсоюза и Карасева, которая звонким голосом обратилась к женщинам, составлявшим большинство рабочих завода, и в краткой, но содержательной речи раз'яснила им, что народные предатели призывают их к усиленному труду над снарядами, которые будут направлены против их же сыновей, мужей и братьев и увеличат число вдов и сирот. После нее выступил тов. Лазарев, один из наиболее авторитетных рабочих Бочмановского завода, член заводской ячейки большевиков, и предложил рабочим вместо того, чтобы усилить работу, как предлагает Временное правительство, совсем прекратить ее.

В результате весь завод, до того момента не помышлявший о забастовке, остановился в знак протеста против войны. Меньшевики метали гром и молнии по нашему адресу и пытались через свои меньшевистско-эсеровские уездные власти арестовать тт. Левшина и Лазарева, но не могли их разыскать.

В августе, когда собралось Московское совещание так называемой «революционной демократии» во главе с Рябушинским, Кишкиным и К° (а в действительности это было совещание замаскированной контр-революции), Коломенская большевистская организация постановила в день открытия совещания устроить демонстрацию и призвать рабочих к протесту, чтобы произвести смотр революционным силам и еще раз проверить, за кем идут рабочие массы.

С утра мы выступили с призывом прекратить работу. Первые последовали за нами сталелитейная и судостроительная мастерские, за ними и прочие. Меньшевики прилагали все усилия, чтобы затушить революционный пыл массы и с пеной у рта доказывали нецелесообразность выступления. Однако, старания их были тщетны. Демонстрация прошла очень дружно, а рабочие массы после Московского совещания окончательно убедились в соглашательской политике меньшевиков, которые впоследствии лишились своего представительства почти от всех рабочих организаций Коломны, окончательно потеряв всякое доверие рабочего класса.

Назревали великие исторические события. На смену первой буржуазной революции шла вторая, пролетарская, с властью советов рабочих и крестьян. К этому переходу наша организация в Коломне была вполне подготовлена. Силы были распределены, каждому товарищу даны определенные директивы, план захвата власти был точно намечен.

Помню историческую ночь, когда прибыл со с'езда советов из Петрограда наш представитель тов. Сарычев и об'явил нам, что дольше медлить нельзя, что в Петрограде власть уже захвачена и передана в руки совета, и что нам на местах нужно последовать этому примеру. Тотчас же началась горячая организационная работа, длившаяся несколько суток. Был организован революционный военный комитет, об'явили, что вся власть в уезде принадлежит совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Последние остатки меньшевиков поспешили покинуть совет и с помощью офицерства двух расположенных в Коломне полков укрепились в здании городской думы, откуда пытались сделать набег на наш ревком.

Хотя солдаты были на нашей стороне, все же для большей безопасности мы решили с частью Красной гвардии отправиться к складам, где хранились большие запасы ору-

жия. Несколько сот коломенских рабочих помогли нам очистить склады, и в результате несколько тысяч коломенцев были вооружены, а остатки оружия сложены в партийном клубе, который являлся революционным штабом, откуда шло организованное вооружение рабочих, вступающих в Красную гвардию.

После Октябрьской революции темные силы никак не хотели примириться с рабоче-крестьянской властью и продолжали свою контр-революционную работу. Так, на чердаке почтамта был обнаружен телеграфный аппарат, по которому велись тайные переговоры с центральными контр-революционными организациями. Эта находка способствовала открытию заговора меньшевиков, которые блокировались с офицерством, изгнанным солдатами.

Они вели переговоры о присылке поезда с вином с целью подпоить малосознательные массы и создать побоище большевиков. Просили о присылке бронепоезда с надежными воинскими отрядами. Пытались взорвать электростанцию, что повело бы за собой продолжительную остановку работы на заводе, а поэтому нам пришлось поставить вооруженную охрану из рабочих и все время быть на-чеку. Начался самый наглый саботаж со стороны администрации завода, подготовлялись погромы и голодные бунты. Меньшевики занялись агитацией и натравливанием темноты на большевиков.

Во время одного такого бунта было совершено нападение на Красную гвардию. Тов. Лазарев пытался уговорить и остановить дикую толпу торговцев, городского мещанства и обывателей, но, к несчастью, неудачно. Он и еще десять энергичных, деятельных большевиков поплатились жизнью,—их растерзали. Могила героев находится посреди города Коломны.

Контр-революция пользовалась всяким тяжелым моментом в связи с разрухой, голодом и общей неналаженностью. Борьба со всеми этими явлениями требовала героического напряжения сил, гибкости организации, своевременных и правильных мероприятий, чтобы дать возможность рабочему классу закрепить свои позиции, отнятые с бою у самодержавно-капиталистического строя. Было много тяжелых моментов в этой напряженной классовой борьбе, и только пролетариат в союзе с крестьянством и под руководством ленинской партии способен был закончить ее победой. Но об этом скажут новые страницы революционной истории.

В. Евграфов

НА СУКОННОЙ ФАБРИКЕ ПОПОВА БЛИЗ Г. ВОСКРЕСЕНСКА

Февральская революция меня застала на Октябрьской фабрике (бывш. Попова). До революции у нас на фабрике, начиная с 1905 г., бывали иногда нелегальные собрания, на которые приезжали агитаторы от партии эсеров, говорили о непорядках в России, рабочие охотно слушали, но когда оратор говорил, что нужно взяться рабочим самим за оружие и освободить себя от самодержавного строя, то у рабочих являлась боязнь, как это можно сделать,—армия не допустит.

Но сознание рабочих со временем постепенно росло, политической же подготовки у них было мало. Из литературы к нам только изредка попадали листовки, и их с жадностью читали, о программах же партий до Февральской революции рабочие имели мало понятия.

Существовали у нас при фабрике до 1917 г. легальные организации—потребительское общество, кредитное товарищество, больничная касса и совет старост, но все эти организации работали под давлением фабриканта Попова. Все-таки рабочие постепенно привыкали к организации. Я работал в механическом цехе, так как я по профессии слесарь, и был избран в совет старост и в члены правления больничной кассы.

За три дня до Февральского переворота мы видим: прекратилась доставка газет к нам на фабрику, стали ходить какие-то смутные слухи, что что-то делается в Москве, но что,—понять было трудно. Наконец, вечером 27 февраля приехал из Москвы сын директора и привез газету. Мы узнали от него, что все фабрики в Москве остановились, по улицам ходят демонстрации, восстали войска, и хотя он нам не сказал, что началась революция, но все рабочие уже поняли, что что-то делается в Москве необыкновенное.

На следующий день, т.-е. 28 февраля, в 12 часов дня мы остановили фабрику, устроили манифестацию, сделали собрание рабочих и решили выделить двоих и послать в Москву узнать, что там делается, и что нам нужно делать.

Выбрали нас вдвоем с тов. Михеевым, М. С. Прежде чем поехать, мы собрали совет старост и выработали инструкцию, в которой говорилось, что совет старост должен бороться с пьянством, на собраниях рабочие должны держать себя прилично, неприличными словами не выражаться и целый ряд других пунктов,—кажется, всего 32. Эта инструкция была принята общим собранием, и было поручено нам с тов. Михеевым взять ее с собой в Москву, узнать, можно ли ею руководствоваться.

Когда мы приехали в Москву, нам представилась следующая картина: все полицейские посты по городу Москве уже занимали рабочие и студенты вместо прежних приставов, околоточных и городовых. Мы направились в городскую думу, где в то время заседал Московский совет, кое-как нам удалось туда пробраться, так как она была оцеплена солдатами. Мы видели, как на наших глазах приводили приставов, околоточных и городовых и отбирали у них оружие и складывали тут же, в городской думе. Затем мы были допущены в зал заседания. Зал был битком набит народом, в президиуме были и вели собрание Л. М. Хинчук, В. П. Ногин, здесь были и солдаты, и рабочие, и офицеры с золотыми погонами, и вот тут я услышал, как говорил один солдат. Его слова я никогда не забуду.

— Никто,—говорил он,—не знает из этих,—указал он рукой на офицеров,—что под этой серой шинелью скрывается сталь, крепкая сталь, а солдат крепче стали, только вся разница в том, что сталь чистят, полируют, а солдата—никогда. Грязный, холодный, голодный,—и им до этого дела нет. Я и сейчас вот нахожусь на собрании, как будто для меня это сон, я и сейчас не могу себе представить, что, придя завтра в казармы, я не буду посажен под арест.

Последние слова он не мог договорить, его душили слезы от радости, что он уже не тот, чем был, и от того, что у него наболело на душе.

Нам пришлось пробыть в Москве 5 дней. Здесь мы видели, как наша буржуазия, когда был молебен на Красной площади, вся пришла на молебен с аршинными красными лентами на груди, и тут же, на Красной площади, был парад войскам, и здесь же мы узнали, что Николай отрекся от престола.

По приезде на фабрику мы собрали общее собрание рабочих,—это было 5 марта по старому стилю,—и сделали доклад, как могли, о том, что мы узнали в Москве. Собрание продолжалось с 6 часов вечера до 4 часов утра. На собрании был избран фабричный исполнительный комитет из 15 человек, в том числе и я. Голосовали тайным голосованием. На другой день мы собрались, но так как своего

помещения у нас для комитета не было, пришлось собраться в так называемом клубе для служащих. Первым председателем комитета был избран П. Г. Мещанинов, электротехник, как более грамотный, секретарем—тов. Аралин. Им было поручено поехать в уездный город (в то время Воскресенского уезда еще не было, а был один Звенигородский) и узнать, что должен был делать фабричный исполнительный комитет. В Звенигороде уездным комиссаром был назначен князь Голицын, а заместитель его—Никитин, уездный доктор. По приезде из Звенигорода товарищей Мещанинова и Аралина мы узнали, что высшим органом на фабрике является фабричный исполнительный комитет, который целиком и полностью подчиняется уездному комитету. В тот же день Мещанинов отказался от работы, а на другой день пришлось собрать снова общее собрание рабочих, и председателем комитета был назначен я.

Работать первое время приходилось на квартире то у меня, то у Аралина за неимением помещения; не было ни бумаги, ни чернил, и средств тоже на расходы никаких не было. Затем нам было отгорожено помещение,—маленькая комната при общей кухне для рабочих. С этого времени и началась работа фабричного комитета.

На первом собрании рабочих, уже после оформления комитета, был поднят вопрос о 8-часовом рабочем дне, и было решено установить его немедленно, а затем требовать от фабриканта 15% прибавки жалованья за прошлое полугодие, предварительно узнав на фабрике Четверикова, что там получали рабочие больше, чем у нас. Этого нам удалось добиться. Было получено с фабриканта 102.000 рублей. Делаю оговорку, что фабрикант тут же после Февральской революции скрылся в Москву, оставив на фабрике заведующего Топленова и технического директора. Квартиру последнего тут же вскоре после переворота молодежь собралась вечером и разгромила. Он тоже сбежал, оставив все имущество на фабрике, которое впоследствии было разделено по рабочим, а серебреные вещи были переданы в Кремль.

Общие собрания рабочих происходили по три раза в неделю, работа была трудная, и не было никаких указаний, как нужно работать,—только была одна надежда на поддержку рабочих, и еще помогало пролетарское чутье. На каждом собрании рабочих выдвигались все новые требования, которые нужно было проводить в жизнь. Добиваться от администрации фабрики исполнения требований рабочих приходилось мне, как председателю комитета.

В апреле у нас чуть было не произошел раскол со служащими: они не хотели итти вместе с рабочими и образовали свой комитет служащих, собрали денег 75 рублей на расходы

комитета, выбрали председателем фельдшера местной фабричной больницы Горюнова и секретарем конторщика Прохорова, В. М. Мне пришлось пойти к ним на собрание и доказать им, что двоевластия на фабрике быть не должно,— мы этого не допустим, тем более, что их было всего 75 человек, а с нами—все рабочие. На другой день от служащих пришли в комитет двое, принесли протокол своего собрания и просили нас принять их в свою среду и дать им одно место в комитете, а так как в то время комитет переизбирался почти каждый месяц, то на первых перевыборах была введена представительницей от служащих доктор Бродская-Трофимова.

Затем мы связались с Дедово-Гучковской фабрикой. Там были организованы районный комитет партии большевиков и районное отделение профсоюза текстильщиков. Организатором был тов. Сапронов, Тимофей Владимирович, по кличке «Александр». Он работал на заводе «Проводник» в Тушине и в то время действительно был вождем рабочих Тушино-Гучковского района, а на Дедовской фабрике была эсеровская организация, во главе с доктором Аржанниковым (в нее входили большей частью служащие фабрики). Тов. Сапронову много пришлось поработать, чтобы организовать весь район. Он ездил по всем фабрикам на собрания и организовывал ячейки большевиков. К нам он приехал в конце апреля; собрали митинг, и он раз'яснил подробно, какие партии чего добиваются, и предложил организовать ячейку большевиков. На следующий день у нас ячейка большевиков организовалась, и в нее записалось 300 человек. Такой успех об'ясняется тем, что большевики были против войны, а в то время почти не было ни одной семьи, в которой кто-нибудь не был бы на войне.

1 мая было решено праздновать на большой поляне, при станции Нахабино, близ фабрики Биллон, куда должны были прибыть рабочие со всех фабрик. Наша фабрика (Попова-Ивановская) также стала готовиться к празднику. Были написаны лозунги: «Да здравствует 1 мая!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой войну!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Да здравствует трудовая школа!» и другие. В 9 часов утра все рабочие должны были собраться в театре нашей фабрики, откуда должны были двинуться стройными рядами к станции Нахабино. И действительно, все аккуратно собрались к 9 часам утра. Фабричный комитет из своей среды выделил руководителей, и в 9 часов утра демонстрация тронулась. Впереди шел духовой оркестр нашей фабрики, за ним рядами, по четыре человека,—школьники, а затем уже рабочие, также по четыре человека. Демонстрация растянулась на $^1/_4$ версты, по пути к ней при-

соединялись крестьяне окрестных деревень. Настроение у всех было праздничное, у всех были красные ленты на груди, порядок образцовый. Действительно, красиво было смотреть на это шествие и, судя по настроению участвующих, можно было смело сказать, что рабочие и крестьяне победят весь мир.

После петроградского июльского выступления мы совместно с Дедово-Гучковской фабрикой устроили демонстрацию и пошли в Воскресенск, но нас там приняли не совсем дружелюбно. Благодаря агитации лавочников против нас раздались возгласы: «Разорвать их знамена, а их прогнать отсюда в шею, чтобы они не мутили народ!» А на знаменах у нас были написаны лозунги: «Долой десять министров-капиталистов!» и «Вся власть советам». Потом был устроен громадный митинг, в результате которого настроение у населения значительно изменилось, к нам стало больше доверия.

Перед корниловским восстанием стали распускаться слухи, что Корнилов идет на Москву, а к нам идут казаки, которые будут всех большевиков вешать и расстреливать. На фабрике создалась паника, да к тому же кто-то сказал, что двоих казаков уже видел в лесу. Большая часть вновь испеченных большевиков, в особенности женщины, приходили ко мне и просили вычеркнуть их из списков тут же, при них. От всей нашей организации осталась небольшая группа в 13 человек. Более сознательные рабочие решили принять меры на случай прихода казаков, и около фабрики, на противоположном берегу реки Истры, где казаки могли переправиться через реку к фабрике, вырыли окопы. Потом оказалось, что никаких казаков не было, а это были солдаты тз 195 полка, стоявшего в Павловской слободе, в 10 верстах от фабрики.

Затем дальше уже началась усиленная подготовка к выборам в Учредительное собрание, уездное и волостное земство.

Нужно сказать, что в нашем, тогда еще Звенигородском, уезде был большой наплыв агитаторов-эсеров, а нас, большевиков, было очень мало, так что от них, например, приходило на собрание 2 или 3 агитатора, а от нас один. К тому же нам приходилось обслуживать и Волоколамский уезд. Был такой случай: я узнаю, что в деревне Красновидове, недалеко от фабрики, назначено собрание в школе и приехал агитатор от эсеров. Я бегу туда, прихожу—собрание уже в полном разгаре: говорит женщина, интеллигентка. После нее я прошу слова, мне сначала не дают говорить, и только благодаря тому, что меня там знали, один из крестьян, Морозов, говорит: «Почему не даете говорить тов. Евграфову? Одной дали высказаться, а другому не хотите

дать?» А она уже взяла-было под свое влияние все собрание. Наконец, мне разрешили высказаться, и, когда мне до некоторой степени удалось разоблачить ее, получилась другая картина,—симпатии крестьян явно начали склоняться па сторону большевиков. Когда вышли из помещения, меня окружили женщины и спрашивали: «За кого же нам теперь голосовать?» Я им сказал: «Если вы хотите воевать до победного конца, а этого победного конца никогда не может быть, то голосуйте за список партии эсеров, а если вы не хотите войны, то голосуйте за список большевиков». В нашем уезде абсолютным большинством прошел список большевиков, несмотря на энергичную агитацию эсеров.

В уездное земство от большевиков прошли 12 человек: Сапронов, Т. В., Голенко, Боголепов, я, Дорофеев, Колеснев и другие; от эсеров—4 и от меньшевиков—2 человека—Зиновьева, санитарный врач, и Бердичевский, тоже врач.

На первом собрании при выборе членов управы мы получили большинство голосов за своих кандидатов, но председателя управы выбрать не могли. Всего членов уездного земства было 41 человек, так что, когда мы выставляли своего кандидата на пост председателя, то у нас получилось равное количество голосов, т.-е. 20 и 20, при условии, что выбираемый не голосовал. Нужно сказать, что при этих выборах сыграл большую роль уездный врач Никитин, всячески старавшийся восстановить беспартийных против большевиков. После трех созывов мы, большевики, решили в уездное земство пригласить председателя не из членов уездного земства. По положению это было можно, и к нам был прислан Московским Комитетом большевиков тов. Иванов, Тимофей Трофимович.

Вначале тов. Иванов был председателем уездной земской управы, а впоследствии председателем Звенигородского исполкома.

Перед Октябрем, когда мы узнали, что в Москве большевики готовятся к вооруженному выступлению, мы тоже решили готовиться, но у нас на фабрике никакого оружия не было, а фабричная администрация имела несколько охотничьих ружей. Нами был организован революционный комитет, и в первую же очередь он занялся отобранием оружия у всей буржуазии нашего района. Было отобрано двадцать пять штук охотничьих ружей, несколько револьверов, в том числе два револьвера у попа села Лужков. Он сначала не хотел их отдавать, говоря, что они у него в починке, но, когда ему сказали, что он арестован, и предложили пойти вместе в фабричный комитет, он отдал один револьвер, а на другой дал расписку, что представит через два дня. В комитете он жаловался мне, что его вели, как преступника,

с ружьями. Я ему ответил: «Батюшка, зачем вам револьвер? Вы должны молиться, а если нужно, как вы проповедуете, пострадать за это, то вы получите царство небесное». Потом мы его отпустили.

Получаем извещение от ревкома Дедовской фабрики, что срочно нужно выслать отряд в 50 человек в Москву на подкрепление. Наш отряд должен будет присоединиться к отряду Дедовской фабрики, там же будет выдано и оружие, и оттуда уже отряд выступит в Москву. Бой в Москве продолжался уже три дня, но нам, чтобы собрать отряд, нужно было провести митинг, призвать рабочих и самим, кому-либо из фабрично-заводского комитета, пойти вместе с отрядом. Я решил итти, из'явили желание и некоторые рабочие. К 10 часам утра собралось для проводов отряда очень много народа, не только рабочих, но и крестьян. Был оркестр духовой музыки, устроили митинг, где мне пришлось сказать напутственное слово отряду и остающимся рабочим,—что перед нами лежит задача взять власть в руки рабочих и крестьян и удержать ее, и что этот первый отряд, может быть, будет не последним. Нам, может быть, придется посылать еще и другие отряды на защиту интересов рабочих и крестьян. Остающиеся товарищи должны взять на себя заботу о семьях уходящих с отрядом. Под звуки оркестра и пение «Интернационала» отряд двинулся в путь к станции Манихино, Виндаво-Рыбинской железной дороги, откуда он должен был направиться до ст. Гучково, на Дедовскую фабрику, и утром, в пять часов, вместе со вторым отрядом отправиться в Москву.

Когда мы приехали на Дедовскую фабрику, там нам были выданы винтовки и патроны; спать, конечно, в эту ночь никто не мог, у всех настроение было бодрое, веселое, все шутили. В 12 часов ночи получаем извещение от приехавших из Москвы тт. Демидова и Белова, что наш отряд должен остаться. В Москве все уже кончено, власть взята, а нам нужно занять Звенигород, Воскресенск и Волоколамск. Отряду же Дедовской фабрики занять ст. Манихино. Наш отряд вернулся обратно на фабрику, а мы с тов. Демидовым поехали в Москву, повезли продовольствие для гучковского отряда, стоявшего у Сухаревой. Штаб отряда помещался в каком-то трактире. Москва имела еще боевой вид, слышны были выстрелы винтовок и пулеметов. То и дело встречались грузовые автомобили, наполненные отрядами рабочих с винтовками и пулеметами.

Необходимо еще упомянуть о 195 полке, который стоял в Павловской слободе. Когда он должен был выступить в Москву на подкрепление, часть офицеров довела солдат до ст. Нахабино, посадила их в вагоны, а сама скрылась. Нам

было сообщено об этом на фабрику, чтобы найти их и арестовать, и мы арестовали их,— одного в Манихине, а другого в Красновидове.

Как было сказано, мы должны были занять г. Звенигород. Собрали отряд добровольцев из рабочих в 25 человек и пошли. Недалеко от Звенигорода нас предупредили крестьяне, что, мол, будьте осторожны, там для вас приготовлены пулеметы на колокольнях и трехдюймовые орудия. Не дойдя до Звенигорода, мы остановились в лесочке и послали разведку узнать, какое настроение в городе. Вернувшиеся товарищи сообщили, что в городе все спокойно. При входе в город мы узнали, что сюда уже прибыли гучковский отряд и солдаты 195 полка. Мы присоединились к ним и стали вместе занимать посты по Звенигороду.

Был избран революционный комитет под председательством старого подпольного работника тов. Коломина. Уездный же комиссар, князь Голицын, узнав, что власть перешла в руки революционного комитета, тотчас же скрылся, и тогда было предложено его заместителю, доктору Никитину, сдать все дела исполнительному комитету. Никитин не хотел подчиниться, пришлось его привести с милицией, но он и здесь не хотел разговаривать с нами, пришлось его арестовать домашним арестом,—посадить его в арестный дом было нельзя, потому что не на кого было оставить заведывание больницей.

Затем был созван уездный с'езд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором и был избран уисполком. Председателем был избран тов. Иванов, Тимофей Трофимович, я вошел в президиум. Так была установлена советская власть в нашем Звенигородском уезде.

А. Лукин

ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ В ПОДОЛЬСКЕ

Накануне Февральской революции я работал в городе Подольске на заводе Земгор по упаковке трех- и шестидюймовых снарядов.

В то время в Подольске никакой социал-демократической организации не было. Все рабочее движение сосредоточивалось вокруг двух полулегальных организаций: это, во-первых, драмкружок при заводе компании Зингер и, во-вторых, народный дом,—культурно-просветительная организация, в которой насчитывалось до двухсот членов. Я был председателем, врач Евстефеева, Елена—секретарем и активными членами товарищи Бунгш, Эвальд, Власов (впоследствии Молоткович), Клятышев, Дзевер, Карпов, Масленников, И. М., Борисова, Л. И. и целый ряд других товарищей, которых я не помню.

В этих двух организациях в то время об'единялся весь актив лучшей революционной части рабочих.

Многие из них в отдельности были связаны теми или иными нитями с революционными организациями Москвы и часто в интимных беседах делились сведениями, относящимися к революционному движению.

Недели за три до Февральской революции у нас в правлении народного дома было постановлено прочесть платную лекцию. При определении темы лекции мы остановились на французской революции. Нужно сказать, что с большим трудом нам удалось получить разрешение и то только под ответственность правления, с условием, что на лекции не произойдет никаких демонстраций и беспорядков. Найден был лектор, социал-демократ тов. Жаворонков из Москвы, который и прочел нам лекцию в два воскресенья при переполненной аудитории. Постановка этой лекции была как раз перед Февральской революцией.

Наступили февральские дни. В воздухе тревожно. Мне пришлось быть в Москве, увиделся с целым рядом товарищей,—с покойным тов. Волынкиным, Федуловым и другими рабочими от Ронталера [1]).

---

[1]) Пуговичная фабрика в Бауманском районе.

В трактире за чайком, в беседе о текущем моменте мы пришли к заключению, что мы стоим перед революцией, а Федулов тогда же сказал: «Да, это верно, что перед революцией, но перед какой?»—и прибавил, что революция должна быть революцией социальной, а поэтому, как участникам пятого года, нам теперь же надо собрать свои распыленные силы и, встав во главе движения, придать ему организованный характер.

По приезде в Подольск, о нашей беседе я поделился со своими товарищами по правлению народного дома, но они вначале отнеслись сдержанно.

В последних числах февраля получаются сведения, что в Петрограде что-то происходит, но что—из газет трудно было уловить.

Драмкружок командирует двух своих членов в Москву узнать, что там происходит. Вечером мы их встречаем на вокзале, и они сообщают, что в Петрограде восстание, в Москве—тоже демонстрации с красными знаменами, в городской думе заседает совет рабочих депутатов.

Мы собираем правление народного дома и решаем, что теперь не время нам заниматься делами общества, а с завтрашнего же дня нужно всем активно принять участие в революции.

На утро 28 февраля на заводах Зингер и Земгор во всех цехах необычайное движение, предлагается выделить делегатов и итти в столовую при заводе Земгор. От нашего цеха посылают меня.

В столовой открывается собрание для информации о происходящих событиях.

Тут же принимается постановление кончить работу и всем выйти во двор завода Зингер и после речи итти в город на демонстрацию.

Часам к 12 утра все рабочие и работницы выходят на двор, из толпы выделяется тов. Кольман, который произносит речь о революционной борьбе рабочего класса с самодержавием. Заканчивая, он сказал: «Или мы должны умереть, или победить,—другого выбора нет».

От трехцветного флага оторвали белое и синее и сделали красный флаг; вся масса с пением марсельезы, под оркестр духовой музыки направилась на площадь. Там произносятся речи, и все расходятся, но видно, что с неохотой.

Вечером накануне 1 марта мы, делегаты, собираемся в столовой Земгор для выработки плана дальнейших действий, решаем арестовать и разоружить полицию, а также и весь офицерский командный состав гарнизона.

Утром, 1 марта рабочие собрались в цехах, но к работе не приступают в ожидании распоряжения о вооруженной

демонстрации. Я и тов. Чижов идем в заводские казармы и предлагаем солдатам с оружием выступить вместе с рабочими; они отвечают, что сами они согласны, но их не пускают офицеры-инструктора.

Тогда мы идем к офицерам и предлагаем им сдать оружие. Не сразу, а после долгих переговоров они, наконец, снимают оружие и сдают его нам, одновременно обращаясь к солдатам с заявлением, что кто из них желает итти с рабочими,—препятствия никому не будет.

Солдаты радостно взялись за винтовки и вышли на двор к рабочим. Вооруженная демонстрация пришла в город, из ее рядов выделились делегаты и приступили под аплодисменты демонстрантов к разоружению и аресту полиции и раздаче ее оружия делегатам.

Разоружение и арест старых властей производились не только в городе, но и в уезде, по волостям и на фабриках.

В земской управе заседал совет рабочих депутатов под председательством тов. Власова (Молотковича) и заместителя его—тов. Варейкиса. Заседания совета тогда происходили с раннего утра до поздней ночи. На третий день был избран исполнительный комитет: тов. Чижов, Н. Г. был выбран председателем исполкома и начальником милиции, я—заместителем председателя, Масленников, И. М.—казначеем, Зотов—секретарем.

Заседания исполнительного комитета затягивались до глубокой ночи, а иногда и до утра.

Из Москвы к нам приезжает с мандатом земский юрист В. Н. Тихомиров в качестве уездного комиссара для организации власти.

Совет сначала его не принимает, мотивируя тем, что он послан губернским комиссаром, а не Московским советом, но впоследствии соглашается, и тут же производятся выборы делегатов в комитет общественных организаций.

Встал злободневный вопрос об организации профсоюзов, и первым был организован союз металлистов, а за ним и другие профсоюзы по разным отраслям производства.

Образуется социал-демократическая организация, в которой принимают горячее участие товарищи Евстефеева, Борисова, Эвальд, Бунгш, я и другие товарищи. Вскоре в организацию входит тов. Матрозов и принимает самое горячее участие в работе.

На первое время наша организация об'единяла социал-демократов различных оттенков: большевиков и об'единенцев, меньшевиков-интернационалистов и меньшевиков-оборонцев, хотя последние были в самом незначительном меньшинстве.

На первых порах работа партийной организации проходила дружно, особых разногласий на собраниях не заме-

чалось, а когда на страницах меньшевистской газеты «Вперед» и большевистского «Социал-Демократа» появились резко противоположные точки зрения во взглядах на дальнейшее развитие революции, отношение к войне, к Временному правительству и к соглашательской политике советов, где преобладали меньшевики и эсеры, а тем более после демонстрации под лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!» и «Вся власть советам!»,—то и в нашей организации разногласия настолько резко обозначились, что привели к окончательному расколу. Были образованы две самостоятельные организации—большевиков (в нее же вошла и латвийская секция) и меньшевиков. Большевики тем временем повели агиткампанию среди рабочих за перевыборы совета.

В сентябре совет был переизбран, и первенство в нем получили большевики. С этого момента вся политика совета проводится уже в большевистском духе.

Нужно сказать, что работа Подольского совета нового состава и его исполнительного комитета проходила в беспрерывных конфликтах с представителями Временного правительства и комитета общественных организаций. Эти конфликты усиливались день ото дня саботажем со стороны городской думы, где преобладали эсеры.

Грянул гром—наступление генерала Корнилова на Петроград. Это наступление сразу об'единило разные группы. Тогда же была выделена чрезвычайная семерка, в которую входили представители разных партий, до эсеров включительно. Был избран и я, но после победы над Корниловым расхождения большевиков с соглашателями опять настолько усилились, что эта временная организация распалась. Тогда большевики, пользуясь своим влиянием в совете, повели кампанию за вооружение Красной гвардии из рабочих, и мне лично пришлось, хотя я тогда был еще меньшевиком, сделать на конференции профсоюза доклад о необходимости организации и вооружения рабочей Красной гвардии в целях самообороны.

В кампанию выборов в Учредительное собрание как в городе, так и в уезде, организация большевиков развила такую агитацию, что приходилось только удивляться: «Ну, и большевики!»

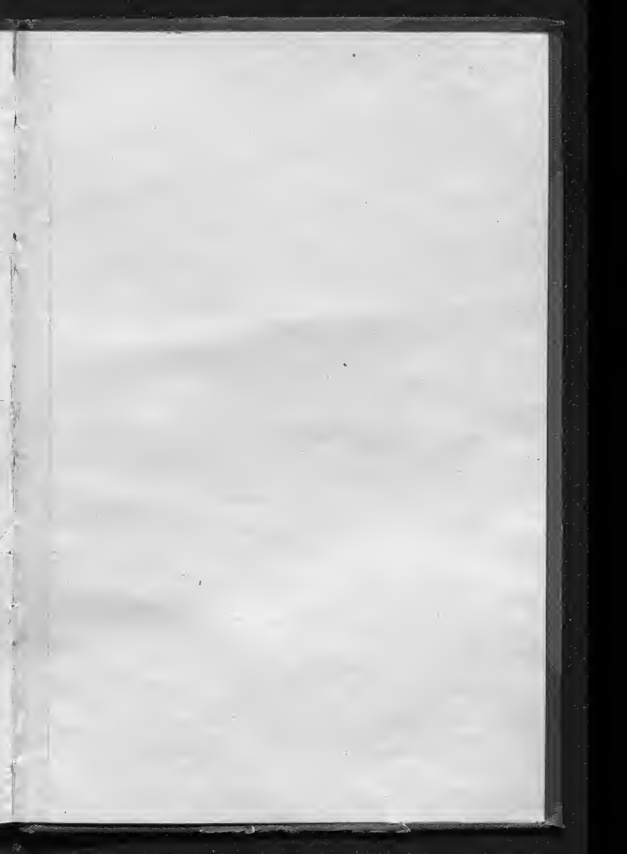
В результате все списки в уезде летят на-смарку, а список № 5 вырос во всю гигантскую величину.

Выборы в Учредительное собрание окончательно определили настроение рабочих и крестьян в сторону борьбы за власть советов, ибо крестьяне не видели другого исхода, как можно было бы сбросить помещиков, а о рабочих и говорить нечего,—они видели, что Временное правительство кончать войны не думает, хотя вести ее никаких сил нет,

А также не может Временное правительство вести борьбы и с саботажем капиталистов.

Октябрьская революция прошла у нас, в Подольске, бескровно, ибо никто ей не сопротивлялся. Меньшевики занимались в это время разговорами о демократии и варились в собственном соку. Эсеры—это дутая, совершенно беспочвенная организация, которую окончательно похоронили выборы в Учредительное собрание. И ни та, ни другая партия не чувствовали в себе силы сопротивляться захвату власти большевиками. Единственно, кто оказал сопротивление, это—начальник милиции Мужилкин, Г. П., который не хотел передать милиции революционному комитету; но он тут же был смещен, и милиция без всяких инцидентов перешла в распоряжение ревкома.

После окончательного установления советской власти, исполнительному комитету приходилось не раз испытывать чрезвычайные трудности в продовольственном вопросе, и мне, как председателю продовольственного совещания, вместе с председателем исполнительного комитета тов. Петровым, А. Ф. не раз приходилось прибегать к последней крайней мере и останавливать на ст. Подольск хлебные грузы, идущие в адрес Моссовета, и разгружать их, чтобы накормить голодающих рабочих. Средств не было, а нужд сколько угодно. На заседании исполкома был ребром поставлен вопрос, где взять денег, и решили наложить контрибуцию на буржуазию.

ЦЕНА 1 р. 80 коп.

5

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
Торговый Сектор Издательства
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Москва, Центр, Кузнецкий Мост, д. 7.
Ленинград, Проспект 25 Октября, 68.
ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА
(Москва — Центр, Моховая, улица, 24, 3-й книжный магазин
Издательства „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“)

